A'8 10/94

А. 18 10/94

СИНТАКСИСЪ

ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОБРАЗЦАХЪ

И

ПОСЛОВИЦАХЪ

СЪ РУКОВОДЯЩИМИ ВОПРОСАМИ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХЪ ЗАНЯТІЙ.

ХРЕСТОМАТІЯ.

Составилъ

Ѳ. Г. Савенко.

Назначается для всѣхъ вообще средне-учебныхъ заведеній, а также уѣздныхъ, городскихъ и духовныхъ училищъ.

Изданіе Редакціи «Филологическихъ Записокъ».

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. И. Исаева.
1879.

СИНТАКСИСЪ

ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОБРАЗЦАХЪ

И

ПОСЛОВИЦАХЪ

СЪ РУКОВОДЯЩИМИ ВОПРОСАМИ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХЪ ЗАНЯТІЙ.

ХРЕСТОМАТІЯ.

Составилъ

Ѳ. Г. Савенко.

Назначается для всѣхъ вообще средне-учебныхъ заведеній, а также уѣздныхъ, городскихъ и духовныхъ училищъ.

Изданіе Редакціи «Филологическихъ Записокъ».

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. И. Исаева.
1879.

Дозволено Цензурой. Москва, 20 Іюня 1879 г.

БИБЛІОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 15474
29 V 1934 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатая предлагаемую Хрестоматію, я, въ виду нововведеній, которыя неизбѣжны въ нашихъ грамматикахъ въ близкомъ будущемъ, воздерживался отъ приложенія къ статьямъ подробной катехизаціи и считаю нужнымъ ограничиться вопросами только къ нѣкоторымъ статьямъ. Весь матеріалъ собранъ и размѣщенъ мною въ шести отдѣлахъ. Такое дѣленіе для меня было необходимо, чтобы приспособить этотъ сборникъ къ программѣ первыхъ трехъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій, а также городскихъ, уѣздныхъ и духовныхъ училищъ.

Объемъ статей я размѣрилъ съ часовыми занятіями въ классахъ, а потому большихъ цѣльныхъ статей въ моей хрестоматіи почти нѣтъ. Я предпочелъ для практическихъ разборовъ въ классѣ и дома выбирать только краткіе отрывки изъ сочиненій образцовыхъ писателей, стихотворенія, народныя пословицы и басни.

Въ заключеніе прошу всѣхъ, кто почтитъ вниманіемъ предлагаемую хрестоматію, указать мнѣ печатно или письменно ея недостатки и недосмотры. Я приму съ истинной благодарностью всѣ указанія и воспользуюсь ими при новомъ изданіи.

Ѳ. Савенко.

СИНТАКСИСЪ

ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОБРАЗЦАХЪ И ПОСЛОВИЦАХЪ СЪ РУКОВОДЯЩИМИ ВОПРОСАМИ, ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХЪ ЗАНЯТІЙ.

ОТДѢЛЪ I.

Примѣры простыхъ нераспространенныхъ предложеній.

О подлежащемъ и сказуемомъ.

1. Богъ одинъ.—Богъ помогаетъ.—Вѣра спасаетъ.—Душа безсмертна.—Я вѣрую.—Дѣти растутъ.—Здоровый веселится.—Ночь наступаетъ.—Свѣтитъ луна.—Городъ спитъ.—Приближается утро.—Загорается востокъ.—Проснулись жаворонки.—Подулъ вѣтеръ.—Стучитъ калитка.—Городъ проснулся.

Придетъ лѣто.—Зацвѣтутъ сады.—Зазеленѣютъ поля.—Наступитъ осень.—Пожелтѣютъ нивы.—Колосъ зрѣетъ.—Колосъ наливается.—Тучи несутся.—Ударилъ градъ.—Люди молятся: „Уйди туча!“—Туча ушла.—Хлѣбъ сбереженъ.

---

2. Жарко.—Тихо.—Свѣтло.—Морозитъ.—Шумитъ.—Зазеленѣло.—Застучало.—Смерклось—Свѣтаетъ.—Жаль.—Скучно.—Досадно.—Кажется.—Жжется.—Можно.—Нельзя.—Тошнитъ.

Примѣры распространенныхъ предложеній.

Отыскать подлежащее, сказуемое и второстепенные члены въ слѣдующихъ пословицахъ.

3. На чужой сторонушкѣ радъ своей воронушкѣ.—Овсяное зернышко попало волку въ горлышко.—Не радуйся чужому безвременью.—Худыя вѣсти не лежатъ на мѣстѣ.—Честному мужу честенъ и поклонъ.—Лисичка всегда сытѣй волка бываетъ.—Руби голову по могучія плечи.

4. Деревенская зима.

Заяцъ—русакъ жилъ зимою подлѣ деревни. Когда пришла ночь, онъ поднялъ одно ухо, послушалъ; потомъ поднялъ другое, поводилъ усами, понюхалъ и сѣлъ на заднія лапы. Потомъ онъ прыгнулъ разъ-другой по глубокому снѣгу и опять сѣлъ на заднія лапы и сталъ оглядываться. Со всѣхъ сторонъ ничего не было видно, кромѣ снѣга. Снѣгъ лежалъ волнами и блестѣлъ, какъ сахаръ. Надъ головой зайца стоялъ морозный паръ, и сквозь этотъ паръ виднѣлись большія яркія звѣзды.

Зайцу нужно было перейти черезъ большую дорогу, чтобы прійти въ знакомое гумно. На большой дорогѣ слышно было, какъ визжали полозья, фыркали лошади и скрипѣли кресла въ саняхъ.

Заяцъ опять остановился подлѣ дороги.—Мужики шли подлѣ саней съ поднятыми воротниками кафтановъ.—Лица ихъ были чуть видны. Бороды, усы, рѣсницы ихъ были бѣлые. Изъ ртовъ и носовъ ихъ шелъ паръ. Лошади ихъ были потныя, и къ поту пристaлъ иней. Лошади толкались въ хомутахъ, ныряли, выныривали въ ухабахъ. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутьями лошадей. Два старика шли рядомъ, и одинъ разсказывалъ другому, какъ у него украли лошадь.

Когда обозъ проѣхалъ, заяцъ перескочилъ дорогу и полегоньку пошелъ къ гумну. Собаченка отъ обоза увидала зайца. Она залаяла и бросилась за нимъ. Заяцъ подскакалъ къ гумну по сугробамъ; зайца держали сугробы,

а собака на десятомъ прыжкѣ завязла въ снѣгу и остановилась. Тогда заяцъ тоже остановился, посидѣлъ на заднихъ лапахъ и потихоньку пошелъ къ гумну. По дорогѣ онъ, на зеленяхъ, встрѣтилъ двухъ зайцевъ. Они кормились и играли. Заяцъ поигралъ съ товарищами, покопалъ съ ними морозный снѣгъ, поѣлъ озими и пошелъ дальше. На деревнѣ было все тихо, огни были потушены. Только слышался на улицѣ плачъ ребенка въ избѣ, да трескъ мороза въ бревнахъ избъ. Заяцъ прошелъ на гумно и тамъ нашелъ товарищей. Онъ поигралъ съ ними на расчищенномъ току, поѣлъ овса изъ начатой кадушки, взобрался по крышѣ, занесенной снѣгомъ, на озинъ, и черезъ плѣтень пошелъ назадъ къ своему оврагу. На востокѣ свѣтилась заря, звѣздъ стало меньше, и еще гуще морозный паръ подымался надъ землею. Въ ближней деревнѣ проснулись бабы и шли за водой; мужики несли кормъ съ гуменъ; дѣти кричали и плакали. По дорогѣ еще больше шло обозовъ, и мужики громче разговаривали.

Заяцъ перескочилъ черезъ дорогу, подошелъ къ своей старой норѣ, выбралъ мѣстечко повыше, раскопалъ снѣгъ, легъ задомъ въ новую нору, уложилъ на спинѣ уши и заснулъ съ открытыми глазами.

5. Деревенскій вечеръ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ.
По дворамъ давно загнали стадо
И косцы вернулися съ работъ.
Потемнѣть заря уже готова;
Тихо все. Часъ ночи недалёкъ;
Подымался и улёгся снова
На закатѣ легкій вѣтерокъ.
Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай; промолвятъ голоса....
Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій,
Пала сильно на землю роса.
По краямъ темнѣющаго свода

Тѣни всѣ широкія слились:
Встрѣтить ночь готовится природа,
Запахи отвсюду понеслись.

И. Аксаковъ.

Въ какомъ падежѣ стоитъ подлежащее? (См. статьи отъ 1 до 5).

Зависитъ-ли его падежъ отъ сказуемаго?

Чѣмъ выражена грамматическая связь между подлежащимъ и сказуемымъ? (Наклоненіе, время, лицо, число, родъ.) Объяснить употребленіе вспомог. глагола или связки.

Обратить вниманіе на составъ предложеній въ статьяхъ 1, 2, 3, 4 и 5.

Прочтите предложенія распространенныя.

Укажите второстепенныя слова, которыя имѣютъ грамматическую связь съ подлежащимъ?

Какъ эта связь называется? (См. падежныя окончанія второстепенныхъ словъ.)

Укажите второстепенныя слова, которыя имѣютъ грамматическую связь со сказуемымъ?

Какъ эта связь называется и въ чемъ она выражена? (Зависимость падежей; когда падежъ стоитъ съ предлогомъ или безъ предлога?)

О словахъ опредѣлительныхъ, дополнительныхъ и обстоятельственныхъ.

Какія части рѣчи могутъ быть опредѣлительными словами? Укажите ихъ и скажите—по какимъ вопросамъ узнаются?

6. Малыя птички свиваютъ малыя гнѣзда.—Бездонной кадки водой не наполнишь.—Тихій возъ будетъ на горѣ.—Свой глазъ вездѣ смотрокъ.—На чужой каравай рта не разѣвай.—Свои люди—сочтутся.—Мое житье, вставши да за вытье.—У нашихъ воротъ всегда хороводъ.—Девятый валъ корабли топитъ.—Онъ ему родня: седьмая вода на киселѣ.—Первую пѣсеньку зардѣвшись поютъ.—Стоячая вода гніетъ.—Молодая жена плачетъ до росы утренней, сестрица до золота кольца, мать до

вѣку.—Бѣшена собака и хозяина кусаетъ.—Худое дерево въ сукъ растетъ.—Лихое зелье не скоро пойдетъ въ землю.—Немного воску въ пустыхъ вощинахъ.—Его на кривыхъ оглобляхъ не объѣдешь.—Весенней озими въ засѣкъ не сыплютъ.

7. Худая трава изъ поля вонъ.—Добрые люди на миръ бранятся.—Соломенный миръ лучше желѣзной драки.—Трехъ враговъ не держи себѣ, а съ двумя помирись.—У лѣнивой пряхи и про себя нѣтъ рубахи.—На одномъ мѣстѣ лежа и камень мохомъ обрастаетъ.—Ранняя птичка носокъ прочищаетъ, а поздняя глаза продираетъ.—Бѣлыя руки чужіе труды любятъ.—Сытое брюхо къ работѣ глухо.—На острую косу много сѣнокосу.

8. Одинъ разумный согрѣшитъ, да многихъ глупыхъ соблазнитъ.—Одинъ дуракъ и умныхъ пятерыхъ ссоритъ.—Два раза молоду не быть, а смерти не отбыть.—Однимъ конемъ всего поля не изъѣздишь.—Безъ четырехъ угловъ изба не рубится.—У него на недѣлѣ семь пятницъ.—Наши печали не вѣтры вскачали.—Тотъ-же Савка, да на иныхъ санкахъ.—Тотъ-же шиворотъ, да на выворотъ.—Первое счастье съ малаго кусочка сыту быть.—Первому гостю—первое и мѣсто и красная ложка.—Переднія колеса лошадь везетъ, а заднія сами бѣгутъ.

9. Изъ Аксакова.—Сѣрый дроздъ самый крупный изъ всѣхъ, величиною почти съ горлинку; онъ весь свѣтлосѣрый; зобъ и брюшко бѣлесоваты и покрыты мелкими темноватыми крапинками; спина и верхняя сторона крыльевъ пзсѣра сизая, даже какъ будто зеленоватая; глаза темные, носъ свѣтлорозоваго цвѣта. Этотъ дроздъ довольно рѣдокъ въ Оренбурской губерніи.

10. Усадьба.—Дворъ обносится плетневыми сараями, навѣсами и катухами. Ворота тесовыя; подъ навѣсомъ и надъ воротами мѣдный крестъ или образокъ. Позади двора идетъ огородъ, садъ или конопляникъ;

тутъ-же гумно и рига.—Въ ригу кладутъ часть урожая, а другую складываютъ на гумнѣ въ одонья. Противъ двора небольшіе плетневые сараи; въ нихъ стоятъ сани, телѣги....

Для какой цѣли служатъ опредѣлительныя слова? (Какими средствами подлежащее, какъ понятіе общее, можно низвести въ понятіе видовое или единичное? Указать различіе признака для подлежащаго *въ опредѣленіи* и *въ сказуемомъ*.)

Какъ называется грамматическая связь опредѣлительныхъ словъ съ опредѣляемыми? (См. вопросы выше).

Покажите эту связь на примѣрахъ (статьи 6—10).

Примѣры опредѣлительныхъ словъ въ косвенныхъ падежахъ съ предлогами.

11. Селеніе безъ церкви называется деревней.—Домъ близъ этой церкви выстроенъ недавно.—Безъ хозяина домъ сиротинка.—Конь о четырехъ погахъ, да спотыкается.—У насъ есть много замѣчательныхъ сочиненій по русской исторіи.—Ѣшь щи съ мясомъ, а когда нѣтъ, такъ щи съ квасомъ.—Счастье безъ ума ничто.—Мѣра въ четыре четверика называется осьминой.—Счастье безъ ума дырявая сума.

Когда опредѣлительныя слова могутъ стоять въ косвенныхъ падежахъ съ предлогами?

Нельзя ли изъ такихъ опредѣлительныхъ словъ образовать отдѣльныхъ предложеній?

Какъ такія предложенія называются? (Напр. селеніе, которое строится безъ церкви....)

Въ какой членъ предложенія могутъ перейти слова опредѣлительныя?

12. Изъ Аксакова. Чернѣя издали, стоитъ высокій, тѣнистый, старый, темный лѣсъ, но подъ словомъ старый не должно разумѣть состарѣвшійся, дряхлый, лишенный листьевъ: видъ такихъ деревъ во множествѣ былъ бы очень печаленъ. Въ природѣ все идетъ по-

степенно. Большой лѣсъ всегда состоитъ изъ деревъ разныхъ возрастовъ: отживающія свой вѣкъ и совершенно сухія, во множествѣ другихъ, зеленыхъ и цвѣтущихъ, незамѣтны; кое-гдѣ лежатъ по лѣсу огромные стволы сначала высохшихъ, потомъ подгнившихъ у корня и наконецъ сломленныхъ бурею дубовъ, липъ, березъ и осинъ. При своемъ паденіи они согнули и поломали молодыя, сосѣднія деревья, которыя, не смотря на свое уродство, продолжаютъ расти и зеленѣть, живописно искривясь на бокъ, протянувшись по землѣ или скорчась въ дугу. Трупы лѣсныхъ великановъ, тлѣя внутри, долго сохраняютъ наружный видъ; кора ихъ обрастаетъ мохомъ и даже травою; мнѣ нерѣдко случалось, въ торопяхъ, вскочить на такой древесный трупъ и—провалиться ногами до земли сквозь его внутренность: облако гнилой пыли, похожей на пыль сухаго дождевика, обхватывало меня на нѣсколько секундъ. Но это нисколько не нарушаетъ общей красоты зеленаго, могучаго лѣснаго царства, свободно растущаго въ свѣжести, сумракѣ и тишинѣ. Отраденъ видъ густаго лѣса въ знойный полдень, освѣжителенъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутренняя тишина и пріятенъ шелесть листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его вершинамъ! Его мракъ имѣетъ что-то таинственное, неизвѣстное; голосъ звѣря, птицы и человѣка измѣняются въ лѣсу, звучатъ другими, странными звуками. Но жутко въ большомъ лѣсу во время бури, хотя внизу и тихо: деревья скрипятъ и стонутъ, сучья трещатъ и ломаются. Невольный страхъ нападаетъ на душу и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто.

О приложеніяхъ.

13. Передъ праздникомъ крестьяне варятъ брагу, напитокъ очень употребительный у русскаго простаго народа. Въ ожиданіи почетныхъ гостей, хозяинъ-мужикъ отводитъ своихъ гостей—пріятелей въ выпку или клѣть. На сватьбѣ у крестьянъ возлѣ невѣсты помѣщается „плаксa“, т. е. сваха со стороны невѣсты. Въ церкви, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоять жениху и невѣстѣ подъ вѣнцомъ, подстилаютъ подножки, т. е. кусокъ холстины.

14. Михайло Богдановичъ Барклай-де-Толли, главнокомандующій западною арміею и военный министръ въ то время, человѣкъ историческій, дѣйствовалъ въ день Бородинской битвы съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ.

15. Образованіе состоитъ въ развитіи всѣхъ духовныхъ силъ, т. е. ума, воли, чувства и сердца.—Я читалъ сочиненія почти всѣхъ образцовыхъ русскихъ писателей, именно—Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковскаго, Пушкина и Гоголя.

16. Городъ Полтава знаменитъ побѣдою, одержанною близъ него Петромъ I.

17. Царица Ирина Ѳедоровна, черезъ десять дней послѣ похоронъ Ѳедора, сложила съ себя царскій санъ.

18. Съ одной стороны на гористомъ берегу возвышается древній Кремль; съ другой, луговой, взоръ объемлетъ необозримое пространство, усѣянное селами и орошенное могучими теченіями Оки и Волги.

19. Вонъ тамъ, на самомъ краю глубокаго оврага въ простой сѣрой шинели, въ треугольной шляпѣ, безъ свиты, только съ однимъ еще человѣкомъ стоитъ всадникъ.

Какое опредѣленіе называется приложеніемъ?

Когда имя собственное бываетъ приложеніемъ при имени нарицательномъ? (Прим. 16).

Когда при имени собственномъ приложеніемъ остается имя нарицательное? (Прим. 17).

Какую грамматическую связь можно указать между приложеніемъ и опредѣляемымъ словомъ? (См. вопросы объ опредѣл.)

Нельзя-ли приложеніе обратить въ цѣлое особое предложеніе?

Какъ такое предложеніе называется?

О дополненіяхъ.

Какія части рѣчи могутъ быть дополнительными словами и по какимъ вопросамъ узнаются?

Молитва мѣста не ищетъ.—На человѣческую глупость есть Божія премудрость.—Одинъ воинъ тысячи водитъ, а Богъ и тысячи и воина водитъ.—Не по грѣхамъ нашимъ Господь милостивъ.—Грозную тучу Богъ пронесетъ.—Послѣ стрижки Господь на овецъ тепломъ пахнетъ.—Стрѣляй въ кустъ—Богъ виноватаго сыщетъ.—Богъ видитъ, да намъ не сказываетъ.—Кривую стрѣлу Богъ прямитъ.—Дастъ Богъ счастье и слѣпому видѣніе.—Далъ Богъ рыбу, дастъ и хлѣба.—Далъ Богъ кусокъ, дастъ и ростокъ.

Всю недѣлю говорилъ ась, а въ субботу сказалъ что.—Одинъ ура кричитъ, другой караулъ.

Смѣлость города беретъ.—Смѣлымъ Богъ владѣетъ.—Злая совѣсть стоитъ палача.—Безъ поджоги дрова не горятъ.—Толчея безъ шуму не ходитъ.—Придетъ коза до моего воза.—Желѣзо ржавчина съѣдаетъ, а завистникъ отъ зависти погибаетъ.—Скупой богачъ бѣднѣе нищаго.—Одинъ годъ весь вѣкъ заѣлъ.—Трудъ человѣка кормитъ, а лѣнь портитъ.

Изъ Пушкина.—Я ѣхалъ верхомъ, перемѣняя лошадей на казачьихъ постахъ. Вокругъ меня земля была опалена зноемъ. Грузинскія деревни издали казались мнѣ прекрасными садами, но подъѣзжая къ нимъ, видѣлъ я нѣсколько бѣдныхъ сакель, осѣненныхъ пыльными тополями. Солнце сѣло, но воздухъ былъ еще душенъ. Луна сіяла, все было тихо: топотъ моей лошади одинъ раздавался въ ночномъ безмолвіи. Я ѣхалъ долго, не встрѣчая признаковъ жилья. Наконецъ увидѣлъ уединенную саклю. Я сталъ стучаться въ дверь. Вышелъ хозяинъ. Я попросилъ воды, сперва по-русски, потомъ по-татарски. Онъ меня не понялъ.

Для какой цѣли служатъ дополнительныя слова? (Сравните назначеніе дополнительныхъ словъ для сказуемаго и опредѣлительныхъ для подлежащаго.)

Покажите примѣры прямаго дополненія и косвеннаго.

Укажите и объясните связь сказуемаго и дополнительныхъ словъ на примѣрахъ изъ прочитанныхъ статей.

Разберите дополнительныя слова въ слѣдующемъ примѣрѣ и отыщите отвѣты на предъидущіе вопросы.

Червячки.

I. Свѣтящіеся червячки прельщали насъ своимъ фосфорическимъ блескомъ.

II. Мы ловили ихъ и держали въ ящикахъ или бумажныхъ коробочкахъ, положивъ туда разныхъ травъ и цвѣтовъ; тоже дѣлали мы со всякими червяками, у которыхъ было шестнадцать ножекъ.

III. Свѣтляки не долго жили и почти всегда на другой же день теряли способность разливать по временамъ свой плѣнительный блескъ, которымъ мы любовались въ темной комнатѣ.

IV. Другіе червячки жили долго и превращались иногда, къ великой нашей радости, въ хризолиды или куколки. Это происходило слѣдующимъ порядкомъ:

V. Червячки голые, посредствомъ клейкой слизи, привѣшивались, точно прикленвали себя хвостикомъ къ крышкѣ или стѣнкѣ ящика; а червячки мохнатые, завернувшись въ листья и замотавшись въ тонкія, бѣлыя и прозрачныя ниточки или шелковинки, ложились въ нихъ, какъ въ кроватку.

VI. По прошествіи извѣстнаго, но весьма неравнаго времени, сваливалась, какъ сухая шелуха, наружная кожа съ гладкаго или мохнатаго червя, и висѣла или лежала куколка: висѣла угловатая, съ рожками, узорчатосѣрая, бланжевая, даже золотистая хризолида; а лежала всегда темнаго цвѣта, настоящая, крошечная, спеленанная куколка.

VII. Я зналъ, что изъ первыхъ, висячихъ хризолидъ, должны были вывестись денныя бабочки, а изъ вторыхъ, лежачихъ—ночныя; но какъ въ то время я не умѣлъ еще ходить за этимъ дѣломъ, то превращенія хризолидъ въ бабочки у насъ не было, да и быть не могло, потому что мы ихъ безпрестанно смотрѣли, даже трогали, чтобъ узнать живы-ли онѣ.

С. Аксаковъ.

Всѣ мы растемъ подъ краснымъ солнышкомъ на божьей росѣ.—Рубаха къ тѣлу близка, а смерть ближе.—Отъ смерти и подъ камнемъ не укроешься.—Мертвый у воротъ не стоитъ, а свое возьметъ.—На небо не вскочишь и въ землю не закопаешься.—Собираемся жить съ локоть, а живемъ съ ноготь.—Добрымъ путемъ Богъ правитъ.—Добрый человѣкъ добру и учитъ.—Чуетъ сердце доброхота.—Рыбакъ рыбака видитъ издалека.—И воробей на кошку чирикаетъ.

Не спѣши, коза, всѣ волки твои будутъ.—Рожь да пшеница годомъ родится, а добрый человѣкъ всегда пригодится.—Ноги носятъ, а руки кормятъ.—Пустая мельница и безъ вѣтру мелетъ.—Не перомъ пишутъ, а умомъ.—Незнайка лежитъ, а знайка далеко бѣжитъ.

Люди пашутъ поле, зерномъ посыпаютъ;
Дѣти ходятъ въ школу слово Божье слушать.
Зернышко ложится въ мягкую землицу:
Слово Божье входитъ въ души молодыя.
Дождемъ землю смочитъ, солнышкомъ пригрѣетъ:
Умнымъ словомъ, лаской душу согрѣваютъ.
Подъ землей, въ потемкахъ, не улежатъ зерна:
Не загинетъ въ сердцѣ доброе ученье.
Выглянутъ посѣвы яриной зеленой.
Скажется ученье умными рѣчами.
Поле обольется жатвой золотистой:
Взойдетъ Божье слово добрыми дѣлами.
Господи, пошли намъ въ пору дождь и ведро!
Отче! возрасти въ насъ сѣмена благія!

Примѣры обстоятельственныхъ словъ. *)

Указать назначеніе обстоятельственныхъ словъ. Укажите часть рѣчи, употребляемую для обозначенія обстоятельствъ. Обратите вниманіе на падежи и предлоги.

Отрывокъ изъ Лермонтова.—Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка, въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока, приподымая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь. Съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гудъ-гору; мы шли пѣшкомъ сзади, подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и наконецъ пропадала въ облакѣ, которое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гудъ-горы, какъ коршунъ, ожидающій добычу. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать; кровь поминутно приливала въ голову, но со всѣмъ тѣмъ какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ. Чувство дѣтское, не спорю; но удалясь отъ условій общества и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми: все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какою была нѣкогда и вѣрно будетъ когда нибудь опять.

Въ началѣ всякое дѣло строго.—Ступай домой, и Богъ съ тобой.—Богъ долго ждетъ, да больно бьетъ.—Пошло въ рознь, да вкось, хоть брось.—Нельзя землѣ безъ царя стоять.—Кто живетъ тихо, тотъ не увидитъ лиха.—Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожитъ.—Высоко поднялъ, да снизу не поднеръ.—Худое дѣло вездѣ поспѣло.—Незнайка дома сидитъ, знайку въ судъ ведутъ.—Всякій человѣкъ впередъ смотритъ.—Лиса рано встаетъ.—На двоихъ господъ не долго наслужишься.

---

*) Тѣ-же примѣры могутъ служить и для провѣрки предъидущихъ правилъ.

Примѣры косвенныхъ падежей съ предлогами.—За худую привычку дуракомъ называютъ.—Веселая голова живетъ спустя рукава.—Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову положить.—Дареванному коню въ зубы не смотрятъ.—Онъ какъ оса лѣзетъ въ глаза.—Пѣтухи на насѣстъ садятся, а старые люди на печь валятся.—Одна головня и въ полѣ гаснетъ, а двѣ курятся.—Худой мужъ умретъ, добрая жена по дворамъ пойдетъ.—Блюди хлѣбъ на обѣдъ, а слово на отвѣтъ.—Долго думалъ, да ничего не выдумалъ.—Для счету и у насъ голова на плечахъ.

Раздѣлите обстоятельственныя слова на разряды и поставьте при нихъ вопросы.

I. Не во́-время гость хуже татарина.—Сначала думай, а потомъ дѣлай.—До Ильина дня подъ крестомъ сушитъ, а послѣ Ильина дня и на крестѣ сохнетъ.—На Илью до обѣда лѣто, а послѣ обѣда осень.

II. Не выноси изъ избы сору.—И быстрой рѣчкѣ славы до моря.—Поросёнокъ и въ грязь лѣзетъ.—Неправдой свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься.—Подъ лежачій камень и вода не течетъ.—Припла изъ лѣсу птичница въ лисьей шубкѣ цыплятъ пощипать.—Горе съ плечъ долой.—Сѣсть на пенёкъ, да съѣсть бы пирожокъ.—Сзади идешь, больше найдешь.—Умирай въ полѣ, да не въ ямѣ.—Сверху кроѣ, снизу не потечетъ.—У кошки когти въ рукавичкахъ.—Солдату умереть въ полѣ, а матросу въ морѣ.—Изъ большихъ гостей домой хлебать щей.—Своя рубашка ближе къ тѣлу.—Твой приговоръ да тебѣ-же во дворъ.

III. Ложкой кормитъ, а стеблемъ глаза колитъ.—И глупый молвитъ слово въ ладъ.—Здоровье входитъ пудами, а выходитъ золотниками.—Худое колесо пуще скрыпитъ.—На голую ногу всякъ башмакъ въ пору.—За глупою головою и ногамъ плохо.—Десять разъ смѣряй, а однажды отрѣжь.—Мудрый слышитъ въ полслова.—Много бранился, а добра не добился.—Мало спалось, много видѣлось.

IV. Отъ копѣечной свѣчи Москва сгорѣла.—Отъ искры сыръ-боръ загорается.—Отъ добраго житья толстѣютъ, а отъ дурнаго худѣютъ.—Съ умнымъ рѣчи къ разговору, а съ безумнымъ въ ссору.

V. Для добраго гостя и хозяинъ поживится.—За Богомъ пойти, Божье и творить.—Хлѣбъ для желудка, а книга для ума.

Деревня.

Широко стлался зеленый лугъ; медленно и плавно расхаживали по немъ бѣлые, какъ снѣгъ, гуси; селезни и пестрыя утки, подвернувъ голову подъ сизое крылышко, лежатъ тамъ и сямъ неподвижными группами. Далѣе сверкала рѣка съ своими обрывистыми берегами, обросшими лопухомъ и кустарникомъ, изъ которыхъ мѣстами выбивались длинные, сухіе стебли дикаго щавеля, и торчали фіолетовыя верхушки колючаго репейника. За рѣкою виднѣлось черное взбороненное поле; далѣе, вправо, мѣстность подымалась горою. По главнымъ ея отлогостямъ, изрѣзаннымъ промоинами и проточинами, разростался постепенно все выше и выше сосновый лѣсокъ; мѣстами рыжее высохшее дерево, вырванное съ корнемъ весеннею водою, перекидывалось чрезъ оврагъ висячимъ мостомъ. Влѣво тянулось пространное болото; камышъ, кочки и черные кустарники покрывали его на всемъ протяженіи; по временамъ, цѣлыя вереницы дикихъ утокъ съ крикомъ подымались изъ густой травы и носились надъ водою. Тамъ и сямъ синѣвшая холмистая даль перемежалась снова серебристыми блесками рѣки.

Безконечная сѣрѣющая даль, въ которой двигались почти незамѣтными точками телѣга или спутанная лошадь, постепенно синѣла, синѣла, и наконецъ все болѣе и болѣе съуживавшіеся планы ея сливались мутною линіею съ сквознотою голубаго неба.

Григоровичъ.

Пословицы.

Счастливый на конѣ ѣдетъ, а несчастливый пѣшъ бредетъ.—Счастье скоро оставитъ, а добрая надежда никогда.—Нужда на печкѣ не прохлаждается.—Нужда и голодъ погоняетъ на голодъ.—Нужда послѣднюю копѣйку ребромъ катитъ.—Нужда чутьемъ слышитъ.—Нужду мужикъ въ рѣкѣ топилъ, да не утопилъ.—Бѣда не по лѣсу ходитъ, а по людямъ.—Бѣда одна не приходитъ.—Бѣда всюду тащитъ.—Работа не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ.—Лѣнь прежде насъ родилась.—Пѣсня живетъ ладомъ, а сказка складомъ.—Смерть за воротами не ждетъ.—Мать плачетъ не надъ горсточкой, а надъ пригоршней.—Кручина изсушитъ въ лучину.—День меркнетъ ночью, а человѣкъ печалью.—И скоморохъ ину пору плачетъ.—Бѣда навалила, мужика совсѣмъ задавила.—Горе лыкомъ подпоясано.—Внизъ вода снесетъ, а вверхъ неволя везетъ *(о бурлачествѣ)*.—Эта бѣда влѣзетъ въ ворота.—Грѣхъ по дорогѣ бѣгъ да и къ намъ забѣгъ.—Напѣлъ онъ ему на кривое веретено.

Примѣры звательныхъ словъ. Указать знаки.

Купецъ.

„Поди-ка, братъ, Андрей! куда ты тамъ запалъ? Поди сюда скорѣй, скорѣй, да подивуйся дядѣ! Торгуй по моему, такъ будешь не въ накладѣ.“ Такъ въ лавкѣ говорилъ племяннику купецъ. „Ты знаешь польскаго сукна конецъ, который у меня такъ долго залежался, затѣмъ, что онъ и старъ, и подмоченъ, и гнилъ: вѣдь это я сукно за аглицкое сбылъ! Вотъ, видишь сей—лишь часъ взялъ за него сотняжку: Богъ дѣлушка послалъ“.—„Все это, дядя, такъ“, племянникъ отвѣчалъ: „да въ олухи-то, я не знаю, кто попалъ! вглядись-ко: ты вѣдь взялъ фальшивую бумажку“.

Два мальчика.

Сенюша, знаешь-ли, покамѣсть, какъ барановъ, опять насъ не погнали въ классъ, пойдемъ-ка да нарвемъ въ саду себѣ каштановъ!“—„Нѣтъ, Ѳедя! тѣ каштаны не про насъ! ты знаешь, вѣдь, какъ дерево высоко: тебѣ, ни мнѣ туда не влѣзть, и намъ каштановъ тѣхъ не ѣсть“.—И, милой, да на что-жъ догадка! Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна ухватка. Я все придумалъ: погоди! На ближній сукъ меня лишь подсади, и до-сыта каштановъ наѣдимся“.

Вотъ къ дереву друзья со всѣхъ несутся ногъ. Тутъ Сеня помогать товарищу принялся, пыхтѣлъ, весь по́томъ обливался, и Ѳедѣ, наконецъ, вскарабкаться помогъ. Взобрался Ѳедя на приволье; какъ мышкѣ въ закромѣ, въ верху ему раздолье! Каштановъ тамъ не только всѣхъ не съѣсть,—не перечесть! Найдется чѣмъ и поживиться и съ другомъ подѣлиться. Что-жъ! Сенѣ оттого прибытокъ вышелъ малъ: онъ, бѣдный, на низу, облизывалъ лишь губки; Ѳедюшка самъ вверху каштаны убиралъ, а другу съ дерева бросалъ однѣ скорлупки.

Примѣры вводныхъ словъ.

(См. басни: Купецъ; Два мальчика).

Крестьянинъ и собака.

У мужика, большаго эконома, хозяина зажиточнаго дома, собака нанялась и дворъ стеречь и хлѣбы печь и, сверхъ того, полоть и поливать разсаду. „Какой-же вымалъ онъ вздоръ!“ читатель говоритъ: „тутъ нѣтъ ни складу, ни ладу. Пускай бы стерегла ужъ дворъ; да видано-ль чтобъ гдѣ собаки хлѣбъ пекали или разсаду поливали?“ Читатель! я бы былъ неправъ кругомъ, когда сказалъ бы „да“,—да дѣло здѣсь не въ томъ, а въ томъ, что нашъ Барбосъ за все за это взялся, и вымолвилъ себѣ онъ плату за троихъ; Барбосу хорошо: что нужды

до другихъ? Хозяинъ между тѣмъ на ярмарку собрался, поѣхалъ, погулялъ, пріѣхалъ и назадъ; посмотритъ—жизни сталъ не радъ, и рветъ и мечетъ онъ съ досады: ни хлѣба дома, ни разсады, а сверхъ того, къ нему на дворъ залѣзъ и клѣть его обкралъ на-чисто воръ. Вотъ на Барбоса тутъ посыпалось руганье. Но у него на все готово оправданье: онъ за разсадою печь хлѣбъ никакъ не могъ, разсадникъ оттого лишь—только не удался, что, сторожа вокругъ двора, онъ сталъ безъ ногъ; а вора онъ затѣмъ не устерегъ, что хлѣбы печь тогда сбирался.

О предложеніи утвердительномъ и отрицательномъ.

Не человѣкъ мѣстомъ красится, а мѣсто человѣкомъ.—Не великъ городокъ, да семь воеводъ (*о семибоярщинѣ*).—Безъ столбовъ и заборъ не стоитъ; безъ запѣвалы и пѣсня не поется.—Печаль не краситъ, горе не цвѣтитъ.—Дураку и въ алтарѣ нѣтъ спуску.—Колоколъ въ церковь людей зоветъ, а самъ никогда не бываетъ.—Не гоняется слонъ за мышью.—Безъ матки пчелки пропащія дѣтки.—Выть тебѣ волкомъ за свою овечью простоту.—Есть кусало, да нечего укусить.—Всяко ремесло честно, кромѣ воровства.—Всякая избушка своей кровлей крыта; всякій совѣтъ къ разуму хорошъ.—Время краситъ, а бевременье сушитъ.

Примѣры собственно отрицательныхъ предложеній.

Опредѣлить случаи употребленія отрицанія *не* и *ни*.

Правило. Нарѣчіе *не* служитъ отрицаніемъ при всѣхъ частяхъ рѣчи: „*Не* будь въ осень тороватъ, будешь во всемъ богатъ“.—*Не*—повторенное при однород-

ныхъ словахъ съ союзомъ *и*—обращается въ *ни*: „*Ни* въ Мартѣ воды, *ни* въ Апрѣлѣ травы“. Послѣ отрицательнаго сказуемаго при другихъ однородныхъ словахъ, соединенныхъ союзомъ *и*, можно повторить отрицаніе *ни*. „*Не* обижай *ни* стараго, *ни* малаго“. На вопросы: *кто, что, какой, который, гдѣ, куда, когда, сколько*, употребляютъ двойное отрицаніе: *не* при глагольномъ сказуемомъ, и *ни* при мѣстоименіи или нарѣчіи: „*Ни*кто-бы про тебя *не* зналъ, когдабъ самъ не сболталъ“.

Примѣры.

Не бойся лѣтня, бойся гнетня.—Не барскаго рода, пьетъ и воду.—Не бранись съ тюрьмою, да съ приказною избою.—Не будь лжи, не стало бы и правды.—Не вдругъ на гору, съ поноровочкой.—Не велика честь волку зайца заѣстъ.—Не великъ сверчокъ, да поганитъ горшокъ. *)—Не величка, да замѣшана на яичкѣ.—Не величка капля, а камень долбитъ.—Не вздыхай тяжело, не завезетъ далеко.—Не вкусивъ горькаго, не ѣдать и сладкаго.—Не все бичемъ да хлыстомъ, что можно и свистомъ.—Не все ворчать, надо и помолчать.—Не хочетъ коза на бойню итти, да за рога тащутъ.—Не выходи въ море безъ одежи, море удорожитъ.—Не живи какъ хочется, а живи какъ Богъ велитъ.—Не корми лошадку тѣстомъ, да не нудь ее ѣздомъ.—Не все едино, что хлѣбъ, что мякина.—Не всякая капля въ роть каплетъ.—Не въ рай, не въ муку, а на среднюю руку.—Не гложи костей, береги для гостей.—Не годится къ стражѣ воръ, ни дуракъ на разговоръ.—Не гораздъ ни спѣть, ни поплясать, ни въ дудочку, ни въ сопѣлочку поиграть.—Не гребень голову чешетъ, а время.—Не гуляла, не жаловала ни въ Рождествѣ, ни въ масляницу, а Богъ привелъ въ Великій постъ.—Не дать въ займы—остуда на время, а дать—ссора на вѣки.—Не имѣй сто рублей, а имѣй сто друзей.—Не дивно полетѣть, да было-бъ гдѣ сѣсть.—Не думай быть нарядным, а ду-

*) По мнѣнію простолюдина—на сверчка молитвы нѣтъ.

май быть опрятнымъ.—Не жаль молодца ни бита, ни ранена, жаль молодца похмѣльнаго.—Не жалѣй тещина добра, колупая масло шиломъ до дна.—Не каркала ворона, какъ къ верху летѣла, а къ низу летучи некогда каркать.—Не клади плохо, не вводи вора во грѣхъ.—Не море топитъ корабли, а вѣтры.—Не надѣйся на Ивана, а бери изъ своего кармана.—Не ноги кормятъ брюхо, а брюхо ноги.—Не попалъ волкъ въ западню, увязнетъ въ тенетахъ.—Не смѣйся слѣпому и хромому, что-бъ не быть самому такому.—Не смыслитъ не бельмеса, а сердится бѣсомъ.—Не столько мужикъ гороху намолотилъ, сколько цѣпомъ въ голову себя наколотилъ.—Не тряси головой, не быть съ бородой.—Не узнала корова новыя ворота.—Не чванься, Ягупъ, когда вовсе глупъ.

Ни въ городъ порукой, ни въ дорогѣ товарищъ, ни въ деревнѣ сосѣдъ.—Ни кожи, ни рожи, ни видѣнья.—Ни сидѣльца, ни уздицы, ни той вещицы, на что надѣть уздицу.—Ни съ молоду молодецъ, ни подъ старость старикъ.—Ни ползетъ, ни лѣзетъ, ни вонъ нейдетъ.—Ни то сё кипѣло, и то пригорѣло.—Ни уса, ни бороды, ни ума въ головѣ.—Никто не бывалъ, а полпѣсни пропало.—Никто того не вѣдаетъ, какъ кто обѣдаетъ.—Не корми лучше калачомъ, да не бей въ спину кирпичомъ.—Не хвались горохъ, не лучше бобовъ.—Ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ.

Примѣры неполныхъ предложеній.

Изъ огня да въ полымя.—Изъ крошекъ куча, изъ капель море.—Безъ Бога ни до порога.—За дѣло—не мы, за работу не мы,—а поѣсть, поплясать противъ насъ не съискать.—По зимѣ въ китаешномъ, по лѣту въ дублёномъ.—Къ вечернѣ въ колоколъ, всю работу объ уголъ.—Деньги водомъ, добрые люди родомъ, а урожай хлѣба годомъ.—Вмѣстѣ тѣсно, розно тошно.

Ночлегъ въ деревнѣ.

Душный воздухъ, дымъ лучины,
Подъ ногами соръ;
Соръ на лавкахъ, паутины,
По угламъ узоръ.
Закоптѣлые палати,
Черствый хлѣбъ, вода,
Капель пряхи, плачъ дитяти.....
О, нужда, нужда!
Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть....
Вотъ гдѣ нужно-бы учиться
Вѣрить и терпѣть.

Никитинъ.

О предложеніи повѣствовательномъ, вопросительномъ и восклицательномъ.

Береза.

Острою сѣкирой ранена береза;
По корѣ сребристой покатились слезы,
Ты не плачь, береза, бѣдная не сѣтуй:
Рана не смертельна, вылѣчишься къ лѣту,
Будешь красоваться, листьями убрана,
Лишь больное сердце не залѣчитъ раны.

А. Толстой.

Мужичекъ.

Однажды въ студенную зимнюю пору
Я изъ лѣсу вышелъ. Былъ сильный морозъ.
Гляжу, поднимается медленно въ гору
Лошадка, везущая хворосту возъ.
И, шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ,
Лошадку ведетъ подъ уздцы мужичекъ.
Въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ,

Въ большихъ рукавицахъ, а самъ съ ноготокъ.
—Здорово, товарищъ!—„Ступай себѣ мимо!“
—Ужъ больно ты грозенъ, какъ я погляжу!
Откуда дровишки?—„Изъ лѣсу—вѣстимо!
Отецъ, слышишь, рубитъ, а я отвожу“.
Въ лѣсу раздавался топоръ дровосѣка.
—А что у отца-то большая семья?—
„Семья-то большая, да два человѣка
Всего мужиковъ-то: отецъ мой да я!“
—Такъ вотъ что! А какъ звать тебя? „Власомъ“.
—А какой тебѣ годикъ?... „Шестой миновалъ...
Ну, мертвая!“—крикнулъ малюточка басомъ,
Рванулъ подъ уздцы и впередъ зашагалъ.

Некрасовъ.

Примѣры слитныхъ предложеній.

Правило. Если въ предложеніи находится *нѣсколько одинаковыхъ частей*, то такое предложеніе называется *слитнымъ*. Оно можетъ быть раздѣлено на *столько предложеній, сколько одинаковыхъ частей*, и въ каждомъ будетъ одна *общая* часть.

Примѣнить это правило къ слѣдующимъ примѣрамъ.

1. Языкъ малъ, да всѣмъ тѣломъ владѣетъ.
2. Въ серединѣ улья, еще пустаго, одна ученая восколейница подвигается впередъ, осторожно беретъ пластинку воска и лапками подноситъ ее ко рту.
3. Есть нѣчто общее между пчелами, осами, муравьями и всѣми общежительными насѣкомыми.
4. Медъ и воскъ вещества нерастительнаго происхожденія.
5. Травы налились, зацвѣли, раздушились. Недалеко косовица—зеленый покосъ, не за горами и жнитва, озимая пахота, сѣвъ. Выволакиваютъ мужики заброшенныя по задворкамъ послѣ яровой пахоты сохи и косули (легкій плугъ), вынимаютъ изъ клѣтей серпы да косы. Тутъ

не безъ хлопотъ: косы надо наклепать, серпы назубрить, брусницы варомъ облить да пескомъ усыпать. Брусницу сладить—дѣло не важное, и подростокъ сможетъ, но клепка косъ и зубреніе серповъ не всякому зипуну къ рукаву подойдетъ. Тутъ нужны смѣтка въ головѣ, да проворъ въ рукѣ; безъ умѣнья колоти молоткомъ по заклепамъ, сколько хочешь, одна пустая маята выйдетъ.

Жители лѣсовъ.—На вѣтвяхъ деревьевъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ и вообще въ лѣсу, живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно-разнообразныя породы птицъ: токуютъ глухіе и простые тетерева, пищатъ рябчики; хрипятъ вальдшнепы, воркуютъ, каждая по своему, всѣ породы дикихъ голубей; взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды; заунывно, мелодически перекликаются иволги; стонутъ рябыя кукушки, постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы, трещатъ сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски, и все многочисленное крылатое мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ. На сучьяхъ и въ дуплахъ деревьевъ птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яйца и выводятъ дѣтей; для той-же цѣли переселяются въ дуплахъ куницы и бѣлки, враждебныя птицамъ, и шумные рои дикихъ пчелъ.

Въ чернолѣсьи живутъ болѣе или менѣе постоянно, медвѣди, волки, зайцы, куницы и бѣлки. Хищныя птицы также въ лѣсахъ выводятъ дѣтей, устроивая гнѣзда на главныхъ сучьяхъ у самаго древеснаго ствола: большіе и малые ястреба, луни, бѣлохвостки, копчики и другія. Въ густой тѣни лѣсныхъ трущобъ таятся и плодятся совы и длинноногіе филины, плачевный, странный, дикій крикъ которыхъ въ ночное время испугаетъ и не пугливаго человѣка, запоздавшаго въ лѣсу. Что-же мудренаго, что народъ считаетъ эти крики *ауканьемъ* и *хохотомъ* лѣшаго.

С. Аксаковъ.

ОТДѢЛЪ II.

О СОЧЕТАНІИ ПРЕДЛОЖЕНІЙ.

Сочетаніе предложеній по способу подчиненія.

Виды придаточныхъ предложеній.

1. Придаточныя предложенія съ мѣстоименіями: *который*, *кто*, *чей* и *каковъ*.

Опредѣлить ихъ значеніе и форму.

а. Который конь скоро бѣжитъ, тотъ долго стоитъ.—По которой водѣ плыть, ту воду и пить.—И верею мажутъ, которая скрыпитъ.—Тѣ щи худо хлебаются, которыя худо разогрѣваются.—Не та хозяйка, которая говоритъ, а та хозяйка, которая щи варитъ.—Нѣтъ такого горя, котораго-бы не перетужилъ, и нѣтъ такого командира, котораго-бы не переслужилъ.

б. Кто укралъ, у того одинъ грѣхъ.—Кто солнца бѣгаетъ, тотъ вѣкъ озябаетъ.—Кто чужимъ богатъ хочетъ быть, тому грѣха не отбыть.

в. Чье правое дѣло, тотъ говори смѣло.—Чья душа въ грѣхѣ, та и въ отвѣтѣ.—Чья крѣпость старѣе, тотъ и правѣе.

г. Какова земля, таковъ и грѣхъ.—Какова зима, таково и лѣто.—Каково дерево, таковъ и клинъ, каковъ батька, таковъ и сынъ.

д. Изъ Крылова.—Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку, въ томъ вѣрно мало толку.—Кто мимо льва не шелъ, всякъ вымѣщалъ на немъ свои обиды.—И всѣ, кто были тутъ богаты иль когтёмъ, иль зубкомъ, тѣ вышли вонъ со всѣхъ сторонъ не только правы, чуть не святы.

е. Всякъ вымещалъ ему по своему, кто зубомъ, кто рогами.—Какой-то муравей былъ силы непомѣрной, какой не слыхано и въ древни времена.—Хоть носитъ онъ кафтанъ, котораго длиннѣе и камзолы.

ж. Изъ Лермонтова и Языкова.—Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ.—Кому, о Господи, доступны твои Сіонски высоты? Тому, чьи мысли неподкупны, чьи цѣломудренны мечты.

з. Изъ Майкова. Тебѣ, которой были милы—мой первый лепетъ, первый стихъ, кто въ звукахъ слабыхъ и простыхъ провидѣлъ дремлющія силы, кто сердца трепетомъ слѣдилъ, какъ крѣпъ мой даръ въ огнѣ науки, я вдохновеній вольныхъ звуки тебѣ смиренно посвятилъ.

2. Объяснить слѣдующія отступленія.

а. Не то худо, что худымъ кажется, а то худо, что точно худо.—Не то денежки, что у бабушки, а то денежки, что у дѣдушки.—Милъ гость, что недолго гоститъ.—Не тотъ хлѣбъ, что въ полѣ, а тотъ, что въ сусѣкѣ.

б. Изъ Майкова.—Ставь передъ нами изъ глины кувшины простые съ влагой студеной, почерпнутой въ полдень палящій въ этомъ ручьѣ, что бѣжитъ между травами звонко, въ мракѣ прохладномъ, подъ сѣнью душистыя ивы.

в. Изъ Пушкина.—Стократъ благословенъ тотъ будетъ день, когда разрядны книги съ раздорами, съ гордыней родословной пожрётъ огонь.

г. Изъ Крылова.—Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ, какъ подъ каждымъ ей листкомъ былъ готовъ и столъ и домъ.—Вонъ видишь-ли черезъ рѣку тотъ мостъ, куда намъ путь лежитъ?

Д. Изъ Майкова.—Все думу тайную въ душѣ моей питаетъ: лѣса пустынные, гдѣ сумракъ обитаетъ, и гротъ таинственный, откуда струйка водъ межъ камней падаетъ.

Какъ вообще образуется придаточное предложеніе изъ главнаго? (См. отд. II, статьи 1—10 и др. ниже).

Какъ образуются придаточныя предложенія опредѣлительныя? (См. отд. I). Посредствомъ какихъ частей рѣчи они подчиняются главному предложенію?

Какія лица выражаетъ мѣстоименіе *кто*? (лит. б.)

Какое значеніе имѣетъ мѣстоименіе *кто*, если оно повторяется? (Ст. 1, лит. е).

Какимъ мѣстоименіемъ и нарѣчіями замѣняется мѣстоименіе *который*? (Ст 1, з и 2, а—д.)

Когда мѣстоименіе *который* замѣняется мѣстоименіемъ *кто*? (Ст. 1, з).

Когда мѣстоименіе *который* замѣняется нарѣчіями *времени* и *мѣста*? (Ст. 2, в, г и д.)

3. Придаточныя предложенія съ мѣстоименіемъ *что и чьмъ*.

Что выпито, что вылито, всё равно.—Что въ сердцѣ варится, то въ лицѣ не утайтся.—Что въ людяхъ ведется, то и насъ не минется.—Что видишь, то и купишь.—Что Богъ послалъ, то и наше.—Что было, то сплыло.—Что было, то видѣли, а что будетъ, то увидимъ.—Что въ дѣтствѣ просимъ, подъ старость бросимъ.—Чѣмъ больше гвоздей, тѣмъ крѣпче.—Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.—Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.—Чего не любишь, того не купишь.—Чего глаза не видятъ, тѣмъ и языкъ не бредитъ.—То не бѣда, что на деньги пошла, а то бѣда, что на деньги не идетъ.—То не бѣда, что во ржи лебеда, а то бѣда, что ни ржи, ни лебеды.—То не пеня, что кусокъ кусокъ тянетъ, а то пеня, что два потянетъ.—Чему быть, тому не миновать.—Чего мало, то и въ диковинку.

4. Придаточныя предложенія съ союзомъ *что* и *какъ*.

Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай.—Что дурно, что худо, все равно.—Что русскому здорово, то нѣмцу смерть.—Что хуля грушу ѣсть, что хваля, все равно.—Какъ станемъ жить, такъ будемъ и слыть.—Какъ рой безъ матки, такъ дитя безъ мамки.

Худъ, какъ треска.—Кругла, бѣла, какъ мытая рѣпка.—По старой памяти, какъ по грамотѣ.—Жизнь таетъ, какъ свѣча.—Одинъ стоитъ, какъ верста въ полѣ.—Поворачивается, какъ исподній жерновъ.—Молчитъ, какъ мертвый; молчитъ, какъ пень.—Кричитъ, какъ лѣшій.

Другъ друга судятъ, что камень долбятъ.—Солдатская голова, что подъ дождичкомъ трава.—Сонный, что мертвый.

Нѣтъ хлѣба дороже, какъ въ просфорѣ, а золота, какъ въ кольцѣ.

Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа.—Что дастъ обѣдъ, что сходитъ на поклонъ,—иль чинъ иль мѣсто схватитъ.

---

5. Придаточныя предложенія съ наречіемъ *когда*, *пока*.

Когда будетъ пиръ, тогда будутъ и пѣсни.—Когда съ огонькомъ, а когда съ водицей.—Когда нѣтъ кота въ дому, то играютъ мыши по столу.—Когда кошки грызутся, тогда мышамъ приволье.—Когда станешь пахать, будешь и богатъ.—Когда хлѣба отцвѣтутъ, тогда и плодъ принесутъ.—И мѣсяцъ свѣтитъ, когда солнца нѣтъ.—Калачи живутъ дешевы, коли деньги дороги.—Наплевать въ тетрадь, коли словъ незнать.—Ѣшь щи съ мясомъ, а когда нѣтъ, такъ щи съ квасомъ.—Хороша правда, когда ее выпоютъ.

Когда-бъ знать, гдѣ упасть, такъ соломки-бы подослалъ.—Когда-бы знатье, что у кума питье, то ребятишекъ-бы привелъ.

Пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ.—Искра пока въ пеплѣ, тогда и туши.—Куй желѣзо, пока горячо.

Изъ Майкова. Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы желтыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ;
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ
И въ рѣдкомъ тростникѣ медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь,
Иду я подъ родной соломенный свой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ.

Отступленія.—Жалѣть будешь сусла, какъ брага кисла.

Нѣтъ того хуже, какъ придетъ нужа.—Какъ мѣшокъ съ крупой, такъ всѣ съ рукой.—И нѣмой покажетъ голосъ, какъ прійдетъ къ нѣмому голодъ.

---

6. Придаточныя предложенія съ нарѣчіями *гдѣ, куда*.

Гдѣ ладья не рыщетъ, а у якоря будетъ.—Гдѣ сила владѣетъ, тамъ законъ уступаетъ.—Гдѣ бѣдѣ быть, тамъ ее не миновать.—Гдѣ не холодно, тутъ и оводно.—Гдѣ гроза, тутъ и ведро, гдѣ грозно, тутъ и честно.—Гдѣ приходъ и расходъ, тамъ не быть безъ хлопотъ.—Гдѣ работаютъ, тамъ и густо, а въ лѣнивомъ домѣ пусто.—Гдѣ хвостъ начало, тамъ голова мочало.—Животинкѣ водиться, гдѣ хлѣбъ родится.—Знаетъ сорока, гдѣ зиму зимовать.—Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше.—Смѣлый тамъ найдетъ, гдѣ робкій потеряетъ.—Худо овцамъ, гдѣ волкъ воевода.—Одинокому гдѣ хлѣбъ, тамъ и уголъ.

Куда дерево подрублено, туда и валится.—Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней.—Куда иголка, туда и нитка.—Куда бѣдный, туда и Богъ.

Откуда гости, оттуда и рѣчи.—Откуда горы, оттуда и рѣки.—Откуда снѣжно, оттуда и водно.

7. Придаточныя предложенія съ союзомъ *чтобы*.

Всякій и сынъ и дѣдъ хочетъ, что-бъ былъ обѣдъ.—Всѣмъ надобно желать, что-бы друга сыскать.—Не всякій въ пономаряхъ бывалъ, а рѣдкій, чтобы не званивалъ.—Нѣтъ такихъ травъ, что-бы знать чужой нравъ.—Нѣтъ такого человѣка, чтобы безъ грѣха вѣкъ прожить.

Для того навозъ кладутъ, что-бъ хлѣба больше родилось, а полбу сѣютъ, что-бъ людямъ годилось.—Для того кузнецъ клещи куетъ, чтобъ рукъ не ожечь.—На то и бьютъ, что-бъ больно было.—Насѣдка клохчетъ, что-бъ цыплятъ не растерять, а коршуна боятся, что-бы въ когти не попасть.—Для того и сотворена щука, чтобы караси не дремали.

Разобрать употребленіе союза *чтобъ* въ слѣдующихъ предложеніяхъ и указать предложенія *обстоятельственныя цьли* и предложенія *дополнительныя*.

Какимъ другимъ союзомъ можно замѣнить *чтобы*?

Пушкинъ:—Я слишкомъ былъ счастливъ, что-бы хранить въ сердцѣ моемъ чувство непріязненное.

Писемскій:—Герой мой былъ еще слишкомъ молодъ и слишкомъ благовоспитанъ, что-бы сразу втянуться въ подобнаго рода развлеченія.

Изъ Филарета: Надобно иногда временное и мѣстное объятіе благотворной руки Божіей, чтобы люди справедливѣе оцѣнили благодѣяніе Божіе.—Подвизайся непрестанно, да будетъ въ тебѣ небо Благодатію, да будешь наконецъ ты въ небѣ со славою вѣчною.

Изъ Пушкина: Мы всѣ пойдемъ просить царицу-мать, *да* сжалиться надъ спрою Москвою.

Разобрать значеніе слѣдующихъ предложеній съ союзами: *ли, или, чѣмъ, какъ.*

Когда предложеніе съ мѣстоименіемъ *чѣмъ* и нарѣчіемъ *какъ* бываетъ дополнительнымъ? Когда такое предложеніе становится обстоятельственнымъ? (См. ст. 4.)

Изъ Крылова: Не знаю, завистью-ль ее лукавый мучилъ, иль можетъ быть ей рыбный столъ наскучилъ. Хотѣлъ бы очень я самъ посудить, твое услышавъ пѣнье, велико ли твое умѣнье.

Изъ Карамзина: Не знаю, дойдутъ ли люди до истинной гражданской свободы, но знаю, что путь далекій и дорога весьма негладкая.

Изъ Крылова: Пошли догадки, чѣмъ въ милость втерся слонъ.—Чѣмъ на мостъ намъ итти, поищемъ лучше броду.—Чѣмъ для твоихъ затѣй перетопить людей, не лучше-ль внизъ тебѣ стащиться до болота?—Чѣмъ нравомъ кто дурнѣй, тѣмъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей.

Изъ Пушкина: Чѣмъ Мазепа злѣй, чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй, тѣмъ съ виду онъ не осторожнѣй.

Изъ Крылова: И право вижу въ первый разъ, какъ яйца пекутъ на свѣчкѣ.

Изъ Озерова: Какъ ясно солнце на восходѣ весной природу всю живитъ, такъ добрый царь въ своемъ народѣ сердца приходомъ веселитъ.

Изъ Пушкина:—И не уйдешь ты отъ суда мірскаго, какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

Опредѣлить значеніе слѣдующихъ предложеній.

Сколько цвѣту не цвѣсть, а быть опадать.—Сколько служилъ, а вдвое тужилъ.—Сколько змѣю не держать, а бѣды отъ нея ждать.—Сколько веревку не вить, а концу быть.—Не столько мужикъ гороху намолотилъ, сколько цѣпомъ въ голову себя наколотилъ.

Корниловъ: Токарное искусство любилъ онъ (Петръ В.) столько, что въ каждомъ изъ дворцовъ своихъ имѣлъ особенную комнату съ токарнымъ станкомъ.

Пушкинъ: Войско было такъ утомлено, что невозможно было даже учредить конные разъѣзды.—Рѣка была такъ глубока, что мнѣ нельзя было ее перейти. (См. ст. 3 и 4).

Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.—Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.—Чѣмъ ближе бѣда, тѣмъ больше ума.—Чѣмъ старѣе, тѣмъ правѣе.

Михайловскій-Данилевскій.—Чѣмъ сильнѣе были надежды, что подъ стѣнами Москвы судьба опредѣлила развѣдаться съ нахлынувшей на насъ Европой, тѣмъ поразительнѣе была вѣсть о несовершившихся общихъ ожиданіяхъ—удаленіи часа кровавой расплаты.

Лучше смерть, нежели позорный животъ.—Лучше одного добраго похвала, нежели многихъ злыхъ.—Лучше быть безсчастнымъ, нежели дуракомъ.—Лучше убожество съ добромъ, нежели богатство со грѣхомъ.—Больше вѣрь своимъ очамъ, нежели чужимъ рѣчамъ.

8. Придаточныя предложенія съ союзами: *если*, *хоть*.

Объясните ихъ форму и значеніе.

Если-бы на горохъ не морозъ, давно бы черезъ тынъ переросъ.—Если-бы на топору не плена, не та бы топору и цѣна.—Если пѣтухи въ селеніи не во время распоются,—къ покойнику (*Народная примѣта*).—Если ночью куры съ насѣста слетаютъ, то быть бѣдѣ (*Нар. прим.*).

Хоть съ корыта, да до сыта, хоть съ блюда да худо.—Хоть вдвое, хоть втрое, не прочно худое.—Хоть биту быть, да за рѣку плыть.—Хоть не радъ, да готовъ.—Хоть свита черна, только воля своя.—Хоть домъ гори, а брагу намъ вари.—Хоть денегъ ни гроша, да походка хороша.

Разобрать слѣдующія предложенія:

Крыловъ.—И хоть ты ангелъ будь, такъ не минуешь съ ними драки.—Щепотки волосковъ лиса не пожалѣй, остался-бъ хвостъ у ней.—Когда въ товарищахъ

согласья нѣтъ, на ладъ ихъ дѣло не пойдетъ...—Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло, тебѣ-бы видно было, что желуди на мнѣ растутъ.—Кто-жъ будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать клеветы?—Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ слушать, то прійдетъ въ голову пропасть намъ наконецъ.—Коль выгонятъ въ окно, такъ я влечу въ другое.

9. Примѣры предложеній съ союзами: *будто* и *ли*.

Изъ Гоголя: Чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вется по зеленому міру.

Жуковскій. Будешь съ берега уныло
Ты смотрѣть—въ пустой дали
Не бѣлѣетъ-ли вѣтрило,
Не плывутъ-ли корабли?

Какъ образуются дополнительныя придаточныя предложенія? (См. статьи 3, 4 и 7). Посредствомъ какихъ частей рѣчи они подчиняются главному предложенію? (тамъ-же.)

Какое значеніе въ предложеніяхъ придаточныхъ имѣютъ союзы: *будто*, *чтобы* и *да*?

Какое значеніе имѣетъ союзъ *ли*?

Какъ образуются обстоятельственныя придаточныя предложенія? (См. ст. 5, 6 и 8). Посредствомъ какихъ частей рѣчи они подчиняются? Укажите всѣ виды обстоятельственныхъ предложеній.

10. Полныя и сокращенныя придаточныя предложенія, и предложенія скрытыя. Объяснить знаки.

а. Изъ Карамзина: Послѣ такого легкаго и здороваго обѣда, сижу теперь на бугрѣ горы и смотрю на скопище вѣчныхъ снѣговъ. Здѣсь вижу источникъ рѣкъ, орошающихъ наши долины; здѣсь запасная храмина натуры, храмина, изъ которой она во время засухи чер-

паетъ воду для освѣженія жаждущей земли.—Засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля.

Изъ Лермонтова: У берега сверкала пѣна валуновъ, ежеминутно грозящихъ его потопить.

Изъ Майкова: Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу въ хижину къ намъ завернувшій.—Самъ Богъ, державствующій нами, къ моей склонился нищетѣ.

Изъ Гоголя: Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя.

б. Изъ Иннокентія: Лучше въ сей жизни все претерпѣть, только-бы омыть грѣхъ, нежели, укрываясь отъ правосудія здѣсь, подвергнуться вѣчному мученію тамъ.

Изъ Карамзина: Лѣтописи древнія сохранили имена нѣкоторыхъ женъ славянскихъ: клянись превзойти ихъ!

в. Прилежный заслуживаетъ похвалы.—Онъ рисуетъ одинаково хорошо съ тобою.—Во время вашего разговора я успѣлъ прочитать цѣлую главу.

г. Изъ Карамзина: Владиміръ, оставаясь въ гавани или въ заливѣ Херсонскомъ, высадилъ на берегъ войско, и со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ.—Узнавъ о кончинѣ отца, Александръ Невскій спѣшилъ во Владиміръ, чтобы оплакать его вмѣстѣ съ родными и взять нужныя мѣры для государственнаго порядка.

д. Изъ Лермонтова: На берегу, подъ тѣнью дуба, пройдя заливовъ длинный рядъ, стоялъ кружокъ.

Изъ Пушкина: Велѣно было итти въ Оренбургъ, зарывая и потопляя тяжести и порохъ.

Изъ Карамзина: Дмитрій Шуйскій ударилъ челомъ въ землю, а князь Иванъ три раза, заливаясь слезами.

Пословицы:—Спустя лѣто, да въ лѣсъ по малину.—Не испытавъ броду, да по уши въ воду.—Неучась, въ попы не ставятъ.—Живучи на погостѣ, не всѣхъ оплакать.—Не вкусивъ горько, не видать сладко.

е. Изъ Пушкина: Засвѣтитъ онъ, какъ я свою лампаду.

Изъ Майкова: Будто волны въ берегахъ, вдругъ останавливаются маски.

Изъ Дмитріева: Теперь-же, будто на ладони, все вижу на версту вокругъ.

Изъ Карамзина: Іоаннъ, какъ человѣкъ, не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донскаго.

Отыскать и разобрать придаточныя предложенія въ слѣдующихъ статьяхъ и басняхъ; сравнить ихъ съ предыдущими примѣрами. Указать знаки.

Москва и ея окрестности.

Холмистыя окрестности дороги, по которой мы ѣхали, продолжали заслонять отъ насъ Москву; изрѣдка проглядывали кое-гдѣ кровли домовъ, высокія колокольни приходскихъ церквей; потомъ все исчезло снова, а голубыя небеса сливались попрежнему съ густыми рощами, которыя, незнаю теперь, а лѣтъ сорокъ тому назадъ, какъ зеленымъ лавровымъ вѣнкомъ опоясывали всю нашу древнюю столицу. Мы проѣхали еще съ полверсты; вдали забѣлѣлась церковь Св. Сергія; гораздо ближе поднялась передъ нами колокольня Андреевскаго мостыря; направо отъ дороги выглянулъ изъ за рощи Головинскій дворецъ, одно изъ тѣхъ великолѣпныхъ зданій, которыми вправѣ гордиться наше отечество; налѣво показалось старообрядское кладбище, слобода, нѣсколько отдѣльныхъ домовъ, и вдругъ безпредѣльная Москва всплыла и обрисовалась на обширномъ горизонтѣ.

Муромскіе лѣса.

Знаменитые въ народныхъ сказкахъ и народныхъ преданіяхъ дремучіе лѣса Муромскіе и донынѣ пользуются неоспоримымъ правомъ воспламенять воображеніе русскихъ поэтовъ. Тотъ, кому не случалось проѣзжать ими, съ ужасомъ представляетъ себѣ непроницаемую глу-

бину сихъ дикихъ пустынь, сыпучіе пески, поросшіе мхомъ и густымъ ельникомъ, непроходимыя болота, мрачныя поляны, устланныя цѣлымъ поколѣніемъ исполинскихъ сосенъ, которыя породились, выросли и истлѣвали на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда возвышались ихъ прежніе, современные вѣкамъ, прародители; однимъ словомъ, и въ наше время многіе воображаютъ Муромскіе лѣса

Жилищемъ вѣдьмы и волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ.

Но, къ сожалѣнію юныхъ поэтовъ нашихъ и къ счастію путешественниковъ, они давно уже потеряли свою піитическую физіономію. Напрасно бы стали искать, окруженную топкими болотами, долину, гдѣ нѣкогда, по древнимъ сказаніямъ, возвышалось на семи дубахъ неприступное жилище Соловья-разбойника; никто въ селѣ Карачаровѣ не покажетъ любопытному путешественнику того мѣста, гдѣ была хижина, въ которой родился и сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ могучій богатырь Илья Муромецъ. О вѣдьмахъ не говорятъ уже и въ самомъ Кіевѣ; злые духи остались въ однѣхъ операхъ, а романтическіе разбойники, по милости капитанъ-исправниковъ, вовсе перевелись на святой Руси; и бѣдный путешественникъ, мечтавшій насладиться всѣми ужасами ночнаго нападенія, пріѣхавъ домой, со вздохомъ разряжаетъ пистолеты и развѣ иногда можетъ похвастаться мужественнымъ своимъ нападеніемъ на станціонаго смотрителя, который, Богъ знаетъ почему, не давалъ ему до самой полуночи лошадей, или побѣдою надъ упрямымъ извозчикомъ, у котораго вѣрно было что-нибудь на умѣ, потому-что онъ ѣхалъ шагомъ по тяжелой несчаной дорогѣ и, подъѣзжая къ одному оврагу, насвистывалъ пѣсню. Но что всего несноснѣе: этотъ дремучій лѣсъ, который встарину представлялся чѣмъ-то таинственнымъ, неопредѣленнымъ, безконечнымъ—весь вымѣренъ, раздѣленъ на десятины, и сочинитель романа не найдетъ въ немъ ни одного уголка, котораго уѣздный землемѣръ не показалъ бы ему на общемъ планѣ всей губерніи.

Правда, говорятъ, будто-бы и въ наше время голодные волки бродятъ по лѣсу и, кой-гдѣ въ дуплахъ, завываютъ филины и сычи; но эти мелкіе второклассные ужасы такъ уже износились во всѣхъ страшныхъ романахъ, что намъ придется скоро отыскивать дѣвственную природу, со всѣми дикими ея красотами, въ пустыняхъ Барабинскихъ, или въ безконечныхъ лѣсахъ южной Сибири.

Коломенское.

Время было прекрасное; несмотря на то, что время шло ужь къ осени, и что у насъ сентябрь мѣсяцъ почти всегда смотритъ сентябремъ, день былъ жаркій; на небѣ ни одного облачка; самый пріятный лѣтній вѣтерокъ чуть-чуть колебалъ осенній листъ на деревьяхъ. Мы всѣ согласились ѣхать въ Коломенское. Хотя это историческое село, которое долго почиталось колыбелью Петра Великаго, не далѣе пяти верстъ отъ заставы, но мнѣ еще не удалось побывать въ немъ ни разу. Сначала древняя церковь Вознесенія и разбросанные кой-гдѣ остатки знаменитыхъ коломенскихъ чертоговъ, которымъ нѣкогда дивились послы и гости иноземные, обратили на себя все мое вниманіе, но когда мы обошли временныя палаты, построенныя Екатериною Второй, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ въ старину возвышались шестиярусные терема и красивыя вышки любимаго и потѣшнаго дворца Алексѣя Михайловича, то очаровательный видъ окрестностей села Коломенскаго заставилъ меня забыть все. Внизу, у самой подошвы горы, на которой мы стояли, изгибалась Москва-рѣка; за нею, среди роскошныхъ поемныхъ луговъ, подымались стѣны и высокая колокольня Перервинской обители; далѣе обширныя поля, покрытыя нивой, усѣянныя селами, рощами и большими деревушками. Верстъ на десять кругомъ взоръ не встрѣчалъ никакой преграды: онъ обѣгалъ свободно этотъ обширный, ничѣмъ незаслоняемый горизонтъ, который, казалось, не имѣлъ никакихъ предѣловъ.

Кремень.

Всѣ мы знаемъ, что кремень есть камень, и притомъ, очень твердый камень, который трудно раздробить на части. Края кремня могутъ быть иногда такъ остры, что ими можно рѣзать дерево и даже проводить черточки на стеклѣ, которое нельзя разрѣзать ножомъ, а только самымъ твердымъ камнемъ—алмазомъ.

Кремень находятъ иногда очень большими кусками, которые бываютъ покрыты известковой корой. Цвѣта кремень бываетъ различнаго: иногда сѣрый, желтоватый, иногда совершенно бѣлый, иногда черный, часто дымчатый съ полосками. Въ тоненькихъ пластинкахъ бѣлый кремень очень прозраченъ, и его, какъ мы узнаемъ послѣ, употребляютъ для выдѣлки прозрачнаго стекла; даже совершенно черный кремень и тотъ пропускаетъ свѣтъ, когда полоски его тонки. Поверхность кремня гладка и блеститъ; если потереть кремень, то онъ издаетъ особенный ему свойственный слабый запахъ.

При ударѣ сталью о кремень выскакиваютъ искры. Если нѣсколько времени высѣкать искры стальнымъ огнивомъ, то сталь сотрется, а если мы положимъ бѣлый листъ бумаги и надъ нимъ станемъ высѣкать огонь, то увидимъ на бумагѣ маленькіе кусочки перегорѣвшей стали. Искра, слѣдовательно, есть не что иное, какъ кусокъ стали, раскалившейся до красна отъ сильнаго удара по кремню. Отъ сильнаго удара и тренія не одна сталь нагрѣвается. Двѣ палки можно тереть одна о другую до того, что обѣ загорятся. Если ударить нѣсколько разъ молоткомъ по гвоздю, то можно ощущать осязаніемъ, какъ шляпка гвоздя и молотокъ нагрѣваются. Не подмазанное колесо, при скорой ѣздѣ, до того трется объ ось, что изъ обоихъ идетъ дымъ и оба могутъ загорѣться. Но чѣмъ тверже тѣла, тѣмъ отъ тренія ихъ происходитъ болѣе тепла. Вотъ почему, чтобы высѣчь огонь, бьютъ по кремню не желѣзомъ, а сталью, которая гораздо тверже желѣза.

Кремень, какъ и другіе камни, выкапывается изъ земли, а потому и называется ископаемымъ тѣломъ.

(Хр. Ушинскаго).

Лягавая собака.

Охотникъ съ ружьемъ безъ собаки, что-то недостаточное, неполное. Очень мало родовъ стрѣльбы, гдѣ можно обойтись безъ нея; еще менѣе такихъ, въ которыхъ она могла-бы мѣшать. Я говорю о собакѣ, хорошо дрессированной, то-есть выученной. Только въ стрѣльбѣ съ подъѣзда (на телѣгѣ напр.) къ птицѣ крупной и сторожкой, сидящей на землѣ, а не на деревьяхъ, собака мѣшаетъ, потому-что птица боится ея, но если собака вѣжлива (то-есть: не гоняется за птицей и совершенно послушна), то она во время самаго подъѣзда, будетъ итти подъ дрожками или подъ телѣгой, такъ-что ея и не увидишь; сначала станетъ она это дѣлать по приказанію охотника, а потомъ по собственной догадкѣ. Вся дичь таящаяся, укрывающаяся отъ человѣка въ травѣ, лѣсу, кустахъ, камышахъ и кочкахъ болотъ, безъ помощи собаки почти недоступна. Если и поднимешь нечаянно, то рѣдко убьешь, потому что не ожидаешь; съ доброй собакой, напротивъ, охотникъ не только знаетъ, что вотъ тутъ, около него, скрывается дичь, но знаетъ, какая именно дичь: поискъ собаки бываетъ такъ выразителенъ и ясенъ, что она точно говоритъ съ охотникомъ; а въ ея страстной горячности, когда она добирается до птицы, и въ мертвой стойкѣ надъ нею столько картинности и красоты, что все это вмѣстѣ составляетъ одно изъ главныхъ удовольствій ружейной охоты.

У хорошей собаки есть безкорыстная природная страсть къ пріискиванію дичи, и она предается ей, съ самозабвеніемъ; хозяина она также полюбитъ горячо и, безъ принужденія, не будетъ разставаться съ нимъ ни днемъ, ни ночью; остается только охотнику съ умѣньемъ пользоваться и тѣмъ и другимъ. Я имѣлъ двухъ такихъ собакъ, которыя, пробывъ со мною на охотѣ, отъ зори до зори, пробѣжавъ около сотни верстъ и воротясь домой, усталыя, голодныя, едва стоящія на ногахъ, никогда не ложились отдыхать, не ѣли и не спали безъ меня; даже заснувъ въ моемъ присутствіи, они сейчасъ просыпались, если я выходилъ въ другую комнату, какъ бы я ни старался сдѣлать это тихо.

Обѣ эти собаки до того были страстны къ отыскиванію дичи, что видимо скучали, если не всякій день бывали въ полѣ или въ болотѣ. Если-же мнѣ случалось, по нездоровью, долго не ходить на охоту, то онѣ, истощивъ всѣ другіе знаки нетерпѣнія, садились или ложились передо мною и принимались лаять и выть; потомъ бросались ко мнѣ ласкаться, потомъ подбѣгали къ ружьямъ и другимъ охотничьимъ снарядамъ и потомъ снова принимались визжать и лаять. Надобно было запирать ихъ куда-нибудь въ отдаленное мѣсто, что-бы онѣ не надоѣдали своимъ жалобнымъ вытьемъ. Мало этого: по нѣскольку разъ въ день бѣгали онѣ въ сарай къ моимъ охотничьимъ дрожкамъ, въ конюшню къ лошадямъ, и кучеру, всѣхъ обнюхивая съ печальнымъ видомъ, и въ тоже время вертя хвостомъ въ знакъ ласки. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, онѣ уходили однѣ въ ближнее болото и проводили тамъ по нѣскольку часовъ въ пріискиваніи и подниманіи дичи. Когда мнѣ сказали объ этомъ, я не хотѣлъ вѣрить, и одинъ разъ, полубольной, отправился самъ въ болото и, подкравшись изъ-за кустовъ, видѣлъ своими глазами, какъ мои собаки пріискивали дупелей и бекасовъ, выдерживали долгую стойку, поднимали птицу, не гонялись за нею, и, когда бекасъ или дупель пересаживался, опять начинали искать.... словомъ, производили охоту, какъ-будто въ моемъ присутствіи.

С. Аксаковъ.

Гранада.

Въ жизнь мою не забуду того впечатлѣнія, какое испыталъ я, когда на другой день, послѣ моего пріѣзда сюда, пошелъ я по Гранадѣ. Преставьте себѣ, въ продолженіи пяти мѣсяцевъ, привыкнувъ видѣть около себя природу суровую, почти всюду сожженную солнцемъ, небо постоянно яркое и знойное, не находя мѣста, гдѣ бы прохладиться отъ жара—вдругъ неожиданно найти городъ, утонувшій въ густой, свѣжей зелени садовъ, гдѣ на каждомъ шагу бѣгутъ ручьи и разносится прохлада.... нѣтъ! это можно оцѣнить только здѣсь, подъ этимъ африканскимъ солнцемъ. По городу только и слы-

шалось—шумъ воды и журчанье фонтановъ въ садахъ. Здѣсь первая комната въ каждомъ домѣ садъ. Часто попадаются садики, снаружи обнесенные желѣзными рѣшетками, заборами, и наполненные густыми кустами цвѣтовъ, надъ которыми блестятъ струйки фонтановъ; цвѣты и на террасахъ и на балконахъ, а когда я подошелъ къ холму Альгамбры, до самаго верха покрытому густою рощею, я не могу передать этого ощущенія! Три дня горной дороги верхомъ, подъ этимъ знойнымъ солнцемъ, просто сожгли меня: голова моя и все тѣло горѣли. Передо мной было море самой свѣжей зелени; прохлада, отраднѣйшая прохлада охватила меня. Лучи солнца не проникали сквозь гущу листьевъ, ручьи журчали со всѣхъ сторонъ, по дорожкамъ фонтаны били самою чистою, холодною водою. Чѣмъ выше я поднимался, тѣмъ прохладнѣе становилась тѣнь. Никогда я не видалъ такого разнообразія, такой свѣжести зелени! Дикій виноградъ обвивался около дубовъ, олеандръ сплетался съ сѣвернымъ серебристымъ тополемъ, изъ плакучей ивы весело торчали вѣтки душистаго лавра, гранаты возлѣ вязовъ, алоэ возлѣ липъ, каштановъ—всюду смѣшивалась растительность юга и сѣвера. Вотъ климатъ Гранады, и вотъ одно изъ ея очарованій: это огонь и ледъ, зной и прохлада, и чѣмъ жаръ жгучѣе, тѣмъ сильнѣе таетъ снѣгъ на Сіеррѣ, и тѣмъ стремительнѣе бѣгутъ ручьи, фонтаны. Это сліяніе воды и огня дѣлаетъ климатъ Гранады единственнымъ въ мірѣ. Прибавьте къ этому, что, если вѣтеръ со стороны Сіерры Навады, то не смотря на весь зной солнца, воздухъ наполненъ прохладою. Въ этихъ густыхъ аллеяхъ рѣдко кого встрѣчаешь—самая пустынная тишина; но все вокругъ журчитъ и шелеститъ, словно роща живетъ и дышитъ. Мѣстами стоятъ скалы, покрытыя зеленымъ мохомъ; по инымъ тоненькими сверкающими ленточками бѣгутъ ключи. Это не походитъ ни на какой садъ въ Европѣ,—это задумчивость сѣвера, слитая съ влажною сверкающею красотою юга. Я легъ на прохладный мохъ перваго попавшагося камня и долго лежалъ, вслушиваясь въ журчанье ручьевъ, словно въ какія-то неясныя, но сладкія душѣ мелодіи.

В. П. Боткинъ.

Снѣжныя горы.

Уже полдневная пора
Палитъ отвѣсными лучами,
И задымилася гора
Съ своими черными лѣсами.

Внизу, какъ зеркало стальное,
Синѣютъ озера струи,
И съ камней, блещущихъ на зноѣ,
Въ родную глубь спѣшатъ ручьи.

И между тѣмъ какъ, полусонный,
Нашъ дольній міръ, лишенный силъ,
Проникнутъ нѣгой благовонной,
Во мглѣ полуденной почилъ,—

Горѣ, какъ божества родныя,
Надъ усыпленною землей,
Играютъ выси ледяныя
Съ лазурью неба огневой.

Тютчевъ.

Крестьянинъ и топоръ.

Мужикъ, избу рубя, на свой топоръ озлился. Пошелъ топоръ въ худыхъ; мужикъ взбѣсился: онъ самъ нарубитъ вздоръ, а виноватъ во всемъ топоръ. Бранить его, хоть—какъ, мужикъ найдетъ причину. „Негодный!“ онъ кричитъ однажды, „съ этихъ поръ ты будешь у меня обтесывать тычину, а я, съ моимъ умѣньемъ и трудомъ, при томъ съ досужестью моею, знай—безъ тебя пробавиться съумѣю и сдѣлаю простымъ ножемъ, чего другой не срубитъ топоромъ“.—„Рубить, что мнѣ велишь, моя такая доля“,—смиренно отвѣчалъ топоръ на окрикъ злой: „и такъ, хозяинъ мой, твоя святая воля; готовъ тебѣ я всячески служить; да только ты смотри, чтобъ послѣ не тужить. Меня ты попусту иступишь, а все ножемъ избы не срубишь.

Скупой и Курица.

Вотъ что въ ребячествѣ читалъ я про скупаго. Былъ человѣкъ, который никакого не зналъ ни промысла, ни ремесла; но сундуки его полнѣли очевидно. Онъ курицу имѣлъ (какъ это не завидно!), котора яица несла, но не простыя, а золотыя. Иной бы и тому былъ радъ, что понемногу онъ становится богатъ; но этого скупому мало: ему на мысли вспало, что взрѣзавъ курицу онъ въ ней достанетъ кладъ. Итакъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье, въ неблагодарности, не побоясь грѣха, ее зарѣзалъ онъ. И что-же? Въ воздаянье онъ вынулъ изъ нея простые потроха!

Раздѣлъ.

Имѣя общій домъ и общую контору, какіе-то честные торгаши наторговали денегъ гору; окончили торги и дѣлятъ барыши. Но въ дележѣ когда безъ спору? Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ,—какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ: „скорѣй, скорѣй спасайте товары вы и домъ!“—кричитъ одинъ изъ нихъ: „ступайте, а счеты послѣ мы сведемъ!“—„Мнѣ только тысячу мою сперва додайте!“—шумитъ другой: „я съ мѣста не сойду долой!“—„Мнѣ двѣ не додано, а вотъ тутъ счеты ясны“—еще одинъ кричитъ.—„Нѣтъ, нѣтъ, мы не согласны! Да какъ, за что и почему?!!...“ Забывши, что пожаръ въ дому, проказники тутъ до того шумѣли, что захватило ихъ въ дыму, и всѣ они, со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

Изъ Веневитинова:

Въ безцѣнный часъ уединенья,
Когда пустынною тропой,—
Съ живымъ восторгомъ упоенья
Ты бродишь съ милою мечтой
Въ тѣни дубравы молчаливой,—
Видалъ-ли ты, какъ вѣтръ
игривый
Младую вѣточку сорветъ?
Родной кустарникъ оставляя,

Она вiется, упадая
На зеркало ручейныхъ водъ,
И, новый житель влаги чистой,
Съ потокомъ плыть принуждена.
То подъ струею серебристой
Спокойно носится она,
То вдругъ предъ взоромъ
изчезаетъ
И кроется на днѣ ручья....

Червонецъ.

Полезно-ль просвѣщенье? Полезно, слова нѣтъ о томъ. Но просвѣщеньемъ зовемъ мы часто роскоши прельщенье, и даже нравовъ развращенье: такъ надобно гораздо разбирать, какъ станешь грубости кору съ людей сдирать, чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять, чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы, не разлучить ихъ съ простотой, и, давши только блескъ пустой, безславья не навлечь имъ вмѣсто славы. Объ этой истинѣ святой преважныхъ-бы рѣчей на цѣлу книгу стало; да важно говорить не всякому пристало: такъ съ шуткой пополамъ я басней доказать ее намѣренъ вамъ.

Мужикъ, простакъ, какихъ вездѣ не мало, нашелъ червонецъ на землѣ. Червонецъ былъ запачканъ и въ пыли, однако-жъ пятаковъ пригоршни трои червонца на обмѣнъ крестьянину дають. „Постой же,“ думаетъ мужикъ, „дадутъ мнѣ вдвое; придумалъ кой-что я такое, что у меня его съ руками оторвутъ“. Тутъ, взявъ песку, дресвы и мѣлу, и натолокши кирпича, мужикъ мой приступаетъ къ дѣлу. И со всего плеча червонецъ о кирпичъ онъ точитъ, дресвой деретъ, пескомъ и мѣломъ третъ; ну, словомъ, какъ жаръ червонецъ заигралъ: да только стало въ немъ вѣсу мало, и цѣну прежнюю червонецъ потерялъ.

Вельможа и философъ.

Вельможа, въ праздный часъ, толкуя съ мудрецомъ, о томъ, о семъ, „скажи мнѣ,“ говоритъ,—„ты свѣтъ довольно знаешь, и будто въ книгѣ ты въ сердцахъ людей

читаешь: какъ это, что мы ни начнемъ, суды-ли, общества-ль учены заведемъ, едва успѣемъ оглянуться, какъ первые невѣжды тутъ вотруться? Ужли отъ нихъ совсѣмъ лекарства нѣтъ?“—„Не думаю“, сказалъ мудрецъ въ отвѣтъ: „и съ обществами тажъ судьба (сказать межъ нами), что съ деревянными домами“.—„Какъ?“—„Такъ-же: я вотъ свой достроилъ сими днями; хозяева въ него еще не вобрались, а ужъ сверчки давно въ немъ завелись.

Левъ и Барсъ.

Когда-то въ старину, Левъ съ Барсомъ велъ предолгую войну за спорные лѣса, за дебри, за вертепы. Судиться по правамъ—не тотъ у нихъ былъ нравъ, да сильные-жъ (къ тому) въ правахъ бываютъ часто слѣпы, у нихъ на это свой уставъ: кто одолѣетъ, тотъ и правъ. Однако, наконецъ, не вѣчно-жъ драться—и когти притупятся: герои по правамъ рѣшились разобраться: намѣрились дѣла военны прекратить, окончить всѣ раздоры, потомъ, какъ водится, миръ вѣчный заключить до первой ссоры. «Назначимъ-же скорѣй мы отъ себя секретарей,» льву предлагаетъ барсъ: „и какъ ихъ умъ разсудитъ, пусть такъ и будетъ. Я, напримѣръ, къ тому опредѣлю кота; звѣрокъ хоть не казистъ, да совѣсть въ немъ чиста; а ты осла назначь; онъ знатнаго-же чина, и, къ слову молвить здѣсь, куда онъ у тебя завидная скотина! Повѣрь, какъ другу, мнѣ: совѣтъ и дворъ твой весь его копытца врядъ-ли стоитъ. Положимся-жъ на томъ, на чемъ съ моимъ котишкомъ онъ устроитъ“. И левъ мысль барса утвердилъ безъ спору; но только не осла, лисицу нарядилъ онъ отъ себя для этого разбору, примолвя про себя (какъ видно зналъ онъ свѣтъ): «Кого намъ хвалитъ врагъ, въ томъ вѣрно проку нѣтъ».

Утро въ горахъ.

Лазурь небесная смѣется,
Ночной омытая грозой,
И между горъ росисто вьется
Долина свѣтлой полосой.

Лишь высшихъ горъ до половины
Туманы покрываютъ скатъ,
Какъ-бы воздушныя руины
Волшебствомъ созданныхъ палатъ.

Тютчевъ.

Черный день пахаря.

Въ жизни пахаря, которая протекла также покойно и тихо, какъ песокъ стеклянныхъ часовъ, было, однакожъ, одно сильное потрясеніе. На семью его пала рекрутская очередь. Его не предупредили въ этомъ, слова не сказали: думали сдѣлать лучше. Но разъ ночью пришли къ нему въ избу и захватили одного изъ сыновей его, первато, который попался. (Говорятъ, потомъ объ этомъ онъ сказывалъ, что сердце его въ эту минуту сдѣлалось вдругъ тяжелымъ, какъ пудъ, и сильно окаменѣло). Но случай этотъ поразилъ его такъ сильно только по своей неожиданности. Придя въ себя старикъ побѣжалъ въ контору и просилъ, чтобъ ему самому предоставили выборъ дѣтей. На другой день онъ отвезъ всѣхъ сыновей въ городъ.

До сихъ поръ еще многимъ лицамъ, присутствовавшимъ на ставкѣ, памятна сцена, когда, послѣ произнесенія очереднаго имени, въ дверяхъ присутствія явился вдругъ сѣдой шестидесятилѣтній старикъ.—„Ваше благородіе! сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ членамъ присутствія: очередь за моей семьей. У меня три сына.... пытался—не могу выбрать: всѣ ровно дороги!.... Соблаговолите позвать всѣхъ трехъ.... выбирайте ужъ лучше сами!“

Въ комнату вошли три парня, одинъ краше другаго. Двое стали по правую руку отца, одинъ по лѣвую. Старикъ обнялъ по очередно всѣхъ трехъ и произнесъ, положивъ имъ сперва руку на голову: „Всѣ—милы!... всѣ дороги!... Всѣ хороши!....“ Тутъ дыханіе какъ бы стѣснилось въ груди его; онъ остановился, покачалъ головою, тяжко вздохнулъ и вдругъ залился слезами. Присутствующіе, тронутые его положеніемъ, стали его успокоивать Онъ просилъ позволенія кинуть жребій. Вынувъ

изъ кошелька три мѣдные гроша, онъ подалъ ихъ дѣтямъ, внимательно потомъ осмотрѣлъ каждый грошъ, положилъ на каждомъ знакъ зубами и велѣлъ бросить ихъ въ шапку.

—Вамъ, ваше благородіе, сказалъ онъ, обратясь опять ко всѣмъ:—вамъ, я вижу.... вы о нихъ также жалѣете.... Прикажите ужъ лучше позвать какого-ни-есть человѣка.... который не видалъ меня съ ними.... Пускай ужъ лучше онъ жеребій вынетъ....“ Позвали солдата. Старикъ сказалъ ему: „Какъ вынешь жеребій, никому не показывай, мнѣ отдай...“ Жребій вынутъ. Старикъ взялъ грошъ у солдата, отошелъ къ окну, взглянулъ на него, дрогнулъ, но тотчасъ-же оправился, перекрестился и возвратился къ дѣтямъ.“ Вася, вымолвилъ онъ, обратясь къ младшему:—Вася.... Голубчикъ мой! подойди ко мнѣ....“ Онъ снова положилъ ему руку на голову, съ минуту глядѣлъ на него молча и наконецъ произнесъ: „Ты былъ.... да, былъ ты мнѣ хорошимъ сыномъ.... завсегда хорошъ былъ.... будь же хорошимъ солдатомъ царю нашему!...“ Онъ обнялъ его, благословилъ и, закрывъ ладонью лицо, пошелъ къ двери, плача какимъ-то дѣтскимъ плачемъ.

Григоровичъ.

Разобрать слѣдующія предложенія и указать ихъ особенность.

Запеклися уста, что мошна пуста.
И пастухъ овцу бьетъ, что не туда идетъ.
Аль я хуже людей, что вездѣ хуже пью.
Аль мое пиво не удалось, что подъ тынъ пролилось.
Пришло въ тупикъ, что некуда ступить.
Починилъ дѣдъ клѣтку, что и собаки лазятъ.
Ѣстъ, что бѣльма на лобъ лѣзутъ.
На смерть, что на солнце, во всѣ глаза не глянешь.
Мило, что душа, а горько, что бѣда.
Добра, что клада ищутъ, а худо подъ рукой.
Горе что стрѣла разитъ.
Его, что больше слушать, то пуще вретъ.
Что бѣднѣе, то щедрѣе.

Что слово молвитъ, то рублемъ подаритъ.
Что ударишь, то и уѣдешь.
Что потѣшитъ, то и поживемъ.
У кузнеца, что стукнулъ, то гривна.
Доброму человѣку, что день, то и праздникъ.
Что вышито, что вылито—все равно.
Что черно, что бѣло, вызолоти, все равно.
Все одинъ Богъ, что у насъ, что у нихъ.
Что осьмнадцать, что безъ двухъ двадцать.

О сокращеніи придаточныхъ предложеній.

(Для справокъ).

Опредѣлительное придаточное предложеніе можетъ сокращаться только тогда, когда относительное мѣстоименіе, соединяющее его съ главнымъ, бываетъ или подлежащимъ или *дополненіемъ* къ дѣйствительному глаголу, *обозначающимъ* предметъ, на который переходитъ дѣйствіе (Указать на примѣрѣ. Статья 10, лит. а). Оно сокращается въ причастіе, если сказуемое выражено настоящимъ или прошедшимъ временемъ глагола, и въ опредѣлительное слово (прилагательное съ полнымъ окончаніемъ), если сказуемое выражено прилагательнымъ съ усѣченнымъ окончаніемъ. (См. примѣры тѣже).

Опредѣлительное придаточное предложеніе не сокращается: а) когда относительное мѣстоименіе не составляетъ ни подлежащаго, ни дополненія къ дѣйствительному глаголу, обозначающаго предметъ, на который переходитъ дѣйствіе (см. тѣже статьи); б) или когда сказуемое стоитъ въ будущемъ времени, или въ наклоненіи сослагательномъ (Указать въ статьяхъ).

Примѣчаніе. Опредѣлительное предложеніе, въ которомъ сказуемое выражено именемъ существительнымъ въ именительномъ падежѣ, сокращается посредствомъ имени существительнаго, какъ приложеніе. (См. ст. о словахъ опредѣлительныхъ, Отд. 1).

Дополнительныя придаточныя предложенія сокращаются: а) посредствомъ имени существительнаго (отыскать въ статьяхъ примѣры сокращенія посредствомъ имени существительнаго *предметнаго* и *отвлеченнаго*); б) посредствомъ имени прилагательнаго, употребленнаго въ смыслѣ существительнаго (см. статью

10, лит. в) и в) посредствомъ неопредѣленнаго наклоненія, съ опущеніемъ союзовъ *чтобы* (см. статьи и примѣры на лит. б, ст. 10.)

Дополнительныя придаточныя предложенія не сокращаются, когда они соединены съ главными предложеніями посредствомъ союзовъ *будто*, *ли*. (См. примѣры съ союзами *будто*, *ли*).

Обстоятельственныя предложенія сокращаются: а) посредствомъ дѣепричастій. Такое сокращеніе возможно только тогда, когда подлежащее придаточнаго предложенія одно и тоже съ подлежащимъ главнаго предложенія. (См. статьи и примѣры 10, лит. б, в, г, д, е). Если же придаточное предложеніе имѣетъ особое подлежащее, то оно не можетъ сокращаться. (См. примѣры въ статьяхъ); б) посредствомъ нарѣчій (примѣръ см. въ лит. б.); в) предложенія, означающія цѣль дѣйствія, сокращаются въ существительное имя съ предлогомъ (примѣръ в.); г) обстоятельственныя предложенія времени сокращаются въ об. стоятельственныя слова (примѣръ в.); д) придаточное обстоят. предложеніе условное, выражающее основаніе мысли, сокращается въ приложеніе съ союзомъ *какъ* (примѣръ).

Примѣры вводныхъ предложеній.

Слонъ и Моська.

По улицамъ слона водили, какъ видно, на показъ,—извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ,—такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили. Отколѣ ни возьмись, на встрѣчу Моська имъ. Увидѣвши слона, ну на него метаться, и лаять, и визжать, и рваться, ну такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.

„Сосѣдка, перестань срамиться!“ ей шавка говоритъ: „тебѣ-ль съ слономъ возиться? Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ впередъ и лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ“.

„Эхъ, эхъ!“ ей Моська отвѣчаетъ: „вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ, что я совсѣмъ безъ драки могу попасть въ большія забіяки. Пускай-же говорятъ собаки: „ай, моська! знать она сильна, что лаетъ на слона!“

Примѣры вносныхъ предложеній.

Слѣпой и Молоко.

Одинъ—слѣпой отъ роду—спросилъ зрячаго:
—Какого цвѣта молоко!
Зрячій сказалъ:
—Цвѣтъ молока такой, какъ бумага—бѣлый.
Слѣпой спросилъ:
—А что этотъ цвѣтъ такъ-же шуршитъ подъ руками, какъ бумага?
Зрячій сказалъ:
—Нѣтъ, онъ бѣлый, какъ бумага бѣлая.
Слѣпой спросилъ:
—А что, онъ такой-же мягкій и сыпучій, какъ мука?
Зрячій сказалъ:
—Нѣтъ, онъ просто бѣлый, какъ заяцъ бѣлякъ.
Слѣпой спросилъ:
—Что-жъ онъ пушистый и мягкій, какъ заяцъ?
Зрячій сказалъ:
—Нѣтъ, бѣлый цвѣтъ такой точно, какъ снѣгъ.
Слѣпой спросилъ:
—Что-жъ онъ—холодный, какъ снѣгъ?
И сколько примѣровъ зрячій не говорилъ, слѣпой не могъ понять—какой бываетъ бѣлый цвѣтъ.

Какъ образуется вводное предложеніе?
Какая разница между вводнымъ и вноснымъ предложеніемъ?
Объясните знаки въ предложеніяхъ вводныхъ и вносныхъ.

ОТДѢЛЪ III.

Общее понятіе о согласованіи и управленіи словъ.

Указать разницу согласованія и управленія словъ въ слѣдующихъ статьяхъ.

Муравей и Голубка. Муравей спустился къ ручью, захотѣлъ напиться. Волна захлеснула его и чуть не утопила. Голубка несла вѣтку; она увидала, что муравей тонетъ, и бросила ему вѣтку въ ручей. Муравей сѣлъ на вѣтку и спасся. Потомъ охотникъ разставилъ сѣть на голубку и хотѣлъ прикрыть. Муравей подползъ къ охотнику и укусилъ его за ногу; охотникъ охнулъ и уронилъ сѣть. Голубка вспорхнула и улетѣла.

Старинныя русскія жилища. Большіе дома встарину назывались теремами; въ Кіевѣ былъ каменный теремъ Великаго князя съ дворомъ. Обыкновенное названіе дома было хоромы: они строились изъ теплаго жилья или избъ, и холодныхъ лѣтнихъ покоевъ—клѣтей. Клѣти соединялись между собою сѣнями, переходами (помостомъ); впереди придѣлывались сѣни или крыльцо на столбахъ; около хоромъ находились дворцы, огороженные заборомъ. При хоромахъ находились одрины, голубятни, бани, медуши (гдѣ хранили медъ). Въ комнатахъ стояли простые столы да лавки, называемые бесѣдами; употреблялись также ковры для украшенія.

Какіе члены предложеній могутъ согласоваться? Укажите согласованіе полное и неполное.

Гроза.—Уже давно вдали толпились тучи тяжелыя,—росли, темнѣли грозно.... Вотъ сорвалась и двину-

лась громада. Шумя плыветъ и солнце закрываетъ передовое облако; внезапный туманъ разлился въ воздухѣ; кружатся сухіе листья.... птицы притаились.... Изъ-подъ воротъ выглядываютъ люди, спускаютъ окна, запираютъ двери.... Большія капли падаютъ.—И вдругъ помчалась пыль столбами по дорогамъ, поднялся вихрь и по стѣнамъ и крышамъ ударилъ злобно; хлынули потоки дождя.... запрыгалъ угловатый градъ.... Крутятся, бьются, мечутся деревья, столпились тучи.... молнія! ждешь удара.... загрохоталъ и прокатился громъ. Сильнѣе дождь... Широкими струями, волнуясь, льетъ и хлещетъ онъ—и вѣтеръ съ воды срываетъ брызги.... вновь ударъ! Черезъ село растрепанный, безъ шапки, мужикъ за стадомъ въ поле проскакалъ. А въ слѣдъ ему другой кричитъ и машетъ.... смятенье!

Тургеневъ.

Старый разумъ проживаемъ, другой не наживаемъ, дураками умремъ.—Сколоченная посуда два вѣка живетъ.—Молодой журавль высоко взлетѣлъ, да низко сѣлъ.—Семейная кашка погуще кипитъ.—Первый сынъ Богу, второй царю, третій себѣ на пропитаніе.

Указать слова управляемыя и управляющія.—Указать управленіе посредственное и непосредственное.

Юноша.

Ясно надо мною
Голубое небо:
Стану-ли я думать
О туманныхъ тучахъ?
Весело мнѣ, юность
Завиваетъ кудри:
Стану-ль я клониться
Головой кудрявой?
Думаютъ-ли розы,
Пышно разцвѣтая,
Что онѣ увянутъ

Завтра отъ мороза?
Думаютъ-ли звѣзды,
Загораясь ночью,
Что заря по утру
Ихъ погаситъ въ небѣ?

Въ деревнѣ.

Вотъ по распаханной, черной полянѣ,
Землю взрывая, бредутъ поселяне;
Весело видѣть семью поселянъ,
Въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ;
Дорого, любо, кормилица-нива,
Видѣть, какъ ты колосишься красиво,
Какъ ты янтарнымъ зерномъ налита,
Гордо стоишь высока и густа!
Но веселѣй нѣтъ поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;
Вторитъ ей эхо лѣсовъ и полей,
Словно кричитъ: „поскорѣй, поскорѣй!“
Звукъ благодатный! Кого онъ разбудитъ,
Вѣрно весь день тому весело будетъ.

Некрасовъ.

О согласованіи въ личномъ предложеніи.

Разныя формы выраженія подлежащаго въ русскомъ языкѣ *).

Опредѣлите форму подлежащаго въ слѣдующихъ примѣрахъ:

1. Глупый да малый правду говорятъ.—Злой мыслить ночью, а казнитъ днемъ.—Живые по полю не шатаются, а мертвые по землѣ не валяются.—Слезливый слезами обольется, а смѣшливый со смѣху надорвется.—Сытый и меду не радъ.—Убогій радъ кисслю, а богатому и золото въ горло не идетъ.

---

*) См. подлежащее имя существительное, отдѣлъ I.

2. Хорошее не лизать, а худое не тесать.—Худое всегда ловится вдвое.—Маленькій да удаленькій, великъ да дикъ.—Доброе и во снѣ хорошо.

3. Я-де Янька въ красной шапкѣ (тотъ, кто много говоритъ о себѣ: самохвалъ, хвастунъ).—Я на ледъ пословъ пошлю, а на медъ самъ пойду.—Ты братъ, да кафтанъ не братъ.—Ты отъ горя за рѣку, а горе ждетъ тебя на берегу.—Ты нашъ, а мы твои.—Онъ и съ камня лыки деретъ.—Мы не въ лѣсу родились, не пню молились.

Кто съ дерева убился?—бортникъ!—Кто утонулъ?—рыболовъ; кто въ полѣ лежитъ?—служилый человѣкъ.—Кто на морѣ не бывалъ, тотъ до сыта Богу не маливался.

Никто на свою ногу топора не опуститъ.—Никто не бывалъ, а полпѣсни какъ не бывало.—Самъ впрягаетъ, самъ погоняетъ, самъ и въ гости ѣдетъ.—Самъ ножъ точитъ, а говоритъ: „небойсь!“

Все перемелется—мука будетъ.—Всѣ подъ Богомъ ходимъ.

Всякій самъ себѣ ближе.—Всякій своего счастья кузнецъ.—Свой своему по неволѣ другъ.—Свой своего видитъ издалека.

4. Трудно противъ рожна прать.—Не добро брать серебро, а дѣла дѣлать свинцовыя.—Не красно стараго въ полѣ видѣть, а страшно противъ него ѣхать.—Отъ пятницы надобно пятиться.—Не стыдно хлѣбъ достать трудомъ, стыдно хлѣбъ достать стыдомъ.

Легко за готовымъ хлѣбомъ спать.—Легко чужими руками жаръ загребать.—Лиха бѣда кафтанъ нажить, а рубаху и дома можно сшить.—Не рука крестьянскому сыну калачи ѣсть.—Дурно въ очи хвалить, а за очи хулить.

5. Два одному рать.—Одинъ другому не указъ.—Одинъ у каши не споръ.—Семеро одного не ждутъ.—Одинъ рубль—одинъ умъ, два рубля—два ума.

На берегу моря Галилейскаго четверо рыбаковъ занимались своимъ дѣломъ: двое закидывали сѣти, начиная ловъ, другіе двое въ другомъ мѣстѣ поправляли сѣти, видно, поврежденныя во время лова. Идетъ нѣкто по берегу и говоритъ двумъ первымъ: идите за Мною, и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ.

6. Авось небосю родной братъ.—Авось хоть брось.—Авось попадаетъ, что заяцъ въ тенета.—Авось и какъ нибудь до добра не доведутъ.—Авоська веревку вьетъ, небоська накидываетъ.—Авоська ушолъ, а небоську покинулъ.—Авось задатка не даетъ.—Авось и рыбака толкаетъ подъ бока.—Авося жданки съѣли.

Есть нѣта лучше.

Тихо не лихо, а смирно прибыльнѣе.

Твердо крѣпку братъ.—Сегодня гули, завтра гули, тѣже гули въ лапти обули.—Одно нынче лучше двухъ завтра.—Скоро хорошо не родится.—Есть у молодца не хоронится, а нѣтъ не воротится.

Пожалуйста не кланяется, а спасибо спины не гнетъ.—Подари-то померъ, а остался въ живыхъ братъ его.—Придетъ неспориха, дойдетъ и Флориха до лиха.

Разобрать слѣдующіе примѣры:

Пріятно быть съ умомъ.—Нельзя работать безъ устали.—Невозможно быть безъ друга.—Желательно быть съ барышомъ.—Надо быть безъ робости.—Не большая честь быть въ дуракахъ.

Изъ Крылова: Солнцемъ дерево печетъ, то градомъ, то дождемъ сѣчетъ, и вѣтромъ наконецъ сломило.—Мышенка запахомъ пирушки привлекло.—Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пашетъ.—То скосило градомъ, то снесло пожаромъ.

Нечего пенять на зеркало, коли рожа крива.—Одинъ мосолъ во щахъ не варятъ.—Одна ягода въ со-

рокъ два года.—Двѣ головни курятся, одна—никогда.—Одна собака вѣрнѣе господину двухъ служителей.—У семи дворовъ одинъ топоръ и тотъ безъ топорища.—Семь топоровъ вмѣстѣ лежатъ, а двѣ прялки врозь.—Первая брань лучше послѣдней.—Въ одинъ день по двѣ радости не живетъ.—Два брата на медвѣдя, а два свояка на кисель.—Одинъ рубитъ, семеро въ кулакъ трубятъ.—Одинъ горюетъ, а семь воюютъ.—Одинъ да зорокъ, не надобно и сорокъ.—Два дерутся—третій не мѣшай.—Одинъ говоритъ—красно, а два—пестро.—Обычай не клѣтка.—Отвага медъ пьетъ, отвага и кандалы третъ.—Осторожнаго коня и звѣрь не вредитъ.—*(См. примѣры, отд.* 1.*)*—Умный самъ по себѣ, а дураку Богъ на помочь.—Глупый да малый всегда говорятъ правду.—Пить добро, а не пить—лучше того.—Примѣчать всякому вольно, а говорить про то—дурно.—Скоро не бываетъ споро, а не споро да здорово.—Кто Богу надобенъ, тотъ и людямъ пріятенъ.—Всякій силяшетъ, да не какъ скоморохъ.

О выраженіи подлежащаго.

(Для справокъ).

Подлежащее, какъ понятіе о предметѣ рѣчи, выражается знаменательною частью рѣчи, и собственно *именемъ существительнымъ* (см. отд. I, ст. 1 и слѣд.); но кромѣ существительнаго, подлежащее можетъ быть выражено и другими частями рѣчи, какъ *знаменательными*, такъ и *служебными*.

Изъ знаменательныхъ частей рѣчи могутъ быть подлежащимъ:

I) *прилагательное*, когда опускается опредѣляемое существительное имя; такое прилагат. выражаетъ всегда *видовое* отличіе (но не родовое), и ставится въ *томъ родѣ* и *числѣ*, какъ подразумѣваемое существительное (см. отд. III, ст. 1).—II) *Прилагательное*, когда выражаетъ высшее родовое понятіе, для котораго нѣтъ имени существительнаго, и въ такомъ случаѣ это подлежащее всегда ставится въ *единст.* числѣ, сред. родѣ (см. отд III, ст. 2).—III) *Глаголъ* въ неопредѣленномъ наклоненіи,

потому что неопред. накл. есть почти тоже, что существительное отвлеченное (см. отд. III, ст. 4).

Изъ служебныхъ частей рѣчи подлежащее можетъ быть выражено:

I) *Мѣстоименіями* (отд. III, ст. 3).

II) Именами *числительными*; при нихъ, въ такомъ случаѣ, подразумѣваются имена существ. (отд. III, ст. 5).

III) *Нарѣчіемъ* и всякою неизмѣняемою частью рѣчи, принимаемой въ смыслѣ существительнаго имени (отд. III, ст. 6).

Виды и согласованіе сказуемаго.

Обратить вниманіе на число и личное окончаніе сказуемаго.

1. На воздушномъ океанѣ,
   Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
   Тихо плаваютъ въ туманѣ
   Хоры стройные свѣтилъ.
   Средь полей необозримыхъ
   Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
   Облаковъ неуловимыхъ
   Волокнистыя стада.
   Часъ разлуки, часъ свиданья
   Имъ не радость, не печаль,
   Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
   Имъ прошедшаго не жаль.

Лермонтовъ.

2. Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ,
   Жизнью свѣжей дышитъ степь,
   И кургановъ зеленѣетъ
   Убѣгающая цѣпь.
   И далеко межъ кургановъ—
   Темносѣрою змѣей—
   До блѣднѣющихъ тумановъ
   Пролегаетъ путь родной.
   Къ безотчетному веселью,
   Подымаясь въ небеса,
   Сыплютъ съ неба трель за трелью
   Вешнихъ птичекъ голоса.

Фетъ.

Обратите вниманіе на число и падежъ сказуемаго.

3. Пословицы. Свой глазъ алмазъ, а чужой стеклушко.—Міръ—нетлѣнная риза.—Чужой человѣкъ—въ домѣ колоколъ.—Цвѣтъ для старости—сѣдина, а смерть—болѣзнь.

4. Изъ народныхъ пѣсенъ.

Намъ постелюшка—мать сыра земля,
Изголовьице—зло кореньицо,
Одѣялишко—вѣтры буйные,
Покрывалышко—снѣга бѣлыя.
Обмываньице—частый дождичекъ,
Утираньице—шелкова трава,
Родной батюшка нашъ—свѣтелъ мѣсяцъ,
Красно солнышко—родна матушка,
Заря бѣлая—молода жена.

5) Онъ становится богатъ, какъ Крезъ.—Онъ считается коноводъ.—Его кресла стоятъ пустыя.—Больной остался живъ.—Слонъ льву казался неуменъ и неученъ.—Мартышка въ старости слаба глазами стала.—Бываютъ и орлы, какъ видно, плоховаты.—Нашъ воевода въ родню былъ толстъ, да не въ родню былъ простъ.—Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище!—Тѣ вышли вонъ не только правы, чуть не святы.—Цѣлъ котелъ съ дороги воротился.

Работа черна, да денежка бѣла.—Доброе и во снѣ хорошо.—Въ лѣсу лѣсъ неровенъ, а въ міру люди.—Въ лѣсу и сковородка звонка.—Мелка рѣка, да круты берега.—Всякая погудка къ хлѣбу добра.—Рука чиста, да дѣло моховато.—Щербата денежка, да сладокъ калачъ.—Въ чужихъ рукахъ всегда ломоть великъ.—Сладокъ медъ, да не по двѣ ложки въ ротъ.—Сказанное слово мѣдное, а не сказанное золотое.—Не дорога чарка, а дорога милость царска.—Вѣкъ-то дологъ, да часъто дорогъ.—Мужикъ не мудренъ, да киса толста.

Объясните склоняемую форму сказуемаго въ слѣдующихъ примѣрахъ.

Пословицы.—Мы люди бѣдные, у насъ ворота мѣдные; вы люди начальные, у васъ ворота мочальные.—Мы люди неграмотные, ѣдимъ пряники неписанные.

Изъ Гоголя.—Церкви были почти всѣ деревянныя и маленькія.

Изъ Карамзина.—1802 годъ былъ мирный для Европы, но важный своими великими государственными феноменами.

Изъ Крылова. И вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ.

Изъ Глинки: Голова его (Наполеона I), видно по уму, а не по росту, очень велика; лицо широкое; цвѣтъ лица изжелта-блѣдный. Его волосы черные, гладкіе; глаза изсѣра-голубоватые, обогнутые густыми бровями.

Когда сказуемое необходимо выразить нарѣчіемъ?

Бодливую корову изъ стада вонъ.—Денегъ много, да разума мало.—Жить грустно, а умереть тошно.—Закрытую рану лечить неудобно, а тайную муку лечить неспособно.—Зять съ тещею говоритъ день до вечера, а слушать нечего.—Изъ большаго убавить не трудно, а трудно убавить, гдѣ скудно.—Изъ чужаго кармана платить легко.—Итти-бы въ Вятку, да въ карманѣ гладко.—Есть молоко, да доставать далеко.—Жаръ къ жару прибавлять не надо.—И кума жаль, и брани жаль.—Никто отъ міру не прочь.—Я его съ плечъ долой, а онъ на руки.—Ино скокомъ, ино бокомъ, а ино и ползкомъ.—Не къ лицу пироги разбирать, коли хлѣба нѣтъ.—Не подъ стать синему кафтану голубой подбой.—Все на готовѣ: сани въ Казани, хомутъ на базарѣ.—Соколу лѣсъ не въ диво.—Чужое добро не въ прокъ.—Это мнѣ все не по чемъ.—Золото не въ золото, не побывъ подъ молотомъ.—Не все работа у мельника, а стуку въ волю.—Тебѣ на здоровье, да и намъ не скоромно.—У Бога недолго, а у насъ сейчасъ.—Что въ

ротъ, то спасибо.—Шапочка въ двѣ денежки, да и ту на бекрень.—Умница вмѣстѣ, а рыбка въ дѣлежѣ.—Посулы на золотомъ стулѣ.—Теперь такъ, да послѣ-то какъ?—У хлѣба не безъ крохъ.—Одна рука въ меду, а другая въ сахарѣ.—Онъ въ сторонѣ, а ты въ боронѣ.—Рыба въ водѣ, а ягода въ травѣ.—Добрый конь не безъ сѣдока, а честный человѣкъ не безъ друга.—Островъ въ морѣ, а сердце въ горѣ.—Рубаха съ плечъ, а другая въ печь.—Одинъ Богъ безъ грѣха.—Тринадцатый подъ столъ.—У звяготливаго червь подъ языкомъ.

Свой глазъ все лучше чужаго.—Добрыя слова лучше мягкаго пирога.—Избыточная сладость пуще горечихи.—Дождливое лѣто хуже осени.—Лучше бѣдность, да честность, нежели прибыль да стыдъ.—Складъ дороже пѣсни.—Майская роза лучше овса.—Правда старѣе старости.—Сонъ лучше всякаго лѣкарства.—Худой міръ лучше доброй драки.—Скупому душа дешевлѣ гроша.

Отчего зависитъ форма родовая въ слѣдующихъ сказуемыхъ?

1. Двѣ шубы тепло, двѣ хозяйки добро.
2. Медъ сладко, а человѣкъ падко.
3. Левъ страшно, обезьяна смѣшно.
4. Умъ хорошо, а два лучше.
5. Зимовая служба молодцамъ кручиною, да сердцу надсадко.

Обратить вниманіе на творительный падежъ въ слѣдующихъ примѣрахъ:

1. Море было любимою стихіею Петра.
2. Погребеніе мертвыхъ было также дѣйствіемъ священнымъ между языческими славянами *(Карамз.)*
3. Новиковъ (род. 1744—1818) былъ въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной торговли.
4. Платою для пирующихъ было Бородинское поле.

5. Изъ Крылова:—Какою мы подмогой
Другъ-другу можемъ быть? Ты
слѣпъ, а я безногій.

6. Дружба дружбой, а служба службой.
7. Самъ копной, брюхо горой.
8. У Игната къ пирогамъ борода съ лопату, а увидитъ дубину, борода клиномъ.
9. Всякая копѣйка ребромъ.

10. Изъ Пушкина: Кто-то теремъ прибиралъ,
Кто-же? выдь и покажися,
Съ нами честно подружися.
Коль ты старый человѣкъ—
Дядей будешь намъ на вѣкъ;
Коли парень ты румяный,—
Братецъ будешь намъ названный.
Коль старушка—будь намъ мать,
Такъ и станемъ величать;
Коли красная дѣвица—
Будь намъ милая сестрица.

Разобрать сказуемое въ слѣдующихъ примѣрахъ:

1. Петръ Великій былъ слишкомъ двухъ аршинъ четырнадцати вершковъ.

2. Отрывки.—Онъ набожныхъ былъ правилъ,
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ.

3. Они (цвѣты душистые) такой цѣны и красоты,
Что само время ихъ, жалѣя, коситъ.

Летитъ пуля—жужжитъ; я въ бокъ—она за мной; я въ другой—она за мной; я упалъ въ кустъ—она меня хвать въ бокъ; я цапъ рукой—анъ это жукъ.

Чей дворъ, того и хоромы; чей берегъ, того и рыба, чей конь, того и возъ; чья земля, того и сѣно.—

Не то дорого, что краснаго золота, а дорого, что добраго мастерства.—Ковры семи шелковъ, а рубаха и не прядена.—Совѣсть безъ зубовъ, а загрызетъ.—Конь о четырехъ ногъ да спотыкается.—О шести ногъ безъ копытъ, ходитъ не стучитъ. (*Тараканъ*).—Видно онъ о двухъ головахъ.—Кто ты такой?—Какія у тебя забавы?

Изъ Крылова: Наймись курятникъ мой отъ лисъ ты охранять,
Кому какъ не лисѣ всѣ плутни лисьи знать?
За то ни въ чемъ не будешь ты нуждаться,
И станешь у меня, какъ въ маслѣ сыръ, кататься.

О выраженіи сказуемаго.

(Для справокъ).

Сказуемое выражается *глаголомъ*, при чемъ наклоненіе, времена и лица, показывающія отношеніе сказуемаго къ лицу говорящему, выражаются этимологическимъ составомъ глагола: относительными окончаніями, примѣтами и приставками. (Отд. III; виды сказ. ст. 1 и 2).

Кромѣ глагола, сказуемое выражается *склоняемыми частями рѣчи*, въ падежахъ: I) *именительномъ*, когда нужно обозначить признакъ существенный или постоянный (ст. 3, 4, 5 и слѣд); при этомъ качественныя прилагат. имѣютъ *спрягаемое окончаніе*; но если сказуемое образовалось изъ опредѣленія, при которомъ подразумѣвается существительное, тогда прилагательное ставится въ полномъ окончаніи (см. примѣры на склоняемую форму сказуемаго);—II) въ *творительномъ*: когда нужно обозначить признакъ временный или случайный, а также когда обозначается признакъ, который выражаетъ въ предметѣ особенную силу его (см. прим. на твор. падежъ);—III) въ *родительномъ падежѣ вмѣстѣ съ прилагательнымъ именемъ*; такой родит. падежъ можетъ перейти въ опредѣленіе (см. сказ. въ род. над.); наконецъ IV) сказуемое можетъ стоять въ *неопредѣленномъ наклоненіи*, имѣющемъ значеніе отвлеченнаго имени существительнаго (см. въ примѣрахъ).

Когда сказуемое выражается *прилагательнымъ*, *существительнымъ* или *глаголомъ* въ неопредѣленномъ наклоненіи, то отношеніе его къ подлежащему обозначается глаголами *быть* и *стать* (послѣдній ставится въ прошед. времени или въ будущемъ). Эти глаголы называются связью предложенія, и въ этомъ случаѣ уже не *знаменательныя* части рѣчи, но служебныя (провѣрить на примѣрахъ отд. III).

Согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ.

(Вопросы см. при статьяхъ).

Глагольное сказуемое. Согласованіе его съ подлежащимъ.

(Предложеніе личное).

Магнитъ.

(Изъ разсказовъ Толстаго).

Въ старину былъ пастухъ; звали его Магнисъ.—Пропала у Магниса овца. Онъ пошелъ въ горы искать.—Пришелъ на одно мѣсто, гдѣ одни голые камни. Онъ пошелъ по этимъ камнямъ и чувствуетъ, что сапоги на немъ прилипаютъ къ этимъ камнямъ. Онъ потрогалъ рукой, камни сухіе и къ рукамъ не липнутъ; пошелъ опять, опять сапоги прилипаютъ. Онъ сѣлъ, разулся, взялъ сапогъ въ руки и сталъ трогать имъ камни.—Тронетъ кожей и подошвой, не прилипаетъ, а тронетъ гвоздями, такъ прилипнетъ. Была у Магнуса палка съ желѣзнымъ наконечникомъ. Онъ тронулъ камень деревомъ не прилипаетъ, тронулъ желѣзомъ—прилипло такъ, что отрывать надо.

Магнусъ разсмотрѣлъ камень; видитъ, что похожъ на желѣзо, и принесъ куски камня домой. Съ тѣхъ поръ узнали этотъ камень и прозвали магнитомъ.

Дай Богъ съ умнымъ найти и потерять.—Дай Богъ гостя добраго, да съ худымъ разумомъ.

Почему 2-е л. глагола согласовано съ 3-мъ лицомъ подлежащаго?

Обратить вниманіе на согласованіе сказуемаго въ слѣдующихъ примѣрахъ.

1. Сказуемое во множественномъ числѣ.—Волынка, гудокъ и дудка были также извѣстны и предкамъ нашимъ.—Густая борода и толстое брюхо считались на Руси великимъ украшеніемъ человѣка.—Честь народная и великодушіе не слѣдуютъ внушеніямъ боязливаго разсудка.

2. Сказуемое въ единственномъ числѣ.—Одно нужное и полезное кажется мнѣ хорошимъ.—Ни званіе дворянина, ни орденъ св. Людовика не мѣшаетъ во Франціи ходить по міру.—Похвала или порицаніе честнаго человѣка не есть приговоръ общественнаго вкуса.—По сей часъ ни волкъ, ни медвѣдь, ни разбойникъ не смѣлъ напасть на меня.

Разобрать и объяснить согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ:

а.

И не намъ чета безъ доли живутъ.—И не нашимъ сѣнямъ чета подламывались.—Братъ съ братомъ на медвѣдя ходятъ.—Прибыль съ убылью на одномъ дворѣ живутъ.—Злой съ лукавымъ водились, да оба въ яму ввалились.—Горе да бѣда съ кѣмъ не была?—Соболь да куница бѣжитъ да дрожитъ, а сѣрая овечка лежитъ, да пышитъ.—Нужда да голодъ погоняетъ на холодъ.—Работа да руки надежныя въ людяхъ поруки.

б.

1. Твои пять книгъ *лежатъ* на столѣ; и пять книгъ *лежитъ* на столѣ.—Семьсотъ огнедышащихъ жерлъ,

на пространствѣ не болѣе одной квадратной версты собранныхъ, обстрѣливали во всѣхъ направленіяхъ небольшую равнину, находящуюся впереди Семеновской, и изрыгали смерть въ громады обороняющихъ и нападающихъ.

2. Шесть орловъ было взято нашими.—Подоспѣло нѣсколько дѣтей боярскихъ.

3. Есть чернецы на Симоновѣ, да не хвалятся.—Есть деньги въ слину, а нѣтъ денегъ въ схиму.

4. Вы, милостивый государь, желаете.

5. Будьте свидѣтемъ.—Вы сами приказали.

6. Мы Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій объявляемъ.—Сенатъ слушали.

7. Его Величество прибылъ сюда.—Его свѣтлость приглашенъ въ собраніе.—Ея сіятельство изволила выѣхать.

В.

Ему-же дано много, много и взыщется.—Много до насъ прожито, а намъ маленько осталось.—Много хочется, да не все сможется.—Много сытно, мало честно.—Въ мутной водѣ хорошо рыбу ловить.—Молодому лгать вредно, старому непотребно.—Стыдно сказать, а грѣхъ утаить.—Сказать не велять, утаить нельзя.—Добро заморскому гостю врать.

Примѣч. О согласованіи сказуемыхъ: *прилагательнаго*, *существительнаго* и *мѣстоименія* см. въ примѣрахъ для выраженія сказуемаго, отд. III.

Объ отношеніи сказуемаго къ подлежащему.

(Для справокъ.)

Различныя отношенія сказуемаго къ подлежащему зависятъ отъ того, разсматриваемъ ли мы предложеніе *само по себѣ*, или по отношенію его *къ лицу говорящему*. Въ первомъ случаѣ образуется отношеніе *рода*, *числа*, *лица* и *падежа*, а во второмъ—отношеніе *наклоненія*, *времени* и *вида*.

Согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ.—*Сказуемое—глаголъ* согласуется съ подлежащимъ въ лицѣ и числѣ, а въ прошед. времени един. числа и въ родѣ (см. ст. *магнитъ*). Когда сказуемое находится въ повелит. накл., тогда употребляется часто 2-е лицо вм. 3-го (см. примѣры ниже).—*Сказуемое—имя прилагательное, причастіе, прилаг. мѣстоименіе* и *числительное* согласуются съ подлежащимъ въ родѣ и числѣ, а согласованіе въ лицѣ означается вспомогат. глаголомъ (см. отд. Ш, примѣры *для выраженія сказуемаго*).—*Сказуемое существительное имя, существительное* мѣстоименіе и числительное могутъ ни въ чемъ не согласоваться съ подлежащимъ (см. тамъ же).—*При подлежащемъ*, выраженномъ неопредѣлен. наклоненіемъ, *сказуемое—прилательное* и *связь* (въ прошед. вр.) употребляется въ *сред. родѣ, ед. числа*, потому что неопредѣл. накл. соотвѣтственно отглагольному существительному сред. род. на *іе* (см. отд. Ш, о *выраженіи подлежащаго*).—Когда *сказуемое*—прилагательное безотносительно опредѣляетъ самую сущность предмета, тогда оно ставится въ сред. род. ед. ч., какого бы рода и числа ни было его подлежащее (указать примѣры въ ст. о *выраженіи сказ.* отд. Ш). На этомъ же основаніи, сказуемое, поставленное въ вопросѣ, всегда выражается *среднимъ родомъ* вопросит. мѣстоименія един. числа.

Въ *слитномъ предложеніи*, при двухъ или нѣсколькихъ подлежащихъ, сказуемое полагается во множ. числѣ (указать примѣры, отд. Ш, въ ст. о *согласованіи сказуемаго*). Но если сказуемое относится не ко всѣмъ подлежащимъ, а только къ одному (при союзахъ *или, либо, ни—ни*), то оно полагается въ един. числѣ, а въ родѣ согласуется съ послѣднимъ подлежащимъ (см. примѣры тамъ же). Имена прилагательныя или мѣстоименія *сред. рода, числа единст.* и неопред. наклоненія въ слитномъ предложеніи также требуютъ *сказуемаго* въ *числѣ единственномъ* (см. ст. о *согласов. сказ.*, примѣры: *сказуемое* въ *един. числѣ*).—При двухъ подлежащихъ, соединенныхъ совокупительнымъ предлогомъ *съ*, сказуемое полагается во *множ. числѣ* (см. примѣры о *согласованіи сказуемаго*).—При двухъ подлежащихъ *мѣстоименіяхъ личныхъ* сказуемое—глаголъ полагается во мн. числѣ и согласуется съ важнѣйшихъ лицомъ: если *первое* лицо соединено со 2-мъ, то съ первымъ, *второе* съ третьимъ, то со 2-мъ (см. выраженіе подлежащаго).—Съ подлежащимъ *именемъ—числит.* количест. сказуемое согласуется двояко: а) оно полагается или во множ. числѣ, согласуясь въ родѣ съ исчисляемымъ существительнымъ; б) или въ един. числѣ, принимая окончаніе сред. рода (отыскать примѣры въ ст. о согласованіи сказуемаго).—При подлежащемъ, выраженномъ име-

немъ существ. собитательнымъ, сказуемое иногда полагается во множ. числѣ (см. примѣры тамъ же).—Когда подлежащимъ бываютъ титулы, замѣняющіе личное мѣстоименіе *вы*, тогда сказуемое ставится во мн. числѣ, хотя-бы подлежащее стояло и въ един. числѣ (примѣры см. въ ст. о *согласованіи сказ.* №№ 1—7 и въ статьѣ о выраженіи подлежащаго, отд. III).

О согласованіи причастій и дѣепричастій съ формами изъявительнаго наклоненія.

Степной ковыль.

Осенью ковылистыя степи совершенно измѣняются и получаютъ свой особенный, самобытный, ни съ чѣмъ не схожій, чудный видъ: выросшія во всю свою длину и вполнѣ распустившіяся, перлово-сизыя волокны ковыля, при легкомъ дуновеніи вѣтерка, уже колеблются и струятся мелкою, слегка серебристою зыбью. Но сильный вѣтеръ, безгранично властвуя степью, склоняетъ до пожелтѣвшихъ корней слабые, гибкіе кусты ковыля, треплетъ ихъ, хлещетъ, разсыпаетъ направо и налѣво, бьетъ объ увядшую землю, несетъ по своему направленію, и взору представляется невообразимое пространство, все волнующееся и все текущее въ одну сторону. Для непривычныхъ глазъ такое зрѣлище сначала ново и поразительно; никакое теченіе воды на него не похоже; но скоро своимъ однообразіемъ оно утомляетъ зрѣніе, производитъ даже головокруженіе и наводитъ какое-то уныніе на душу.

С. Аксаковъ.

Наступленіе весны.

Время было раннее. Снѣжные, холмистые скаты, обступившіе дорогу, и темные сосновые лѣса, выглядывающіе изъ за холмовъ, только-что озарились солнцемъ. Со всѣмъ тѣмъ въ воздухѣ начинало уже чувствоваться какая-то мягкость, предвѣщавшая къ полудню оттепель. Время полной распутицы еще не наступило; но не было

уже никакой возможности ѣхать на саняхъ; снѣгъ, подогрѣваемый сверху мартовскимъ солнцемъ,—снизу отходившей землею, замѣтно осаживался; дорога не держала копыта лошадей; темно-бурый цвѣтъ рѣзко уже отдѣлилъ ее отъ полей, покрытыхъ тонкою ледяною корой, сквозь которую проламывались черные засохшіе стебли прошлогоднихъ растеній. По мѣрѣ того, какъ солнце подымалось выше, небосклонъ со стороны Оки синѣлъ и покрывался туманомъ, вѣрнѣйшимъ знакомъ скорой оттепели, по мнѣнію мѣстныхъ пахарей и рыболововъ. Скаты холмовъ, обращенные къ югу, начинали желтѣть и мокнуть; лощины наполнялись водою; кое-гдѣ даже показывалась земля, усѣянная камнями. Этимъ, впрочемъ, и ограничивались признаки наступавшей весны: на проталинкахъ не видно было покуда ни жаворонка, ни грача, перваго возвѣстника тепла, первой хлѣбной птицы, землей еще не пахло.

Григоровичъ.

Гутъ-гора.

Хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ и одна за другою гасли по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутыя отлогости горъ, покрытыя дѣвственными снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти, и туманъ, клубясь и извиваясь, какъ змѣй, сползалъ туда, по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.

Тихо все было на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ, съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь; съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гутъ-гору; мы шли пѣшкомъ, сзади подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и наконецъ пропадала въ облакѣ, которое еще съ

вечера отдыхало на вершинѣ Гутъ-горы, какъ коршунъ, ожидающій добычи. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими: воздухъ становился такъ рѣзокъ, что было больно дышать; кровь поминутно приливала въ голову; но совсѣмъ тѣмъ какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ. Чувство дѣтское, не спорю, но удаляясь отъ условій общества и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми: все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какою была нѣкогда и, вѣрно, будетъ когда нибудь опять.

Лермонтовъ.

Штаубахъ.

Версты за двѣ не доходя до Лаутербруннена, увидѣлъ я такъ называемый Штауббахъ, или ручей, свергающійся съ вершины каменной горы, въ 900 футовъ вышиною. Въ семъ отдаленіи кажется онъ неподвижнымъ столбомъ млечной пѣны. Скорыми шагами приблизился я къ этому феномену и разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ. Вода прямо летитъ внизъ, почти не дотрогиваясь до утеса горы и разбиваясь, такъ сказать, въ воздушномъ пространствѣ, падаетъ на землю, въ видѣ пыли, или тончайшаго серебрянаго дождя. Шаговъ на сто вокругъ разносятся влажные брызги, которые въ нѣсколько минутъ промочили насквозь мое платье.

Потомъ я ходилъ къ другому водопаду, до котораго будетъ отсюда около двухъ верстъ. Вода, прокопавъ огромную скалу, изъ внутренности ея съ шумомъ падаетъ и стремится въ долину, гдѣ, мало-по-малу утишая свою ярость, образуетъ чистую рѣчку. Видъ разсѣвшейся горы и шумное паденіе Триммербаха составляютъ дикую красоту, плѣняющую любителей природы. Около часа пробылъ я на семъ мѣстѣ, сидя на возвышенномъ камнѣ и наконецъ, въ великой усталости, возвратился въ Лаутербрунненъ.

Карамзинъ.

Днѣпровскіе пороги.

Видъ пороговъ.—Представьте себѣ гряды камней, брошенныхъ черезъ рѣку отъ берега до берега въ нѣсколько рядовъ, одинъ ниже другаго, и вы будете имѣть понятіе о порогѣ. Стремясь внизъ, вода съ большою быстротою бросается сквозь промежутки этихъ каменьевъ и пѣнится съ оглушающимъ шумомъ. Въ иномъ порогѣ ряды каменныхъ грядъ доходятъ до двѣнадцати. Между этими грядами есть однакоже мѣста, гдѣ судно можетъ пройти свободно и эти-то мѣста называются старымъ или казачьимъ ходомъ.

Приготовленіе судна. — Суда, намѣревающіяся спуститься за пороги, обыкновенно приходятъ въ лоцманскую Каменку (селеніе) и предъявляютъ свои бумаги въ контору, съ требованіемъ лоцмана. Атаманъ (старшина) тотчасъ ѣдетъ обмѣрять грузъ, и смотря по горизонту воды, иногда велитъ отгружать судно до извѣстной степени, ибо по водомѣру видно, въ какомъ грузу можно безпрепятственно пройти въ порогахъ. Послѣ этого онъ тщательно осматриваетъ якоря, канаты, весла, а главное стерень или стерно (руль), которое по большей части тутъ же и придѣлывается на мѣсто прежняго. Неуклюжее это орудіе—единственное средство провести черезъ пороги барку, въ свою очередь нелѣпую и неуклюжую, да наконецъ самое граціозное судно не можетъ здѣсь пройти иначе, какъ съ подобнымъ стерномъ, состоящимъ изъ мачтоваго дерева, саженъ въ десять длины, къ которому еще придѣлывается лопасть или перо сажени въ четыре. Въ порогахъ безполезенъ обыкновенный руль, который, ворочаясь у самой кормы, можетъ дать только извѣстное направленіе, но не можетъ удержать его при быстротѣ пороговаго теченія; кромѣ того, стернъ и поворачиваетъ сильнѣе, имѣя упоръ въ нѣсколькихъ саженяхъ.

Лоцманы.—На судно назначается первостатейный лоцманъ и его помощникъ, и если рабочихъ мало, то хозяинъ обязанъ нанять нѣсколько прибавочныхъ. Иногда, если лоцманъ еще молодой, ему придается дядя изъ опытныхъ старыхъ лоцмановъ, который, слѣдя за

дѣйствіями молодаго товарища, помогаетъ ему совѣтами и учитъ нѣкоторымъ уловкамъ, пріобрѣтеннымъ во время многолѣтняго плаванія. Самъ лихой кормчій, молодой лоцманъ всегда съ уваженіемъ обращается къ дядѣ и называетъ его по старому казацкому обычаю—батько.... Впрочемъ каменскимъ лоцманамъ нечего учиться ловкости и смѣтливости: они изучили ходъ по каналамъ, и ловко, съ знаніемъ дѣла лавируя между камнями, проходятъ благополучно. Имъ опасенъ только вѣтеръ, и потому они отваливаютъ только въ самую тихую погоду, когда, что называется, не шелохнетъ. Но и въ самый благопріятный день схватываются полосы (вѣтеръ), и если такая полоса застигнетъ барку при входѣ въ порогъ, гдѣ уже нельзя ни поворотить, ни бросить якорь, тогда съ крѣпкой надеждой на Бога, лоцманъ пускается въ опасный путь....

Отправленіе.—Обыкневенно передъ отплытіемъ, принявъ барку на свою отвѣтственность, лоцманъ возвышаетъ голосъ, переходящій въ тонъ командирскій, и приказываетъ всѣмъ, по малорусскому обычаю, присѣсть на секунду и потомъ начинаетъ молиться Богу съ колѣнопреклоненіемъ. Суровое, умное лицо лоцмана въ это время выражаетъ такую набожность, такую искреннюю молитву, что всякій прочтетъ въ этихъ чертахъ пламенную преданность Провидѣнію. Всѣ присутствующіе молятся нѣсколько минутъ. При этомъ на нѣкоторыхъ лицахъ видна тревога, по которой можно узнать новичковъ или перваковъ, какъ называютъ ихъ лоцманы. Поднявъ якорь, барка тихо оборачивается; человѣкъ шесть управляютъ стерномъ по указаніямъ лоцмана и смотря потому, идти-ли старымъ путемъ или въ каналъ, судно принимаетъ направленіе. Поплыли внизъ по теченію; раздается мѣрный ударъ веселъ; берега начинаютъ уходить назадъ. Раздается команда лоцмана: шабашъ! Весла приподнимаются къ верху, и судно несется плавно стремленіемъ Днѣпра. Здѣсь начинаются разговоры, распросы, но лоцманъ не словоохотенъ; онъ умными своими глазами смотритъ впередъ и заложивъ руку за спину, дѣлаетъ своему помощнику замѣчанія. (См. также статьи, отд. II).

Левъ и Волкъ.

Левъ убиралъ за завтракомъ ягненка; а собаченка, вертясь вкругъ царскаго стола, у льва изъ подъ когтей кусочекъ урвала, и царь звѣрей то снесъ, не огорчась ни мало: она глупа еще и молода была. Увидя то, на мысли волку вспало, что левъ, конечно, не силенъ, коль такъ смиренъ: и лапу протянулъ къ ягненку также онъ. Анъ вышло съ волкомъ худо: левъ растерзалъ его, примолвя такъ: „Дружокъ, напрасно, глядя на собачку, ты вздумалъ, что тебѣ я также дамъ потачку: она еще глупа, а ты ужъ не щенокъ!“

Волкъ и Пастухи.

Волкъ, близко обойдя пастушій дворъ и видя сквозь заборъ, что выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ, спокойно пастухи барашка потрошатъ, а псы смирнехонько лежатъ, самъ молвилъ про себя, прочь уходя въ досадѣ: „какой-бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли, друзья, когда бы это сдѣлалъ я“.

Мальчикъ и Змѣя.

Мальчишка, думая поймать угря, схватилъ змѣю, и, воззрившись, отъ страха сталъ блѣденъ какъ его рубаха. Змѣя, на мальчика спокойно посмотря, „послушай“, говоритъ: „какъ ты умнѣй не будешь, то дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ. На сей разъ Богъ проститъ; но берегись впередъ, и знай съ кѣмъ шутишь!“

Пловецъ и Море.

На берегъ выброшенъ кипящею волной, пловецъ съ усталости въ сонъ крѣпкій погрузился; потомъ, проснувшися, онъ море клясть пустился. „Ты“, говоритъ: „всему виной! своей лукавой тишиной маня къ себѣ, ты насъ прельщаешь, и, заманя, насъ въ безднахъ поглощаешь“. Тутъ море на себя взявъ Афротиды видъ, пловцу, явяся говоритъ: „на что винишь меня напрасно!

Плыть по водамъ моимъ ни страшно, ни опасно; когда жъ свирѣпствуютъ морскія глубины, виной тому— одни Эоловы сыны: Они мнѣ не даютъ покою. Когда не вѣришь мнѣ, то испытай собою: какъ вѣтры будутъ спать, отправь ты корабли, я неподвижнѣе тотда земли".

Конь и Всадникъ.

Какой-то всадникъ такъ коня себѣ нашколилъ, что дѣлалъ изъ него все, что изволилъ, не шевеля почти и поводовъ.... конь слушался его лишь словъ. „Такихъ коней и взнуздывать напрасно", хозяинъ нѣкогда сказалъ: „ну, право, вздумалъ я прекрасно!" и, въ поле выѣхавъ, узду съ коня онъ снялъ. Почувствуя свободу, сначала конь слегка прибавилъ только ходу, и вскинувъ голову, потряхивая гривой, онъ выступкой пошелъ игривой, какъ будто тѣша сѣдока. Но, смѣтя, какъ надъ нимъ управа не крѣпка, взялъ скоро волю конь ретивой: вскипѣла кровь его и разгорѣлся взоръ; не слушая словъ всадниковыхъ болѣ, онъ мчитъ его во весь опоръ чрезъ все широко поле. Напрасно на него несчастный всадникъ мой дрожащею рукой узду накинуть покушался: конь болѣ лишь серчалъ и рвался, и сбросилъ наконецъ съ себя его долой; а самъ какъ бурный вихрь, пустился, не взвидя свѣта, ни дорогъ, поколь, въ оврагъ со всѣхъ махнувши ногъ, до смерти не убился. Тутъ въ горести сѣдокъ, „мой бѣдный конь!" сказалъ: „я сталъ виной твоей бѣды! Когда-бы я не снялъ съ тебя узды,—управилъ-бы навѣрно я тобою: и ты-бы ни меня не сшибъ, ни смертью-бъ самъ столь жалкой не погибъ!"

Лань и дервишъ.

Младая Лань, своихъ лишилась любезныхъ чадъ, еще сосцы млекомъ имѣя отягченны, нашла въ лѣсу двухъ малыхъ волченятъ, и стала выполнять долгъ матери священный, своимъ питая ихъ млекомъ. Въ лѣсу живущій съ ней одномъ, Дервишъ, ея поступкомъ изумленный, „о безразсудная!" сказалъ: „къ кому любовь, кому свое млеко ты расточаешь? Иль благодарности отъ ихъ ты роду

чаешь? Быть-можетъ, нѣкогда (иль злости ихъ не знаешь?) они прольютъ твою-же кровь".—"Быть можетъ", лань на это отвѣчала: „Но я о томъ не помышляла, и не желаю помышлять: мнѣ чувство матери одно теперь лишь мило, и молоко мое меня бы тяготило, когда-бъ не стала я питать."

Такъ истинная благость безъ всякой мзды добро творитъ. Кто добръ, тому избытки въ тягость, коль онъ ихъ съ ближнимъ не дѣлитъ.

О согласованіи причастій.

(Для справокъ.)

Съ именами существительными причастія согласуются, какъ имена прилагательныя. (Примѣры см. въ статьяхъ выше).

Съ глаголами причастія согласуются во времени, а) если означаемое имъ дѣйствіе одновременно дѣйствію, выраженному глаголомъ, то причастіе полагается въ настоящемъ времени, независимо отъ времени глагола, (прим. см. тамъ же); б) если причастіе означаетъ дѣйствіе, предшествующее дѣйствію, означенному глаголомъ, то полагается въ прошедшемъ времени совершеннаго вида (прим. см. въ статьяхъ выше).

Относясь къ дѣепричастіямъ, причастія слѣдуютъ тѣмъ же правиламъ.

О согласованіи дѣепричастій.

Дѣепричастіе придаточнаго предложенія согласуется съ глаголомъ главнаго предложенія во времени, по слѣдующимъ правиламъ:

а) Когда дѣйствія выраженныя дѣепричастіемъ и глаголомъ, совершаются одновременно, то дѣепричастіе полагается въ настоящемъ времени, а глаголъ можетъ быть и во всѣхъ трехъ (прим. см. выше въ ст.). Когда-же дѣйствіе, выраженное дѣепричастіемъ, предшествуетъ дѣйствію, выраженному глаголомъ, то дѣепричастіе полагается въ прошедшемъ времени, а глаголъ можетъ быть во всѣхъ трехъ. (Примѣры тамъ же).

Правила эти соблюдаются, когда къ глаголу относятся два или нѣсколько дѣепричастій. (Примѣры въ статьяхъ).

Дѣепричастія совершеннаго и однократнаго вида съ окончаніемъ настоящаго времени употребляются, какъ дѣепричастія прошедшаго времени. (Примѣры тамъ же).

Формы сказуемаго въ безличныхъ предложеніяхъ.

Условія: Сказуемое—глаголъ безличный.

Сказуемое—личный глаголъ во 2 л. ед. ч. Подлежащее всегда родовое понятіе: *всѣ* (люди), *всякій* (человѣкъ).

Сказуемое—личный глаголъ въ 3 л. множ. ч. Подлежащее всегда видовое понятіе: *нѣкоторые* или *многіе* (люди).

Неопредѣленное наклоненіе вмѣсто сослагательнаго и будущаго времени (часто съ отрицаніемъ) и вм. повелительнаго наклоненія.

Имя прилагательное въ спрягаемомъ окончаніи, средняго рода, единств. числа; лица, наклоненія и времена выражаются вспомогательнымъ глаголомъ.

Нарѣчія и имена существительныя съ вспомогательнымъ глаголомъ и безъ него (см. статьи выше).

Страдат. причастія въ сред. родѣ (примѣры см. выше).

При переходѣ личнаго предложенія въ безличное, подлежащее становится дополненіемъ къ сказуемому (см. прим. дательнаго падежа). Но какъ въ народной, такъ и въ литературной рѣчи, предложеніе личное отрицательное замѣняется безличнымъ. (См. отрицательныя предложенія).

Брито, или стрижено, а все голо.—Будто тяпъ, ляпъ, анъ изба.—Было, да быльемъ поросло.—Было, да на низъ сплыло.—Вдругъ густо, вдругъ и пусто.—Видно, кому обидно.—Въ комъ добра нѣтъ, въ томъ и правды мало.

Жаль друга, да не какъ себя.—Жаль писцу бумажки, не нажить ему рубашки.—Богатому жаль корабля, а убогому жаль кошеля.—Къ пиву ѣдется, къ слову молвится.—Взято не въ кражу, а вмѣнили въ пропажу.—Много слышится, да мало вѣрится.—Жжется какъ крапива, а колется, какъ ежъ.

По землѣ широко, а до неба высоко.—Хотѣлось, да хотѣнье не велѣло. Посно, да кормлено, а дома не

помолено.—Въ дѣвкахъ сижено, горе мыкано, за мужъ выдано, вдвое прибыло.—И хожено и вожено, да легче нѣтъ.—Къ нашему господину всѣмъ входимо.

По усамъ текло, а въ ротъ не попало.—При соли хлебнется, а къ слову молвится.—При солнцѣ тепло, а при государѣ свѣтло.

Прямо, да упрямо, криво, да игриво.—Розно тошно, а вмѣстѣ—тѣсно.—Рѣдко, да мѣтко.—Такъ противно, какъ нищему гривна.—Сѣро, да сбойливо (отъ старин. *збой—буянъ, удалецъ*).—Дворно, да не проторно.—Тамъ хлѣба не родится, гдѣ кто въ полѣ не трудится.—Сѣй въ рѣшето, когда въ сито не пошло.—Хоть холодно, да не голодно.—Холодно, на комъ одно, а и вдвое, да худое, такъ все равно.—Я креститься, что не спится, анъ не ужиналъ.—Хоть съ трудомъ, да шло бы въ домъ, а нѣтъ труда, нѣтъ плода.—Тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.

Ни грѣло, ни горѣло, да вдругъ и освѣтило.—Не чаяно, не вѣдано, а бѣда на дворѣ.—При насъ читано, да не при насъ писано.—Прибыло мало, какъ изъ мошны пропало.—Къ пиру пошлось, къ слову молвилось.

(См. родит. над. съ отрицаніемъ *нѣтъ*.)

Предложенія въ формѣ обращенія ко 2-му лицу безъ явнаго подлежащаго.

Когда нужно представить общія взгляды и правила для жизни въ видѣ совѣта, приказанія или предостереженія, которое можетъ быть полезно каждому въ извѣстномъ положеніи, тогда 2-е лицо только воображается.

Добра ищи, а худо само прійдетъ.—Ищи въ шерсти, пиши пропало.—Копни поглубже, найдешь погуще.—Чего не поищешь, того не сыщешь.—Цѣну вещи узнаешь, какъ потеряешь.

Соръ мети, да въ уголъ хорони.—Чужой тайны не продавай.

На чужую кучу глаза не пучи.—На чужое богатство не надѣйся, свое береги.—На чужой лошадкѣ не наѣздишься.

Кого любишь, того самъ даришь, а не любишь, и отъ него не примешь.

Наѣздомъ хлѣба не напашешь.—Медомъ больше мухъ наловишь, чѣмъ уксусомъ.—Рѣжь, да ѣшь, когда подкладываютъ, ломай, да и намъ давай.—Приказывай слугѣ, да дѣлай самъ, такъ и дѣлу ладъ.—Чужую курочку щипли, а свою за крылышко держи.—Алчешь чужаго, потеряешь свое.

Слово выпустишь, такъ и виломъ не втащишь.—Тайное слово въ своихъ устахъ держи.—Больше слушай, а меньше говори.—Больше вѣрь своимъ очамъ, нежели чужимъ рѣчамъ.—Всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь, всѣхъ рѣчей не переслушаешь.—Безъ уговора не садись, а на слово не вяжись.—Во всякой вещи время ожидай, а словомъ не ускоряй.—Воздухъ словами не наполнишь.

Дороженьки не тори *), худой славы не клади.—Угля сажей не замараешь.—Не слыша слышишь, не видя видишь (*пересуды*).—Не заслонишь солнце рукавицей, не убьешь молодца небылицей.—Не бери дальнюю хваленку, а бери ближнюю хаянку.—Чужой ротъ не хлѣвъ, не затворишь.—Выпустишь съ воробушка, а выростетъ съ коровушку.

На Ванькѣ далеко не уѣдешь.—Умирай въ полѣ, да не въ ямѣ.—Не подымай меня высоко, да и не опускай низко.—Не поклонясь до земли, и грибка не подымешь.—Выше носа плюнешь, себя заплюнешь.—Почеши теленка, онъ и шею протянетъ.—Сдѣлайся овцой, а волки готовы.—Не хвали вѣтра, не извѣявъ жита.—Не хвастай, коноплястый: будешь рябенькій.—Побѣги, да ноги

*) Торить, т. е. прокладывать, углаживать посредствомъ хотьбы или ѣзды.—Торить на письмѣ, значитъ упражнять для навыка, пріучать.

не зашиби.—По одежки протягивай ножки.—На смерть, что на солнце, во всѣ глаза не взглянешь.—На дурака чести не напасешься.—На друга купи только калачъ,—не поглянется, такъ самъ съѣшь.

Слезами моря не наполнишь, кручиною поля не изъѣздишь.—Безъ матери младенца не утѣшишь.—Безъ мастера парчи не уложишь.—Безъ правды вѣку не изживешь.—Впередъ людей не забѣгай, а отъ людей не отставай.—Въ полую воду за рѣкой не ночуй.—Впередъ смерти не наживайся.—Воевода хоть не стоитъ лыка, да ставь за велико.—Будь голъ, да не воръ, а бѣденъ, да честенъ.—Будь лишь медъ, мухъ много нальнетъ.—Берегись отъ бѣдъ, пока ихъ нѣтъ.—Прозѣваешь бражку, такъ и водицу хлебай.—Богу молись, а самъ не плошай.

Береги здоровье съ молоду, а честь подъ старость.—Въ бѣдѣ не унывай, а на Бога уповай.—Не говори правды въ глаза, постылъ не будешь.—Мѣшкомъ солнышка не поймаешь.

Жди горя съ моря, а бѣды отъ воды.—Хлѣбы катай, да рукъ не марай.—Не дотянешь—бьютъ, перетянешь—бьютъ (*у матросовъ*).

Сказуемое въ формѣ 3-го лица единственнаго числа, безъ явнаго подлежащаго.

Испостился, измолился въ нитку.—Не сквернитъ въ уста, а сквернитъ изъ устъ.

Наряжался служить, было бы кому хвалить.—Не поймалъ карася, поймаешь щуку.

Взялъ лычко, отдай ремешкомъ.—Цѣну забылъ, да дорого купилъ.—Стрѣлялъ въ сыча, а попалъ въ грача.—Взялъ не для кражи, для тайной продажи.—Былъ не былъ, жилъ, не жилъ, знать, что пропалъ.—Вралъ

много, а переврать не умѣешь.—Голову любитъ, а волосы деретъ.—Въ грязи лежитъ, а кричитъ—не замарай.—Была въ Москвѣ, видѣла золотыя мановки.—Не течетъ, инъ капитъ.—Идетъ воевать, да не хочетъ сабли вынимать.—Летаетъ хорошо, а садиться не умѣетъ.—Запрягъ прямо, а поѣхалъ криво.

Убилъ бобра, а не нашелъ добра.—Ходилъ три дня, принесъ злыдни.—Приговорилъ къ себѣ во дворъ, анъ вышелъ воръ.—Ѣхалъ наживать, а пришлось проживать.—Наступилъ на землю русскую, да оступился (*о 12 годѣ*).—Хотѣлъ съ Москвы сапоги снести, а радъ съ Москвы голову унести (*тоже*).—Бойко наскочилъ, да напоролся на копылъ.—Счастливъ бывалъ, да безсчастье въ руки поймалъ.—И долго-бъ жилъ, да жилы—порвалъ.

Заживно живетъ, и голодной собаки выманитъ нечѣмъ.—Живетъ на погостѣ, а хлѣба ни горсти.—Ерзнулъ бы по лавкѣ хоть въ старой однорядкѣ, да и той нѣтъ.—Купила-бъ я накупила, да купило притупило.—И холодовалъ, и голодовалъ, и нужду знавалъ.—Подъ однимъ окномъ выпроситъ, подъ другимъ съѣстъ.

Наѣлся, какъ быкъ, и незнаетъ какъ быть.—Не съ работы тощаетъ, а отъ жиру бѣсится (*о собакѣ*).—Ввалился, какъ мышь въ закромъ.—Уѣхалъ верхомъ на палочкѣ.—Въ могилу глядитъ, а надъ копѣйкой дрожитъ.—За чужими канунами своихъ покойниковъ поминаетъ.—Дошелъ до грязи, дожилъ до лыка.—Было сельцо, да смѣнялъ на кольцо.—Ушился бѣдами, опохмѣлился слезами.—Съ алтыномъ подъѣзжаетъ подъ полтину.—Въ одно ухо влѣзетъ, а въ другое вылѣзетъ.

Сказуемое въ формѣ 3-го лица множественнаго числа.

Скоро бѣгутъ, такъ заднихъ не ждутъ.
Свекоръ говоритъ: намъ медвѣдицу ведутъ, свекровь го-

воритъ: намъ недѣлицу ведутъ; золовки говорятъ: намъ непряху ведутъ.

Знаютъ и въ Казани, что люди сказали.
Заюшку бьютъ, по головкѣ гладятъ, а какъ побьютъ и по головушкѣ прибавятъ.
Прежде ѣли просто, да жили лѣтъ со сто.
Въ ведро спанчу возятъ, а въ дождь и сама ѣдетъ.
Дадутъ хлѣбца, дадутъ и дѣльца.
Грызутъ орѣшки, не для посмѣшки.
Дурака бьютъ, а умный не суйся.
Въ людяхъ не дадутъ, коли дома не спекутъ.
Въ дождь избу не кроютъ, въ ведро сама не каплетъ.
Бурова коня за рѣкой примѣчаютъ.
За спросъ денегъ не берутъ.
Въ радости съищутъ, а въ горести забудутъ.
Даромъ дадутъ ломоть, да заставятъ недѣлю молоть.
Знаютъ и Ѳому въ рогозиномъ ряду.
Лося бьютъ въ осень, а дурака всегда.
Отъ добраго житья толстѣютъ, отъ дурнаго худѣютъ.
Плакать не смѣю, тужить не велятъ.
Не надъ горстью плачутъ, а надъ пригоршней.
Гдѣ покосъ отведутъ, тамъ и коси.
Воюютъ многихъ руками, а не многихъ умами.

Существительная форма глагола въ видѣ сказуемаго, съ частицею *бы*.

(Въ такой формѣ сказуемое употребляется въ значеніи условія и желанія. Подлежащее скрывается въ дательномъ падежѣ и часто опускается).

Конямъ-бы не изъѣзживаться, цвѣтну платью не изнашиваться.—Быть-бы богату, да подъ носомъ яма глубока.—Быть-бы ненастью, да дождь помѣшалъ.—Жить-бы въ чести, да помѣшали непріятельскія лести.—Жить-бы съ другомъ, да помѣшалъ недругъ.—Итти-бы на Вятку, да въ карманѣ гладко.—Итти-бы въ гости, да никто не зоветъ.—Купить-бы сала, да денегъ не стало.—Ку-

пить-бы село, да денегъ голо.—Мочилъ-бы солодъ, да изнялъ голодъ.—Прыгнуть-бы на коня, да нога коротка.—Сдѣлать-бы не устать, да не разорваться стать.—Хорошо-бы орать, да и рукъ не марать, а на ёлку лазить, да платья не драть.—Ѣхать-бы ѣхалъ, да конь не везетъ.—Хлѣбать-бы молоко, да рыло коротко.—Убить-бы день, а ночи не увидимъ.—Далъ-бы Богъ здоровье, а дней много впереди.—Много-бы взялъ, да ненадобно.—И радъ-бы смерти, да гдѣ ее взять?—Знать-бы—знать, не ходить-бы въ рать.—Знать-бы—гдѣ упасть, такъ-бы соломки подослать.—Было-бы кому врать, а слушать станутъ.—Были-бы игрушки, будутъ прислужки.—Была-бы голова, дощемся и хвоста.—Были-бы хоромцы, будутъ и знакомцы.—Былъ-бы лѣсъ, а топоръ сыщемъ.—Далъ-бы Богъ помолодѣть, зналъ бы какъ состариться.—Далъ-бы Богъ дородство, а красоту самъ добуду.

Форма безличныхъ предложеній съ опущеніемъ сказуемаго, когда въ предложеніи личномъ необходимо возстановить будущее время. Подлежащее принимаетъ форму дательнаго падежа, или совершенно опущено.

На что мнѣ прикащикъ?—я самъ староста и укащикъ.—На что кривому дитяти, да прямое имя?—На что намъ богатство?—была бы спѣсь.—На что намъ четыре: живемъ и о пяти.—На что и кладъ, коли въ семьѣ ладъ.—На что воронѣ большіе разговоры: знай ворона свое кра.—На что того болѣ, коли дураку дана воля.

Употребленіе неопредѣленнаго наклоненія, какъ сказуемаго.

(Такое сказуемое ставится въ предложеніи безличномъ только для выраженія роковой необходимости, и при томъ, при условіи, если подлежащее выражаетъ не общее понятіе, а частное.)

Чему быть, тому не миновать.—Чему быть, тому и статься.—Кому сгорѣть, тотъ не утонетъ.—Воронѣ соко-

ломъ не бывать.—Глуби моря не высушить, горю сердца не вымучить.—Насидѣться Володѣ въ колодѣ.—Сколько не искать, а милостей у людей не сыскать.—На словахъ кажется человѣкъ, а на дѣлѣ покинуть.

На чужое горе не наплакаться.—Не бывать калинѣ малиною.—Не бывать бычкомъ лягушкѣ, въ деньгѣ больше есть цѣны, нежели въ полушкѣ.—Не бывать плѣшивому кудрявымъ.—Не бывать холопу въ попахъ, а попу въ холопахъ.

Не взять малаго, не видать большаго.—Не вкусивъ горькаго не видать сладкаго.—Не все ворчать, надо и помолчать.—Не все намъ приплакать, притужить, надобно печаль на радость переложить.—Не все то ѣсть, что видишь.—Не все то перенять, что люди говорятъ.—Бояться пульки, нейти въ солдаты.—Безъ друга жить, самому себѣ постылымъ быть.—Сидѣть одному, когда нѣтъ никого въ дому.—Сколько веревку не вить а концу быть.—Безъ копѣйки не бывать рублю.—Не всѣмъ большимъ подъ святыми сидѣть.—Быть бычку на веревочкѣ.

Бояться воровъ не держать коровъ.—Бояться волка—въ лѣсъ не ходить.—Безъ толку молиться—безъ числа согрѣшишь.—Безъ хлопотъ—лучше зажать ротъ.—Бѣды терпѣть, каменное сердце имѣть.—Воеводой быть—не безъ меду жить.—Волкомъ родясь, лисицей не бывать.—Въ добрый часъ молвить, а въ худой помолчать.—Измазану бѣдами не измыться водами.—Временемъ гнать, а другимъ бѣжать.—Ходить по льду—поскользнуться.—Хотя рыбы не ѣсть, а въ воду лѣзть.—Въ мірѣ жить, мірское и творить.—Въ Москву итти—только деньгу добыть.—Въ горѣ жить, не кручинну быть.—Вора помиловать, добраго погубить.—Въ долгъ не продать, такъ и хлѣба не видать.

Попоститься, да въ воду спуститься.—Бѣднаго обижать—себѣ добра не желать.—По чьей водѣ плыть, того и волю творить.—Нашего горя не утопить, не закопать.—Карать да миловать Богу и царю.—Правдой жить отъ людей отбыть, неправдой жить—Бога прогнѣ-

вить.—И съ умомъ воровать, бѣды не миновать.—Дарить было не мало, да денегъ не стало.

Что съ нимъ дѣлать?—Дадутъ дураку честь, такъ не знаетъ гдѣ сѣсть.—Люди пировать, а мы горевать.—Свиньѣ семь огородовъ изрыть, тогда и чурку носить.—Некуда изъ тучи каплѣ дождя кануть.—Солдату умереть въ полѣ, а матросу въ морѣ.

Соединеніе личной формы глагола существительнаго, какъ сказуемаго, съ неопредѣленной формой другаго глагола.

(Въ такой формѣ сказуемое ставится, когда выражаетъ нѣчто неизбѣжное или предполагаемое, или когда признакъ предпочитается подлежащему).

За милую куму лѣзть будетъ въ тюрьму.—Сколько не таимничать, а будетъ сказаться.—Итти было на Вятку, да лаптей нѣтъ.—Терпѣть не бѣда, было бы чего ждать.—Было бы чѣмъ честить, а честь добудемъ.—На что было лаять, коли нечего дать.—На что было родиться, коли никуда не годится.—Вольно было Ѳомушкѣ жениться на вдовушкѣ.—Гдѣ тому бывать—свиньѣ небо видать.—Жить было въ родѣ—въ своей породѣ.—Жить было съ другомъ, да помѣшалъ недругъ.—По твоему уму носить будешь суму.—Сколько цвѣту не цвѣсть, а быть опадать.—Сколько не плакать, а быть перестать.—Чѣмъ (*вм. зачѣмъ*) было волу ревѣть, анъ телѣга скрыпитъ.—Итти было въ торгъ, да денегъ нѣтъ, купить было кое-что, да не на что.—Послать было еще Максима, да не справиться и има (*двойств. число*).—Не пѣть было рано пташечкѣ, не съѣла бы кошечка.—Жить было въ совѣтѣ, да разныя дѣти.

Примѣчаніе.—Итакъ, разсматривая составъ безличныхъ предложеній, необходимо прійти къ выводу, что безличныя предложенія бываютъ *двухъ* родовъ:

1) Безличныя по формѣ и по содержанію;

2) Безличныя только по формѣ (подлежащее стоитъ въ косвенномъ падежѣ).

Такъ какъ большинство безличныхъ предложеній образовались въ то время, когда многія явленія природы не были объяснены и причина нхъ была приписана неизвѣстной силѣ: *оно, нѣчто, что-то*, то поэтому глаголы собственно безличные въ прошедшемъ времени принимаютъ форму *сред. рода*.

Кромѣ этихъ старинныхъ безличныхъ оборотовъ, въ настоящее время мы часто *личный оборотъ предложенія замѣняемъ безличнымъ*

1) Когда *хотимъ обратить вниманіе* только *на дѣйствіе* подлежащаго (см. выше прим.), или

2) *когда нужно выразить роковую необходимость*.

Для такихъ предложеній начаще употребляютъ *существ.* форму глагола, которая замѣняетъ собою будущее время. (См. прим. выше). Дополненіе при такомъ сказуемомъ всегда ставится въ дательномъ падежѣ.

3) *Когда нужно выразить условіе* (неопред. наклоненіе съ частицею *бы*.) См. выше.

4) Когда *подлежащее* представляется *понятіемъ общимъ*, а не частнымъ, и легко можетъ быть названо. *(Говорятъ* (кто?)—*люди)*.

5) Когда *надо представить общіе выводы* и *правила* для жизни *въ видѣ совѣта или приказанія*. Сказуемое выражается въ формѣ обращенія ко 2-му лицу, но подъ этимъ лицомъ нужно подразумѣвать всѣхъ. (См. пословицы).

Согласованіе опредѣлительныхъ словъ съ опредѣляемыми.

Обратите вниманіе на флексіи опредѣляемыхъ и опредѣлительныхъ словъ.

Весна.

Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній въ полѣ таетъ,
Теплый паръ восходитъ отъ земли,
И кувшинчикъ синій разцвѣтаетъ,
И зовутъ другъ друга журавли;

Юный лѣсъ въ зеленый дымъ одѣтый,
Первыхъ грозъ нетерпѣливо ждетъ;

Все весны дыханіемъ согрѣто,
Все кругомъ и любитъ и поетъ.

А. Толстой.

Пословицы: Воля и добра мужа портитъ.—Подъ лежачъ камень и вода нейдетъ.—Въ чемъ молодъ похвалится, въ томъ старъ покается.

Жуковскій: Призвалъ варяга славянинъ; пошли гулять ихъ буйны рати. (См. отд. I, стр. 4—8).

Картина вечера.

Уже вечерѣло; солнце скрылось за небольшую осиновую рощу, лежавшую въ полуверстѣ отъ сада; тѣнь отъ нея безъ конца тянулась чрезъ неподвижныя поля. Мужичокъ ѣхалъ рысцой на бѣлой лошадкѣ по темной, узкой дорожкѣ вдоль самой рощи; онъ весь былъ ясно виденъ,—весь, до заплаты на плечѣ, даромъ что ѣхалъ въ тѣни; пріятно, отчетливо мелькали ноги лошадки.—Солнечные лучи съ своей стороны забирались въ рощу и, пробиваясь сквозь чащу, обливали стволы осинъ такимъ теплымъ свѣтомъ, что они становились похожи на стволы сосенъ, а листва ихъ почти синѣла, и надъ нею подымалось блѣдно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей. Ласточки летали высоко; вѣтеръ совсѣмъ замеръ; запоздалыя пчелы лѣниво и сонливо жужжали въ цвѣтахъ сирени; мошки толпились столбомъ надъ одинокою протянутою вѣткою.

И. Тургеневъ.

Согласованіе именъ существительныхъ.

Объяснить согласованіе опредѣляемыхъ и опредѣлительныхъ словъ въ слѣдующихъ примѣрахъ. Вывести правила.

1. Аѳины, главный городъ древней Аттики, были средоточіемъ изящныхъ искусствъ.

2. Императрица Марія Ѳедоровна, призванная Богомъ быть величайшею благотворительницею своего вѣка, одарена была отъ природы всѣми качествами, которыя

должны сопровождать благотворительность, это божественное свойство человѣка.

3. Сыновнія отношенія ученика (Рафаэля) къ учителю (Петро Перуджино) остались на всю жизнь Рафаэля прекрасною чертою прекрасной души его.

4. Тамъ кролика постигъ ударъ ружья громовый.— Трепещетъ витязь поневолѣ: онъ видитъ старой битвы поле.

5. Надежда на Бога есть утѣшеніе несчастныхъ.

Согласованіе опредѣленій въ предложеніяхъ слитныхъ.

Изъ Пушкина: Въ простомъ углу моемъ, средь
медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно
зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ
съ облаковъ,
Пречистая и нашъ Божественный
Спаситель—
Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ
въ очахъ—
Взирали кроткіе въ славѣ и въ лучахъ,
Одни безъ ангеловъ, подъ пальмою
Сіона.

Мѣстоименіе *свой*, *его*, *ея*.

Счастливые ораторы, могущіе украсить и возвеличить дѣла своихъ героевъ! Не скажутъ, что вы унизили предметъ свой. Но мнѣ должно изобразить монархиню, которая своимъ величіемъ удивила вселенную. И я жилъ подъ ея скипетромъ! И я былъ счастливъ ея правленіемъ! (Карамз.)

Согласованіе логическое.—Дитя, взлелѣянный природою пустынной, ее одну лишь зрѣлъ, внималъ одной лишь ей.—Чудесное видѣніе кончилось; остался

одинъ Бородинскій памятникъ съ Багратіоновымъ гробомъ, озаряемые яснымъ небомъ...—А значительное лицо, довольный тѣмъ, что эффектъ превзошелъ даже ожиданіе.... йскоса взглянулъ на непріятеля.

Согласованіе числительныхъ.

Одинъ рабъ двумъ господамъ не служитъ.—Одна сорока съ плоту, а десять на плотъ.—Одна работа не кормилица.—Однимъ камнемъ воды не нагрѣть.—Два раза не умирать.—Два свояка, а межъ ними пестрая собака.—Два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся.—Три дни мололъ, а въ полтора дни съѣлъ.—Счастье и несчастье на одномъ конѣ ѣздятъ.

Въ теченіе трехъ царствованій раздавались пѣсни Державина.

На нижегородской ярмаркѣ пестрѣютъ всѣ племена, раздаются всѣ нарѣчія, и тысячи лавокъ завалены товарами, и сотни тысячъ покупателей тѣсняться въ рядахъ, балаганахъ и временныхъ гостинницахъ.

Слова Петра В.—„Здравствуйте, православные! благодарите Бога! Онъ окончилъ трудную войну, продолжавшуюся двадцать одинъ годъ, и даровалъ намъ со Швеціею вѣчный міръ.“

Звуки трубъ и литавръ, барабанный бой, пальба съ адмиралтейства, крѣпости и ста двадцати пяти галеръ, стоявшихъ на Невѣ, и выстрѣлы двадцати трехъ полковъ, расположенныхъ на Троицкой площади, какъ будто освятили желаніе народа (*Корнил.*).

Много словъ, а мало дѣла.—Много есть ума, да разума недостаетъ.—Сколько нива, столько и пѣсень.—Сколько милости, а вдвое болѣе лихости.

Прилагательное имя при имени числительномъ.

Объяснить согласованіе въ слѣдующихъ примѣрахъ.

1. Двѣ бараньи головы въ одинъ котелъ не лѣзутъ.—Двѣ маленькія собаки большую ѣдятъ.

2. Изъ Пушкина.—У тебя-ли, у малой птицы,
Незамѣнныя три пѣсни;
У меня, у молодца,
Три великія заботы.

3. Изъ древ. стих.—Какъ у славнаго города Кіева
Проѣзжали два могучіе богатыря.

4. Изъ Карамзина.—Межъ тѣмъ два рода знаменитѣйшіе имѣли право вездѣ косить хлѣбъ и жечь селенія.

5. Изъ Крылова.—На страшныхъ двухъ цѣпяхъ желѣзныхъ
Повѣшены большихъ чугунныхъ два котла.

6. Изъ Лермонтова.—Три нѣжныхъ дочери, три сына
Мнѣ Богъ на старость подарилъ.

7. Изъ Гоголя.—Два дюжихъ козака взяли ее (*мать сыновей Тараса Бульбы*) бережно и унесли въ хату.

8. Изъ Державина.—При сихъ мѣстахъ (*Бородино, Малоярославецъ и Красное*) три славныхъ побѣды рѣшили участь не токмо Россіи и Европы, но, такъ сказать, всей вселенной.

Частицы *то*, *отъ*, *ко*, *ка*, какъ слова опредѣлительныя.

На волка только слава,
А ѣстъ овецъ-то Савва.

Нѣтъ, стыдно-то не мнѣ, а стыдно лишь тому,
Кто не умѣлъ понять, къ чему я годенъ.

Слышь-ко, ребятки, тащи-ка сундокъ-отъ, что съ книгами, правой-отъ. (Максимовъ).

Обратить вниманіе на грамматическія формы приложеній въ слѣдующихъ отрывкахъ и формулировать правила о ихъ согласованіи.

1. Изъ Карамзина. Городъ Тула, названный (*или названная*?) именемъ царицы Тайдулы, жены Чанисбека, и нѣкогда управляемый (*или управляемая*?) ея баскаками, остается собственностью Димитрія.

2. Дунай рѣка весьма широкъ (*или широка*?)

3. Изъ Карамзина. Въ старинныхъ припѣвахъ русскихъ величаются имена боговъ языческихъ и рѣки Дуная, любезнаго (*почему не любезной*?) нашимъ предкамъ.

4. Петербургъ, столица Россіи, (*основанъ* или *основана*) Петромъ Великимъ?

5. Первое великолѣпное зданіе греческаго зодчества, храмъ Десятинный, (*было сокрушено или былъ сокрушенъ*?) до основанія.

Дубъ.

(Для разбора).

Онъ видѣлъ вкругъ себя во всемъ красу природы;
Онъ думалъ, что она ему не измѣнитъ,
И дерзостно мечталъ, что вѣтеръ непогоды
Къ нему не долетитъ.

Но вдругъ небесный сводъ одѣлся черной тучей,
И хлынулъ ливнемъ дождь, и буйный ураганъ,
Клубяся налетѣлъ, взвивая прахъ летучій,
И долъ покрылъ туманъ.

Зеленые кусты съ душистыми цвѣтами
Онъ съ корнемъ вырвалъ; свѣтлый ручеекъ
Закиданъ былъ землей, каменьями и пнями;
Изчезъ отрадный токъ.

Громъ грянулъ; молнія дубъ крѣпкій опалила;
Дубъ треснулъ, но грозой онъ не былъ сокрушенъ:
Еще осталась въ немъ стѣсненной жизни сила,
Хоть вянуть обреченъ.

Отрадной влаги нѣтъ, и нѣтъ земли родимой,
На коей выросъ онъ, красуясь межъ долинъ;
На голой ужъ горѣ теперь, судьбой гонимый,
Остался онъ одинъ.

Увы! надежды нѣтъ, и стрѣлы роковыя
Бѣдой отравлены, все сушатъ и мертвятъ;
Одни лишь небеса, какъ прежде голубыя,
Надъ гибнущимъ блестятъ.

И началъ сохнуть дубъ, но къ долу не склоненный,
Онъ, вѣтви вознося, казалъ ихъ облакамъ,
Какъ будто-бы своей вершиной опаленной
Стремился къ небесамъ.

Козловъ.

Скорость.

Хотя здоровый человѣкъ ходитъ довольно скоро, но легкая, окрыленная птица летитъ въ десять разъ скорѣе; буря же вдвое скорѣе самаго быстраго полета птицы, звукъ въ двадцать разъ быстрѣе бури, движеніе земли во кругъ солнца въ девяносто разъ быстрѣе звука, а движеніе свѣта быстрѣе всѣхъ. Чтобы пройти разстояніе отъ земли къ лунѣ, человѣку нужно бы было покрайней мѣрѣ 29 лѣтъ, а свѣтъ пробѣгаетъ его въ $1^1/_4$ секунды, отъ солнца же къ землѣ свѣтъ исходитъ въ 8 минутъ и 7 секундъ, тогда какъ пушечное ядро,

движеніе котораго только въ половину медленнѣе звука, могло бы совершить этотъ путь только въ 25 лѣтъ. Однако же разстояніе неподвижныхъ звѣздъ отъ земли столь огромно, что быстрому лучу свѣта, переходящему отъ солнца, нужно 7 лѣтъ, чтобы достигнуть до ближайшей изъ этихъ звѣздъ. Сколько же времени пришлось бы путешествовать человѣку, если бы отъ земли къ солнцу и отъ солнца до ближайшей неподвижной звѣзды былъ проложенъ путь? Паровозъ, который можетъ проходить по семи миль въ часъ, дошелъ бы до солнца не раньше какъ по прошествіи 350 лѣтъ.

Осенній вѣтеръ.

Уныло дуетъ вѣтеръ въ дождливую, холодную осень. Прислушайтесь: слышите, съ какимъ суетливымъ безпокойствомъ шаритъ онъ вокругъ каждаго кусточка и стебля, какъ будто отыскивая тамъ что-то забытое или утраченное. Онъ заглядываетъ въ каждое дупло, въ каждую травку, и какъ путникъ, вернувшійся на родину, который вмѣсто уютнаго крова находитъ всюду одну глухую пустыню, мчится далѣе къ темному лѣсу, неся на плечахъ своихъ гряды сизыхъ тучъ—нажитое богатство! Но помертвѣлый лѣсъ, окутанный туманнымъ своимъ савано мъ, не встрѣчаетъ уже его ласковой рѣчью, не киваетъ ему привѣтливо кудрявой головой. Отчаянный ревъ вѣтра смѣняется тогда тоскливымъ плачемъ и ропотомъ. Сѣрыя тучи нависли и нахмурились. Поля, лощины и лѣса окропились прощальною слезою. И вотъ снова, какъ бы негодуя на свою слабость, вѣтеръ однимъ махомъ подобралъ сизыя тучи, бросился къ опушкѣ и, взметнувшись вихремъ, помчался далѣе, увлекая на пути мокрые, желтые листья.

Григоровичъ.

Что стоитъ гнѣздо Воробья.

Многіе изъ моихъ читателей проводятъ лѣто въ деревнѣ, гуляютъ по полямъ, лугамъ и лѣсамъ, гдѣ находятъ гнѣзда различныхъ птицъ, а потому для нихъ не

безъ интереса и не безъ пользы останется свѣдѣніе о воззваніи, сдѣланномъ Тюрингинскимъ Обществомъ покровительства животныхъ:

„Любезный крестьянинъ! твои дѣти разоряютъ отъ скуки гнѣзда малиновокъ, воробьевъ, горихвостокъ или другихъ птицъ; гнѣзда эти разоряются съ яйцами или птенцами. Каждый изъ этихъ птенцовъ съѣдаетъ среднимъ числомъ въ день пятьдесятъ гусеницъ, другихъ гадинъ или мокрицъ, которыхъ приносятъ родители, что составитъ ежедневно для пяти птенцовъ двѣсти пятьдесятъ штукъ. Кормленіе продолжается пять или четыре недѣли, т. е. тридцать дней. Значитъ, для каждаго гнѣзда потребно до семи тысячъ пятисотъ штукъ. Каждая гусеница пожираетъ количество листьевъ и цвѣтовъ, равняющееся вѣсу ея тѣла, ежедневно, до тѣхъ поръ, пока наѣстся; питаніе продолжается тридцать дней, а потомъ она ѣстъ по одному цвѣтку, который бы далъ плодъ; итакъ она съѣдаетъ въ тридцать дней тридцать плодовъ, а семь тысячъ пять сотъ гусеницъ съѣдятъ двѣсти двадцать пять тысячъ цвѣтковъ. Если бы твои дѣти оставили гнѣзда въ покоѣ, то у тебя или у твоего сосѣда сохранилось бы двѣсти двадцать пять тысячъ штукъ яблокъ, грушъ, сливъ, вишенъ и т. д. Когда же гусеница изъ алчности, что она часто дѣлаетъ, пожираетъ въ день десять, двадцать и тридцать цвѣтковъ, тогда твоя потеря и потеря твоихъ сосѣдей увеличивается. Теперь ты вѣрно знаешь цѣну воробьинаго гнѣзда, и ту пользу, которую приноситъ воробей для твоего сада“.

Изъ какихъ частей предложенія образуются опредѣлительныя слова?

а) Опредѣленія, происходящія изъ сказуемаго.

Пригорки, рощи и долины
Весны огнемъ оживлены;
Съ прохладой вьется вѣтеръ майскій
Средь очарованныхъ полей,

И свищетъ соловей китайскій
Во мракѣ трепетныхъ вѣтвей;
Летятъ алмазные фонтаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
Подъ ними блещутъ истуканы....

Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валятся, плещутъ водопады,
И ручейки въ тѣни лѣсной
Чуть вьются сонною волной.
Пріютъ покоя и прохлады,
Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ
Мелькаютъ свѣтлыя бесѣдки;
Повсюду розъ живыя вѣтки
Цвѣтутъ и дышатъ по утрамъ.

Пушкинъ.

б) Опредѣленія, происходящія изъ дополненія и подлежащаго.

Изъ Дмитріева:—Тамъ кролика постигъ ударъ ружья громовый.

Изъ Пушкина:—Трепещетъ витязь по неволѣ, онъ видитъ старой битвы поле.—Долину брани объѣзжая, онъ видитъ множество мечей.

Изъ Глинки:—Къ числу прочихъ талантовъ его (Кутузова) неоспоримо принадлежало искусство говорить.

Изъ Крылова:—Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру.—Вотъ—лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ.

Изъ Карамзина:—Человѣкъ съ умомъ образованнымъ имѣетъ тысячу побужденій быть добрымъ.—Народъ рюгенскій поклонялся Поренуту о четырехъ лицахъ и съ пятымъ лицомъ на груди.—Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласіе князей приготовили торжество чингисхановыхъ потомковъ и наши долговременныя бѣдствія.

Изъ народныхъ пѣсенъ: Обвивается лютый змѣй около чебота—зеленъ сафьянъ.—Ко третьей-то мудрости учился Волхъ обертываться гнѣдымъ туромъ—золотые рога.

(См. предъидущія статьи, а также отд. I, стр. 6—9).

Согласованіе опредѣлительныхъ словъ съ опредѣляемыми.

(Для справокъ.)

Имя и мѣстоименіе прилагательное, выражающее опредѣленіе, согласуется съ своимъ опредѣляемымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ, а по формѣ бываетъ опредѣленное (см. *Весна*, *Картина вечера* и др. ст.); въ языкѣ народномъ и въ стихахъ опредѣлит. прилагательное принимаетъ форму усѣченную вм. опредѣленной (см. примѣры выше).

Опредѣлительныя числительныя *два*, *три*, *четыре*, *оба* въ имен. и вин. падежѣ даютъ своему существительному—опредѣляемому окончаніе цер.-слав. двойственнаго числа (см. примѣръ въ статьяхъ объ им. числительныхъ); но тѣже числительныя въ другихъ падежахъ совершенно согласуются съ существительными, къ которымъ относятся (см. примѣры выше).

За прочими числит. количественными, начиная съ *пяти*, когда они поставлены въ прямомъ падежѣ, сущест. имена полагаются въ род. пад. мн. числа (см. прим. выше).

Если между числительнымъ и существительнымъ именемъ находится еще прилагательное, то это послѣднее согласуется въ падежѣ или *съ числительнымъ (два, три, четыре)*, если нужно преимущественно отличить *качество*, и прилагат. въ такомъ случаѣ служитъ поясненіемъ для имени существительнаго, или ставится въ родит. пад. мн. числа; особенное отличіе, въ такомъ случаѣ, придается *количеству*, и прилагат. служитъ опредѣленіемъ *числительному* (указать примѣры *въ согласованіи числит. именъ*).

Въ слитныхъ предложеніяхъ, при нѣсколькихъ существительныхъ, употребленныхъ въ един. числѣ и въ одномъ мужескомъ, или женскомъ, или среднемъ родѣ, опредѣлительное сло-

во, относящееся ко всѣмъ имъ одинаково, употребляется во множеств. числѣ, согласуясь съ ними въ родѣ и падежѣ. Если же существ. разныхъ родовъ: мужескаго и женскаго, или мужескаго и средняго, то опредѣлительное слово во множественномъ числѣ принимаетъ всегда окончаніе важнѣйшаго рода, т. е. мужескаго (см. прим. выше). Опредѣленіе, относящееся къ двумъ опредѣляемымъ, можетъ согласоваться съ ближайшимъ (см. прим. въ статьяхъ). Если два или нѣсколько опредѣлительныхъ относятся къ одному опредѣляемому, то послѣднее можетъ быть или въ един., или во мн. числѣ; послѣднее употребительнѣе въ книжной рѣчи (примѣры см. выше).

Если при именахъ нарицательныхъ находится собственное ихъ названіе (см. прим. въ статьяхъ), то эти собственныя названія полагаются всегда въ имен. падежѣ, не смотря на то, что нарицательныя, къ которымъ они относятся, поставлены въ косвенныхъ падежахъ (указать примѣры въ статьяхъ).

Имя существительное, какъ приложеніе, согласуется съ своимъ опредѣляемымъ только въ падежѣ; но если приложеніе съ своимъ существительнымъ принимается за одно сложное слово, то приложеніе можетъ не согласоваться и въ падежѣ (укажите примѣры въ статьяхъ выше).

Иногда опредѣлительныя слова принимаютъ родъ и число опредѣляемаго не по грамматической формѣ, но по смыслу (см. примѣры логическаго согласованія).

Примѣчаніе о мѣстоименіи свой. Мѣстоименіе *свой* бываетъ опредѣленіемъ, когда принадлежность относится къ подлежащему; во всякомъ же другомъ случаѣ вм. *свой* употребляется «*его*, *ея*» для един. числа и «*ихъ*» для множественнаго (см. примѣры выше для мѣстоименія *свой*).

ОТДѢЛЪ IV.

УПРАВЛЕНІЕ СЛОВЪ.

Управленіе непосредственное.

Важнѣйшіе случаи употребленія падежей.

а.

Опредѣлить значеніе родительнаго падежа до лит. б. (Родительный опредѣленія и принадлежности; родительный количества и сравненія; родительный отрицанія и родительный времени).

Петръ былъ слишкомъ двухъ аршинъ и 14 вершковъ, и столько отличался отъ другихъ, что во время пребыванія его въ Голландіи, жены корабельщиковъ, работавшихъ на тамошней верфи, унимали дѣтей своихъ отъ шалостей, грозя гнѣвомъ высокаго плотника изъ Московіи. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лицо круглое, нѣсколько смугловатое, черные волосы, обыкновенно покрытые парикомъ, большіе черные глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшой ротъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ.

Корниловъ.

Пѣсня.

Въ глуши лѣсовъ, въ тѣни древесной
Съ уступа горъ течетъ ручей,
И токъ свой скромный и безвѣстный
Таитъ онъ тамъ отъ всѣхъ очей.
Но если знойною порою

Случайно кто его найдетъ—
Отраду свѣтлою струею
Онъ въ грудь усталую вольётъ.

Когдабъ, по волѣ Провидѣнья,
Во дни земнаго бытія,
Даръ благодатный облегченья
Скорбящихъ душъ стяжалъ и я!
Не жажду я стяжаній цѣнныхъ,
Не къ нимъ стремлюся я душой:
Удѣлъ подвижниковъ смиренныхъ
Да будетъ мнѣ—удѣлъ земной!
Вамъ власть и сила, чары злата,—
Земли могучіе сыны!
Мнѣ—сердце любящее брата
И миръ душевной тишины.
Вы, какъ моря, вы, какъ свѣтила,
Вселенной можете служить:
Мнѣ, какъ ручью, пусть дастся сила
Добро невѣдомо творить.

Д.

Пословицы: Жди череду—пока со стола понесутъ.—Ждать чести, мало ѣсти.—Живой боится смерти.—Берегись козла спереди, лошади сзади, а лихаго человѣка со всѣхъ сторонъ.—Бережливаго и Богъ бережетъ.—Смерти бояться, на свѣтѣ не жить.—Бойся Бога, а смерть у порога.

Товаръ не медвѣдь всѣхъ денегъ не съѣстъ.—Не отвѣдавъ яблочка, не бросаютъ.—У скупаго въ Крещенье льда не выпросишь.—Голодное брюхо ушей не имѣетъ.—Голодъ не тетка, пирожка не подсунетъ.—Ворона за море летала, а ума не достала.

Жалѣть мѣшка, не имѣть дружка.—Жаль тебя, да не какъ себя.—Жалить пчелка—жаль меду.—Жалѣть будетъ сусла, какъ брага кисла.—Жаль писцу бражки, не нажить ему рубашки.—Чего душа желала, то Богъ и

далъ.—Панцыря за кожею не бываетъ.—Не будетъ пахотника, не будетъ и бархатника.—Не будетъ снѣга, не будетъ и слѣда.—Не будетъ хлѣба, будешь безъ обѣда.—Не было-бы снѣгу, не было-бы и меду.—Не было ни чарки, да вдругъ ведро.

Утро вечера мудренѣе.—Старый другъ лучше новыхъ двухъ.—Правда свѣтлѣе солнца.—Честь лучше богатства.—Бережливость лучше прибытка.—Честное убожество легче стыда.—Добрыя слова лучше мягкаго пирога.

Изъ народной свадебной пѣсни:

Не было вѣтру, да повѣяло,
Не было гостей, да наѣхало
Полонъ дворъ золотыхъ каретъ,
И бояръ и князей.

Изъ образцовыхъ писателей.—Никонъ хотѣлъ всегда строгаго общественнаго благонравія.—Государи Новгородскіе, потомки Рюрика и Ярослава, должны были слушаться посадниковъ и трепетать вѣчеваго колокола, какъ трубы суда Божія.—Горитъ-ли местію кровавой, открылъ-ли въ войскѣ заговоръ, страшится ли народовъ горъ, иль козней Генуи лукавой.—

Погибъ Торквато нашъ! воскликнулъ съ плачемъ Римъ, погибъ пѣвецъ достойный лучшей доли.—Завидя вдалекѣ твои, о Реинъ, волны, мой конь, веселья полный, отъ строя отдѣлясь, стремится къ берегамъ.—Куликовская битва происходила 8-го сентября 1780 года. Сраженіе на берегахъ р. Вожи происходило 11 августа, 1378 года.—Полтава знаменита побѣдою, одержанною близь нея Петромъ I надъ Карломъ XII, 27 іюня 1709 года.—Пушкинъ умеръ 1837 года, января 29, въ три четверти третьяго по полудни. Отпѣваніе происходило 1 февраля. 3 февраля въ 10 часовъ вечера собрались мы въ послѣдній разъ къ тому, что еще для насъ оставалось отъ Пушкина.

Примѣчаніе. *Условія, при которыхъ ставится родительный падежъ безъ предлога:* 1) Послѣ глаголовъ дѣйствительныхъ и среднихъ, на ся, если они означаютъ *желаніе, боязнь, лишеніе чего нибудь*, а также стремленіе *достигать, пріобрѣтать*, имѣть *часть, нѣкоторую* долю (или *нѣкоторое* количество) какого либо предмета. 2) Послѣ глаголовъ, при которыхъ можно поставить нарѣчія *много, мало, нѣсколько*, и послѣ дѣйствительныхъ глаголовъ, соединенныхъ съ отрицаніемъ *не*. 3) Послѣ прилагательныхъ, означающихъ мѣру или достоинство (*полный, достойный*) и прилагательнаго *чуждый*, а также послѣ сравнительной степени. 4) Послѣ существительныхъ, произведенныхъ отъ глаголовъ, требующихъ родительнаго падежа. 5) При нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ и словахъ обстоятельственныхъ, и 6) въ единственномъ числѣ послѣ числительныхъ *полтора, два, три, четыре* и *оба*, а во множественномъ послѣ числительныхъ, начиная съ *пяти* (см. статьи и примѣры о родительномъ падежѣ).

б.

Опредѣлить значеніе дательнаго падежа до литеры в. (Дательный отношенія къ лицу, дательный неопредѣленнаго наклоненія; дательный цѣли).

Ремеслу вездѣ почетъ.—Купленому золотой верхъ.—Всему бываетъ перемѣна.—Волку зима за обычай.—Бѣдному вездѣ бѣдно.—Большому кораблю большое и плаванье.—Божья тварь Богу и работаетъ.—Больному все горько.—Братъ сестрѣ не указъ въ стряпнѣ.—Сноха снохѣ битая полоса.—Гордому кошка на грудь не вскочитъ.—Храброму смерть не страшна.—И великъ и широкъ коровѣ Богъ языкъ далъ, да говорить заказалъ.—Намъ бы лошадка ружье везла, а мы бы за ней и пѣши шли.—Хлѣбъ хлѣбу братъ.

Вору и воровская слава.—Бѣшеному да ножъ въ руки.—Богу свѣча, а государю слуга.—Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ.—Всякому зерну своя борозда.—Горькому Кузенькѣ горькая пѣсенька.—Дали нагому рубашку, а онъ говоритъ толста.—Хорошо кресло старому, а колыбель малому.—Иному громъ не громъ, а страшенъ барабанъ.—Доброму вездѣ добро.—Избу ставятъ, Богу сла-

вять.—Одному сбылось, а другому не удалось.—Хорошо птичкѣ въ золотой клѣткѣ, а лучше того на зеленой вѣткѣ.

Больному въ ѣжѣ не вѣрь.—Учись доброму, такъ худое на умъ не пойдетъ.—Служи государю вѣрою и правдою, и ни на какія дѣла не называйся, и ни отъ какихъ дѣлъ не отказывайся.

Непродажному коню нѣтъ цѣны.—Ни Богу свѣча, ни чорту ожогъ.—Никому не мило, когда дѣло хило.—Не поклонясь грибу до земли, не поднять его въ кузовъ.—Не учась грамотѣ, въ попы не ставятъ.

Бѣдному жениться на дворѣ не красно.—Всѣмъ надобно желать, чтобы друга сыскать.—Хорошо тому щеголять, у кого деньги гремятъ.—Хорошо тому жить, кому бабушка ворожитъ.—Хорошо тому смѣяться, кто на сухомъ берегу.—Въ гости ходить, къ себѣ водить.—Не давай себѣ воли, не будешь терпѣть неволи.—Не купи себѣ села, купи прикащика.—Лишнее говорить, себѣ вредить.—Полонъ чанъ—самъ себѣ панъ.

Воронѣ соколомъ не быть.—Вору не божиться, такъ и правому не быть.—Курицѣ не пѣть пѣтухомъ.—Быть Володѣ въ колодѣ.—Быть бычку на веревочкѣ.—Не треснуть лопатѣ, какъ на ней тѣста мало.—Не бывать калинѣ малиною.—Быть было ненастью, да дождь помѣшалъ.—Быть-бы богату, да подъ носомъ яма глубока.

Изъ образцовыхъ писателей: Тихая жизнь подобна ручью.—Исторія славянъ подобна исторіи всѣхъ народовъ, выходящихъ изъ дикаго состоянія.—Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ, и голосъ шуму водъ подобный.—Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ, тотъ каждому и другъ и братъ.—Разслабленный конца своимъ страданьямъ ждетъ.—Сила его (Петра) была соразмѣрна необыкновенному росту.—И самъ покорный общему закону перемѣнился я.

Примѣчаніе. *Условія, при которыхъ ставится дательный падежъ безъ предлога.*—1) При глаголахъ всѣхъ залоговъ для обозначенія предмета или лица, въ пользу или во

вредъ которому совершается дѣйствіе. 2) При сказуемомъ въ безличномъ предложеніи. 3) При неопредѣленномъ наклоненіи, употребленномъ вмѣсто будущаго времени или сослагательнаго наклоненія; при такихъ глаголахъ въ дательномъ ставится тотъ предметъ, которому приписывается дѣйствіе. 4) Когда нужно выразить уподобленіе одного предмета другому. 5) Мѣстоименіе возвратное (*себѣ*), когда нужно выразить, что дѣйствующій предметъ исключительно занятъ дѣйствіемъ, которое означено въ сказуемомъ. (Примѣры см. выше, въ статьѣ литера б).

в.

Опредѣлить значеніе винительнаго падежа до литеры г. (Винительный прямаго дополненія,—винительный *обстоятельствъ* времени и мѣста).

Богъ дастъ день, Богъ дастъ и пищу.—Воля неволю учитъ.—Всякая птица свои пѣсни поетъ.—Всякій грибъ берутъ, да не всякій въ кузовъ кладутъ.—Дай вору золотую гору, и ту промотаетъ.

Денежка и на камнѣ дыру вертитъ.—Москва любитъ запасецъ.—Муха убиваетъ орла, а муравей—льва.—Насказалъ семь четверговъ, а все сряду.—Пожалѣлъ волкъ кобылу, оставилъ хвостъ да гриву.—Промѣнялъ сокола на ястреба.—Считаютъ бражники частые праздники.

Знай честь, утирай бороду и усы.—Знай, баба, гребень, да кривое веретено.—Знай сверчокъ свой шестокъ.—Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, проживешь съ весельемъ.—Отдай мое, а съ своимъ какъ хочъ.—Отложи блины до иного дни.

Пить воду, вода не смутитъ ума.—Пиръ дѣлать, пожитки вѣдать.—Знать ворону по полету —Знать птицу по перьямъ, а молодца по рѣчамъ.—Лиха бѣда хлѣбъ нажить, а съ хлѣбомъ можно паномъ жить.—Молоть воду на воеводу.—Мѣрять воду, не спрашивать меду.—Недолго бѣду на себя накликать. Лишь бы мѣрку снять, да задатокъ взять.

Кольцовъ: Цѣлый вѣкъ я рылся въ таинствахъ природы.

Ершовъ: Верстъ сто тысячъ отмахалъ.

Примѣчаніе. *Условія, при которыхъ ставится винительный падежъ безъ предлога.*—При глаголахъ дѣйствительныхъ въ винительномъ падежѣ полагается предметъ, на который переходитъ дѣйствіе: а) когда этотъ предметъ для насъ опредѣленный, б) когда дѣйствіе предмета переходитъ на весь предметъ, а не на часть его и, при томъ, переходитъ не на время только. (Примѣры см. на винительный падежъ, лит. в).

г.

Опредѣлить значеніе творительнаго падежа. (Творительный признака, качества, орудія, образа, усиленія, уподобленія и времени).

Изъ образцовыхъ писателей: При отъѣздѣ (Бибикова) изъ Петербурга Державина произвели подпоручикомъ.—Онъ любовался красотой одежды бранной и простой; черкесъ оружіемъ обвѣшанъ, онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ.—Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ, вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводитъ.—Сусанинъ пожертвовалъ жизнью для спасенія Михаила Ѳедоровича.—Уединеніе дѣлаетъ писателя глубомысленнымъ.—Благодарю, что вы моей хлѣбъ—солью не презрѣли.—Ты старше меня десятью годами.—Ты богаче меня своими талантами.—Дородствомъ, ростомъ великанъ.—Прямизною стана, лицомъ и голосомъ герой.—Повстрѣчалъ медвѣдя носомъ къ носу.—Шелъ лѣсомъ, не путемъ, не дорогою.—Поетъ соловьемъ, а рыщетъ волкомъ.—Домъ выстроенъ искусною рукой.—Сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ.—Мышенка запахомъ пирушки привлекло.

Изъ Кольцова: Чѣмъ свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Пересчитывать.

Пословицы: Мѣряла бабушка клюкою, да и махнула рукою, быть по старому, какъ поставлено.—Мечемъ злато добываютъ, а мечъ златомъ покупаютъ.—Масломъ каши не испортишь.—Масломъ огонь не заливаютъ.—Коня уздою удержишь, а что самъ сдѣлаешь, не возвратишь.—Конь красенъ досугомъ, а человѣкъ смиреньемъ.—Какъ ни зови, только хлѣбомъ корми.—Изба крѣпка запоромъ, а дворъ заборомъ.—Обуха плетью не перешибешь.—Однимъ камнемъ воды не нагрѣешь.—Хорошо чужими руками жаръ загребать.—Языкъ малъ, великимъ человѣкомъ шатаетъ.—Основалъ основу шелкомъ, а утокъ паутиной.

Кто родился волкомъ, тому лисицей не бывать.—Красно гумно стогами, а обѣдъ пирогами.—Красно поле пшеномъ, а бесѣда умомъ.—Весна красна цвѣтами, а осень снопами.—Красна птица перьемъ, а человѣкъ ученьемъ.—Красна рѣчь слушаньемъ.—Колчанъ пригожъ стрѣлами, а обѣдъ пирогами.—Капустою пригоже, а солью вкусно.—Дракою правъ не будешь.—Личикомъ бѣленекъ, да умомъ простенекъ.—Личикомъ гладокъ, а дѣлами гадокъ.—Кто вѣтромъ служитъ, тому дымомъ платятъ.—День меркнетъ ночью, а человѣкъ печалью.—Грязью играть—лишь руки марать.—Готовь лѣтомъ сани, а зимою телѣгу.—Воровствомъ села не наполнишь.—Братъ брату головою въ уплату.—Сдѣлайся овцою, а волки будутъ.—Сидѣньемъ города берутъ.—Сукно выбирай цвѣтомъ, а друга привѣтомъ.—Щеголь—хвостъ веретеномъ.—Умомъ тупъ, да кошелемъ тугъ.—Лѣтомъ ведро воды—ложка грязи, осенью—ложка воды—ведро грязи.

Лучше быть молоткомъ, чѣмъ наковальнею.—Лучше быть безсчастникомъ, нежели дуракомъ.—Лукомъ

торговать, луковымъ плетнемъ подпоясаться.—Измазану бѣдами не измыться водами.—Дѣломъ поспѣшить, такъ людей насмѣшить.—Голосомъ пѣть, а конемъ воевать.—Голосомъ выть, горя не избыть.—Временемъ гнать, а другимъ бѣжать.—Чужаго человѣка держать, государемъ звать.—Чужимъ ртомъ сыту не быть.

Не смотри на меня комомъ, смотри розсыпью.—Оборотнемъ медвѣдь, волкъ пастухомъ, а свинья огородникомъ не бываетъ.—Языкомъ не спѣши, а дѣломъ не лѣнись.—Дурака хоть въ ступѣ толки, все останется дуракомъ.—Умомъ не рыщи, вокругъ себя поищи.—Хозяюшкой ведется—изба вѣникомъ метется.—Всякій домъ добрымъ хозяиномъ хорошъ.—Написано перомъ, не вырубишь топоромъ.—Не стыдно хлѣбъ достать трудомъ, стыдно хлѣбъ достать стыдомъ.—Опоясанъ лыкомъ, а одѣтъ сарафаномъ.—Островъ окружило водою, а насъ бѣдою.—Всякая птица своимъ носомъ сыта.

Примѣчаніе. *Условія, при которыхъ ставится творительный падежъ безъ предлога.* 1) При глаголахъ страдательныхъ и именахъ существительныхъ, произведенныхъ отъ такихъ глаголовъ. 2) При неопредѣленномъ наклоненіи глагола быть, когда нужно замѣнить дательный падежъ. 3) Для выраженія качества и мѣры при именахъ прилагательныхъ качественныхъ и при существительныхъ, употребленныхъ для выраженія качества, а также при сравнительной степени для обозначенія мѣры сравненія. 4) При глаголахъ всѣхъ залоговъ, для обозначенія орудія, уподобленія, образа и времени. (Примѣры см. въ статьѣ о творительномъ падежѣ, лит. г).

Разобрать падежи въ слѣдующихъ пословицахъ.

Всей одежи—шапка да онучи.

Скотины—тараканъ да жуколица; посуды—крестъ да пуговица; одежи—мѣшокъ да рядно.

Знай себя, и того будетъ съ тебя.

Нашего полку прибыло.

Наготы, босоты изувѣшаны шесты; холоду, голоду амбары полны.

На старый хмѣль хошь дрожжей влей.
Всякаго нѣта спасено съ лѣта.
Бабушка Мосѣевна! не поле насъ насѣяно.
На помойную яму не напасешься хламу.
На поклонъ денегъ не наготовишься.
Одинъ день у меня вѣку заѣлъ.
Прошлаго поминаемъ, грядущаго чаемъ.
Что было муки, что докуки, а ни аза, ни буки.
Было бита, такъ было и пито, а нынѣ Карпа—нѣтъ ни капли.
Кто зла отлучится, тотъ никого не боится.
Тому худа не отбыть, кто привыкъ неправдой жить.
Купилъ сапоги, да не избилъ босоты.
Была бы честь приложена, а убытку Богъ избавилъ.
Дальше горя меньше слезъ.—Дальше моря, меньше горя.
Самого чуть видно, а голосъ слышно (комаръ).
За мое же жито, да меня же бито.
Рыбу ловить, край смерти ходить.
Голова всему начало; хлѣбъ всему голова; твердо крѣпку братъ; горшокъ котлу не товарищъ; сила уму могила; тутъ свѣтъ краемъ сошелся.—Стой! бѣлу свѣту край!
Ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату суда Божьяго не миновать.
Лиха бѣда бѣдѣ притти, а побѣдки съ ногъ собьютъ.
Молву повѣтріемъ носитъ.
Семьею и горохъ молотятъ.
Не бархатомъ меня отъ этого по сердцу погладило.
Силенъ бѣсъ и горами качаетъ, а людьми, что вѣниками трясетъ.
Шутки шути, а людьми не мути.
И водой не замутитъ.
Посѣешь крупнымъ зерномъ, будешь съ хлѣбомъ и виномъ.
Вижу рожь въ сусѣкѣ и мукою даю.
Въ міръ итти, такъ и тѣстомъ брать.
Огнемъ вода ключемъ кипитъ, а водою и огонь заливаютъ.
Лошадь и не мала, да обычаемъ пропала: ты съ хомутомъ, а она и шею протянула.
Поѣхалъ за море теленкомъ, воротился бычкомъ.

Рубаха—трутъ трутомъ, на плечахъ перегорѣла.
Домъ—чаша чашей.
Нынѣ конь конемъ, а завтра колъ коломъ.
Ты у меня одинъ однимъ, какъ синь порохъ въ глазу.
Гольемъ голо, хоть шаромъ покати.
Онъ насѣлъ на него, да гнетма гнететъ.
Течма течетъ! Ливмя льетъ! Лётомъ летитъ!—Слыхомъ не слыхать, видомъ не видать. Плутъ плутомъ.

Опредѣлить значеніе падежей въ слѣдующихъ статьяхъ.

Въ общинѣ звѣролововъ или пастуховъ всякій человѣкъ легко и необходимо дѣлается воиномъ. Обычныя его занятія вполнѣ совпадаютъ со всѣми обязанностями военной службы. Какъ бы далека ни была экспедиція, въ которой ему приходится участвовать, онъ легко забираетъ съ собою то, что составляетъ источникъ его существованія. Весь народъ—войско; весь годъ—походъ. Таково было состояніе общества, облегчившее исполинскія завоеванія Аттилы и Тамерлана.

Страшное и печальное зрѣлище зимній буранъ не только въ степи, но и въ тепломъ жильѣ! Занесетъ окна, надуетъ снѣгу даже въ сѣни, замететъ всѣ дорожки отъ дома въ людскія избы, такъ что надобно отрывать ихъ лопатами; въ десяти саженяхъ не видать строенія, въ десяти шагахъ не видать человѣка! Наконецъ навалитъ такія снѣжныя громады, что, кажется, никогда онѣ не растаютъ—и уныніе невольно овладѣваетъ душой! Въ столицахъ не могутъ имѣть понятія объ этомъ, но деревенскіе жители меня понимаютъ и сочувствуютъ мнѣ.

Въ лѣсу.

Надъ самою кручью широкаго оврага находился небольшой березовый заказъ. Молодыя деревья росли очень тѣсно, ничей топоръ еще не коснулся до ихъ стройныхъ стволовъ; не густая, но почти сплошная тѣнь ложилась отъ мелкихъ листьевъ на мягкую и тонкую траву, всю

испещренную золотыми головками куриной слѣпоты, бѣлыми точками лѣсныхъ колокольчиковъ и малиновыми крестиками гвоздики. Недавно вставшее солнце затопляло всю рощу сильнымъ, хотя и не яркимъ свѣтомъ, вездѣ блестѣли росинки, кой-гдѣ внезапно загорались и рдѣли крупныя капли, все дышало свѣжестью, жизнью и той невинной торжественностью первыхъ мгновеній утра, когда все уже такъ свѣтло, и такъ еще безмолвно. Только и слышалось, что разсыпчатые голоса жаворонковъ надъ отдаленными полями, да въ самой рощѣ двѣ-три птички, не торопясь, выводили свои коротенькія колѣнца и словно прислушивались потомъ, какъ эхо у нихъ вышло. Отъ мокрой земли пахло здоровымъ, крѣпкимъ запахомъ, чистый легкій воздухъ переливался прохладными струями.

Тургеневъ.

На Морѣ.

Тишь и солнце! спятъ пучины
Чуть волною шевеля;
Изумрудныя морщины
Вкругъ бѣгутъ отъ корабля.

Въ штиль о морѣ не тревожась,
Спитъ, какъ мертвый, рулевой.
Весь въ дегтю, у мачты съёжась,
Мальчикъ чинитъ холстъ худой.

Тишь и солнце!... Въ влагѣ чистой
Рыбка прыгаетъ; кольцомъ
Вьётъ свой хвостикъ серебристый,
Шутитъ съ солнечнымъ лучемъ.

Вдругъ по небесамъ пустыннымъ
Свищетъ чайка, какъ стрѣла,
И, нырнувши клювомъ длиннымъ,
Съ рыбкой въ небо поплыла.

Майковъ.

УПРАВЛЕНІЕ ПОСРЕДСТВЕННОЕ.

Опредѣлить значеніе слѣдующихъ предлоговъ.—Указать предлоги, употребленные въ прямомъ смыслѣ и переносномъ.—Указать падежи, которыми предлоги управляютъ въ первомъ и во второмъ случаѣ.—Указать предлоги по вопросамъ: движительные, установительные и мѣстительные.—Опредѣлить число падежей для каждаго предлога.

1. **Изъ.**—Изъ-за.—Изъ-подъ.—Изъ-за морья съ вѣстями, а изъ-за дворья съ гостями.—Изъ худаго хорошаго не сдѣлаешь.—Изъ ничего сыръ боръ загорается.—Изъ пѣсни слова не выкинешь.

Изъ-подъ камня и змѣя ползетъ.

Изъ-подъ земли и полынь лѣзетъ.

Не выноси изъ избы сору.

Изъ Лажечникова: Дмитрія (внука Іоанна III) вывели изъ палатъ великокняжескихъ и отвели его опять въ темницу.

Изъ Крылова: Какъ много изъ простаго на свѣтѣ дѣлаютъ преступнаго и злаго.

Изъ Гнѣдича: Отъ дѣда въ наслѣдство ты принялъ цѣвницу изъ липы, а внукамъ своимъ передай цѣвницу изъ пальмы.

Изъ Цыганова: Брезжетъ мѣсяцъ молодой изъза тучъ мелькая.

Изъ Гоголя: Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клади хлѣба, застоявшіяся, какъ видно, долго.

2. **Отъ.**—Отъ добра добра не ищутъ.—Отъ худыя птицы худыя и вѣсти.—Отъ печали Богъ избавляетъ, а человѣкъ помогаетъ.—Отъ пословицы не уйдешь.—Отъ прибытку и старецъ келью ставитъ.—Отъ дождя не въ воду, а отъ огня не въ полымя.—Отъ горя бѣгомъ, а отъ кручины передомъ.—Отъ горя въ солдаты, отъ бѣды въ чернецы.

Изъ Крылова: Отъ радости въ зобу дыханье сперло.—Вотъ вамъ отъ слова въ слово онъ (законъ).—Отъ басни завсегда нечаянно дойдешь до были.

Изъ Булгарина: Есть-ли одинъ грамотный въ Россіи, въ хижинѣ и чертогахъ, отъ береговъ Камчатки до Вислы, который бы не зналъ имени Карамзина.

Изъ Пушкина: И ваши сѣни кочевыя въ пустыняхъ не спасчись отъ бѣдъ, и всюду страсти роковыя, и отъ судебъ защиты нѣтъ.—Мы липились множества людей отъ безводицы.—Я не могъ лежа напиться отъ раненой руки.

3. Съ.—Съ чужаго коня среди грязи долой.—Съ больной головы да на здоровую.—Съ горя не убиться, что лихой озлится.—Съ гуся вода, а съ меня молодца не былыя слова.—Съ молоду охотою, а подъ старость перхотою.—Съ нѣмецкой стати на дурацкую руку.

Изъ Крылова: Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ въ хижинѣ бѣднякъ, сапожникъ, но такой пѣвунъ и весельчакъ, что съ утренней зари и до обѣда, съ обѣда до ночи безъ умолку поётъ.

Изъ Хемницера: Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ, которые съ ума не разъ людей сводили.

4. Добрый плачъ съ радости, а злой отъ зависти.—Самъ съ пядь, а борода съ локоть.—Съ годъ бѣднаго не станетъ, а съ день сможетъ.—У Ипата къ пирогамъ борода съ лопату, а увидѣлъ дубину, борода клиномъ.

Изъ Крылова:—Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ, повѣришь ли,—ну, право, былъ онъ съ гору.

5. Стой за правду горой, и Богъ съ тобой.—Съ другомъ знаться не рѣдьку ѣсть. Хорото въ дорожкѣ пирожекъ съ горошкомъ.—Съ умнымъ рѣчи къ разговору, съ безумнымъ въ ссору.—Съ голоднымъ брюхомъ, да по добрымъ людямъ.—Ярополь со льномъ, а мы съ барышомъ.—Съ долею въ лѣсъ и по грибы ходить.—Работа съ зубами, а лѣнь съ языкомъ.

Изъ Крылова: Съ разборомъ выбирай друзей.—Однако-же еще тарелку онъ беретъ: сбирается съ послѣдней силой, и очищаетъ всю.

Изъ Жуковскаго: Привыкнувъ мѣшать уединеніе съ свѣтскою жизнію, писатель удобнѣе другихъ можетъ сохранить особенность своей физіономіи; конечно, онъ будетъ имѣть съ другими нѣкоторое несходство, но въ тоже время не отдѣлится отъ нихъ рѣзкою (слѣдовательно непріятною) съ ними противуположностію.

6. **До.**—Жаловалъ до уса, жалуй и до бороды.—Игра не доведетъ до добра.—Кусаютъ комары до поры.—Муха до уха, сорока до ока, а оса до носа.—Дойдутъ и до глухаго вѣсти.—До того дожили, что все прожили.—До солнца пройти три покоса, ходить будешь, не босо.—До Успенія пахать, лишню копну нажать.—До Петрова дня взорать, до Ильина заборонить, до Спаса посѣять.—Трудовая денежка до вѣку кормитъ.

7. **У.**—У сотни безумныхъ найдешь умныхъ.—У хлѣба не безъ крохъ.—Не тѣ денежки, что у бабушки, а тѣ денежки, что у внучки.—Хороша вѣра у дѣла.—И у голаго бываетъ праздникъ.—У стараго коня не по-старому хода.—У Бога милости много.—У нищаго хлѣбъ на умѣ, у скупаго и корочка на счету.—У нашего копытца нечего добиться.—У горя и у нужды и Ѳома дворянинъ.—У князя были, да воду пили.—У кольца нѣтъ конца.

Изъ Пушкина: Жилъ старикъ со своею старухой у самаго синяго моря.

Изъ Козлова: У рощи на горѣ высокой обитель иноковъ стоитъ.

Изъ Крылова: У Тришки на локтяхъ кафтанъ порвался.

8. **Безъ.**—Безъ росы трава не выростетъ.—Безъ пригляду одни только муравьи плодятся.—Нѣмецъ безъ шутки чванится, съ мѣста не свалится.—Безъ креста и молитвы не будетъ ловитвы.—Голь мудрена, а безъ ужина спитъ.—Безъ труда не вынешь и рыбки изъ пруда.

9. **Для, ради.**—У Бога для праведныхъ мѣста много.—Для гордаго зятя и дверь пола.—Шубу носятъ не для теплоты, а для красоты.—Для двухъ готовь, трехъ не накормишь.

Изъ Пушкина: Не для житейскаго волненья, не для корысти, не для биты, мы рождены для вдохновенья, для сладкихъ звуковъ и молитвъ.

Изъ Гоголя: Для успокоенія и примиренія всѣхъ, нисходитъ въ міръ высокое созданіе искусства.

10. **Противъ.**—Противъ избушки и клѣтку ставятъ.

11. **Близь, подлѣ, около.**—Близь смолы ходить—обчернишься, близь огня—обожжешься.—Подлѣ воды обмочишься, а подлѣ огня—обожжешься.—Подлѣ горъ не ходи—и ты сапоги не искривишь.—Около костей мяса не много.—Около хлѣба и мыши водятся.—Около чего потрешься, того и наберешься.—Ходитъ, что быкъ кругъ Савина огорода.

12. **Мимо.**—Мимо рта не пронесешь.—Мимо яблоньки яблочко не падаетъ.—Мимо двора дорога столбова.

13. **Между.**—Между волковъ жить, по-волчьи и выть.—Между глазъ да носъ пропалъ.—Межъ перстами мяса не много.—Межъ слѣпыхъ и кривой зрячій.

Изъ Державина: Между лѣнтяемъ и брюзгой, между тщеславьемъ и порокомъ, нашелъ кто развѣ ненарокомъ путь добродѣтели прямой.

14. **Прежде, послѣ.**—Прежде невода рыбы не ловятъ.—Лѣнь прежде насъ родилась.—Прежде отца въ петлю не суйся.—Прежде смерти не должно умирать.—Послѣ радости горе, послѣ горя радость.—Послѣ скобели топоромъ не тешутъ.—Послѣ супу вина випить—у доктора червонцевъ украсть.—Послѣ ненастья и ведро будетъ.

15. **Вмѣсто, кромѣ, среди.**—Вмѣсто спасиба да въ шею бьютъ.—Отъ всего вылечишься, кромѣ смерти.—

Хоть сосна и среди бора стоитъ, да къ тому-же бору шумитъ.

16. **Къ.**—У васъ дрова рубятъ, а къ намъ щепки летятъ.—Чужія руки легки, да не къ сердцу.—Рой вился, да къ верху поднялся.—Пошелъ-бы къ сосѣду по капусту, да не пустятъ.—Всѣхъ угодій къ одной полосѣ не подберешь.—Дастъ Богъ дѣло къ чистому полю.—Кинь кормъ въ гору, прійдетъ къ тебѣ въ пору.—Не идетъ мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту.

Изъ Крылова:—Къ крестьянину на дворъ залѣзъ осенней ночью воръ.—На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню.

Изъ Греча: Государь (Александръ I), увидѣвъ лежащаго на дорогѣ въ безпамятствѣ крестьянина, съ неимовѣрными усиліями возвратилъ его къ жизни.

Изъ Цыганова. Жавороночекъ къ морю теплому отлетаетъ, видно къ молодцу счатью прошлому не вернуться: спать-бы крѣпкимъ сномъ въ сырой землѣ, не проснуться, горю-бъ лютому до сердечушка не коснуться.

17. **По.**—По ниткѣ и до клубка доходятъ.—По усамъ текло, а въ ротъ не попало.—Бѣда не по лѣсу ходитъ, а по людямъ.—По капелькѣ море, по зернушку ворохъ.—По одежкѣ протягивай ножки.—По потравѣ не хлѣбъ, по суду не деньги.—По неволѣ волосы вянутъ, какъ за нихъ тянутъ.—По чужимъ карманамъ не ищи, а своего береги.—По головѣ шапка, по ногѣ и сапогъ.—По Сенькѣ и шапка.—По шерсти собачкѣ имя дано.—По работѣ ѣда вкуснѣй.

По мнѣ, такъ хоть въ полѣ трава не расти!
Пошелъ по языкъ, да и свой потерялъ.
Разсыпался стаканъ по всѣмъ городамъ (*звѣзды*).
По локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ.—Не по зубамъ мнѣ эти орѣшки.

Изъ Пушкина: Послѣ обѣда Государь (Петръ I), по русскому обыкновенію, пошелъ отдохнуть.

Изъ Вяземскаго:—Замѣчательнѣйшими и драгоцѣннѣйшими произведеніями россійскаго театра должно почесть творенія Екатерины Великой, если не по драматическому достоинству, то по литературной и исторической важности.

Изъ Крылова.—Такъ по его грѣхамъ у насъ и моръ такой.

Изъ Цыганова.—Ахти, бѣда—неволюшка, погибельная долюшка! Сама хожу по камешку, коня вожу по травушкѣ, по травушкѣ, по муравушкѣ кусты растутъ, цвѣты цвѣтутъ.

Плетневъ.—Это (И. И. Дмитріевъ) былъ баснописецъ, образцовый по благородной игрѣ ума, по обработкѣ стиховъ, по живымъ описаніямъ, по мастерскому разсказу и по господствующему во всемъ вкусу.

18. **Въ**.—Въ камень стрѣлять, только деньги терять.—Въ дружбу и вѣрность шута не принимай.—Попалъ въ стаю, лай, не лай, а хвостомъ виляй.—Въ міру виноватаго нѣтъ.—Въ лѣсъ не съѣздимъ, такъ на полатяхъ замерзнемъ.

Иноходецъ въ пути не товарищъ, а больной въ избѣ не сосѣдъ.

Народныя примѣты:—Первый прочный снѣгъ падаетъ въ ночи.—Первый громъ въ постный день—коровы будутъ не дойны.—Солнце садится въ облако передъ ненастьемъ.—Въ дорогу отъѣзжай во вторникъ либо въ субботу.

Изъ народныхъ пѣсенъ:

Въ понедѣльникъ я банюшку топила,
Во вторникъ въ баньку ходила,
Въ среду въ угарѣ пролежала,
Въ четвергъ буйну голову чесала,
Въ пятницу добры люди не пряли,
Въ субботу родителей поминали,
Въ воскресенье на весельи погуляли.

Богатый въ деньгахъ, что мышь въ крупѣ.—Богатый въ пиру, а убогій въ міру.—Видѣлъ лѣнивый му-

жикъ хомутъ во снѣ, не видать ему лошадки и до смерти.—Въ дуракѣ и царь неволенъ.—Въ Москвѣ толсто звонятъ, а тонко ѣдятъ.—Въ полѣ кто служитъ, о домѣ не тужитъ, гдѣ сталъ, тутъ и станъ.—Въ полѣ Маланья не ради гулянья, а спинушку гнетъ для запаса впередъ.—Въ тѣснотѣ люди живутъ, лихо не въ обидѣ.—Въ тѣ поры жди погоды, когда сольютъ воды.—Въ тѣ поры желѣзо куй, когда кипитъ.—Ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ.—Хмѣлекъ-щеголекъ, самъ ходитъ въ рогожѣ, а насъ водитъ нагишомъ.—Въ лѣсу цѣлый дубъ рубль, а въ столицѣ по рублю спица.—Въ одномъ карманѣ сочельникъ, а въ другомъ Иванъ постный.—Правятъ по рѣкѣ, а животъ въ Божьей рукѣ.—Коза на горѣ выше коровы въ полѣ.—Лѣнивому не болитъ въ хребтѣ.

Изъ Гоголя:—Знаете-ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее.

Изъ М. Данилевскаго.—Одно строжайше запрещалъ ему (Кутузову) Александръ—вступать въ переговоры съ Наполеономъ.

Изъ Корнилова:—Вообще Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до его собственности.... Таже простота, какую наблюдалъ Царь въ одеждѣ и въ экипажѣ своемъ, господствовала и въ его обращеніи.

Изъ Крылова: Лягушка, на лугу увидѣвши вола, задумала сама въ дородствѣ съ нимъ сравниться.

19. **За.**—За Богомъ пойдешь, добрый путь найдешь.—За чужимъ добромъ подноситъ ведромъ.—За битаго двухъ небитыхъ даютъ, да не берутъ.—За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ.—За вѣтромъ въ полѣ не нагоняешься, а съ бранчивою кумою не напрощаешься.—За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.—За кожею панцыря нѣтъ.—За моремъ рубятъ, сюда щепки летятъ.—За добро добромъ и платятъ.—За вкусъ не берусь, а горячо сварю.—За вино бьютъ, а на землю не льютъ.—За добрыя дѣла всег-

да живетъ похвала.—За лѣсомъ видишь, а подъ носомъ нѣтъ.—Лѣнь лѣни и за ложку взяться, а не лѣнь лѣни обѣдать.—Богу молись, крѣпись, да за соху держись.

Изъ Карамзина: Ермакъ возвратился въ сибирскую столицу принять за славные труды отличную награду.

Изъ Крылова: Примѣчено сто кратъ, что кто за ремесло чужое браться любитъ, тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй.

Изъ Кольцова:—За рѣкой, на горѣ, лѣсъ зеленый шумитъ; подъ горой, за рѣкой хуторочекъ стоитъ.

Изъ Вяземскаго:—За годомъ годъ торопится впередъ.

Изъ Пушкина:—И отъ берега крутаго оттолкнулъ его весломъ, и мертвецъ поплылъ внизъ снова за могилой и крестомъ.

20. **На.**—На себя работать не стыдно.—На сильнаго Богъ да Государь.—На то рыба-щука, чтобъ карась не дремалъ.—На чужое богатство не надѣйся, свое береги.—На чужую кашу надѣйся, а своя-бы въ печи была.—Нужда и голодъ погоняетъ на голодъ.

На словахъ, что на водѣ.—На торной дорогѣ трава не растетъ.—У голодной кумѣ все хлѣбъ на умѣ.—Хоть ѣсть хвойку, да на своей волкѣ.—На брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ.—На дворѣ морозъ, а денежка въ карманѣ таетъ.—Недосолъ на столѣ, а пересолъ на спинѣ.—Обожжешься на молокѣ, станешь дуть и на воду.—У подъячаго будетъ пуста зепь, когда на шеѣ цѣпь.—Золото и на водѣ плаваетъ.

На дворѣ молотится, такъ и въ избѣ колотится.—Пойду гулять—на бѣлый свѣтъ позевать.—На чужой сторонѣ и сокола зовутъ вороною.—На чьемъ возу ѣдешь, того и пѣсеньку поешь.—На нивѣ потѣй, въ клѣти молись, съ голоду не помрешь.

Изъ Дельвига.—Какъ у насъ-ли на кровелькѣ, какъ у насъ-ли на крашеной, собиралися пташечки, мелки пташечки, ласточки, щебетали—чиликали, несобравшихся кликали.

Изъ Крылова:—Куда на выдумки природа тарората.—Зерно, онъ думаетъ, такое одно на цѣлую недѣлю можетъ стать.—А мнѣ (червяку) и самой малой доли на цѣлый станетъ вѣкъ глотать.—И на привѣтливы лисицыны слова ворона каркнула во все воронье горло.—Я мужика и не виню; но гуси иначе объ этомъ толковали и, встрѣтяся съ прохожимъ на пути, вотъ какъ на мужика пѣняли....—Какія у неё ужимки и прыжки, я удавилась-бы съ тоски, когда-бы на нее хоть чуть была похожа.

21. **Подъ.**—Подъ старое тулово да молодыя ноги.—Подъ старость человѣкъ либо умнѣй, либо глупѣй бываетъ.—Подъ силу бѣда со смѣхами, а не подъ силу со слезами.—Подъ всякую пѣсеньку не подпляшешь, подъ всяки нравы не поладишь.—Подъ толстымъ сукномъ не хуже согрѣешься, какъ подъ бархатомъ.—Солдатская голова, что подъ дождичкомъ трава.—Хлѣба край, такъ и подъ елью рай.—Хозяйскую печь подъ полой не унесешь.—Лисица отъ дождя подъ бороной ухоронится.—Льстецъ подъ словами, змѣй подъ цвѣтами.—Новая ложка въ чести, а охлебается, подъ лавкой наваляется.

Изъ Козлова:—И подлѣ ключъ воды студенной журчитъ цѣлительной струей, подъ тѣнью липы вѣковой.

Изъ Лермонтова:—Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ, я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ; какъ будто самъ я былъ рожденъ въ семействѣ барсовъ и волковъ, подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.

Изъ Крылова:—Тутъ выгнувши хребетъ и понатужа грудь, тронулася лошадка съ возомъ въ путь. Но только подъ гору она перевалилась, возъ началъ напирать, телѣга раскатилась.

23. **Предъ.**—Предъ царемъ служба, а предъ Богомъ молитва не пропадаетъ.—Кто передъ кѣмъ потеряетъ, тотъ тому и виноватъ.—Нагъ предъ Богомъ тѣломъ, а предъ человѣками дѣломъ.—Не встанетъ свѣча передъ Богомъ, а встанетъ душа.

Изъ Полежаева.—Передъ нимъ и за нимъ съ раболѣпствомъ нѣмымъ рядъ сатраповъ стоитъ.

Изъ Лермонтова:—Заботой тайною хранима передъ иконою святой стоишь ты вѣтвь Іерусалима, святыни вѣрный часовой.

24. **Про.**—Про горькаго Егорку поютъ и пѣсню горьку.—Про (для) глухого двѣ обѣдни не служатъ.—Про однѣ дрожжи не говорятъ трожды.—Про доброе дѣло говори смѣло.—Купецъ божится, а про себя отрекается.

25. **Сквозь, черезъ.**—Черезъ силу и конь не ступитъ.—Сквозь песокъ и вода протечетъ.—Черезъ гору солнышко взглянетъ, черезъ гору и птица перелетаетъ.

Загадка. Лѣтитъ звѣрёкъ черезъ Божій домокъ; говоритъ: „моя сила горитъ“. (*Пчела*).

Изъ Карамзина:—Сквозь дремучіе лѣса Новгородъ открылъ себѣ путь до Сибири.

Изъ Гоголя: Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красныя крыши и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома.

Изъ Дмитріева.—А конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву, ржетъ, пышитъ и летитъ чрезъ ниву.

Изъ народныхъ пѣсенъ.—Вьется, вьется хмѣлюшко черезъ тынъ на улицу, ко мнѣ во зеленый садъ.

26. **Надъ.**—Надъ кѣмъ пословица не сбывается.—Надъ нами не каплетъ.—Надъ другомъ шути, пока краска въ лицо не вступитъ.—Лебедь по поднебесью, мотылекъ надъ землей чуть, всякому свой путь.—Надъ пуганнымъ соколомъ и вороны летаютъ.

Изъ Кольцова:—Надо мною буря выла, громъ на небѣ грохоталъ, слабый умъ душа страшила, холодъ въ душу проникалъ.

Изъ Пушкина:—Надъ Невою рѣзво вьются флаги пестрые судовъ, звучно съ лодокъ раздаются пѣсни дружныя гребцовъ.

27. **О, объ.**—О вкусахъ спорить не должно.—Онъ глупъ, а объ стѣну лбомъ не ударится.—Съ косымъ не толкуй о кривомъ.—Другъ объ другѣ, а Богъ обо всѣхъ.—Кто любитъ о добрѣ трудиться, тому есть чѣмъ похвалиться.

Изъ Корнилова:—Онъ (Петръ В.) охотно говорилъ о своихъ походахъ, о сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ; охотно разсказывалъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался на сушѣ и на морѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ распространялся о томъ времени, когда онъ въ 1716 году командовалъ на Балтійскомъ морѣ флотами четырехъ державъ: англійскимъ, голландскимъ, датскимъ и россійскимъ.

Изъ Карамзина: Матери плакали о дѣтяхъ, передъ ихъ глазами растоптанныхъ конями татарскими.

Изъ Жуковскаго: О счастіи съ младенчества тоскуя, все счастьемъ бѣденъ я; или во вѣкъ его не обрѣту я въ пустынѣ бытія.

28. **При.**—При пирѣ, при бражкѣ всѣ дружки, при горѣ, кручинѣ—всѣ ушли.—При солнцѣ тепло, а при матери сыну добро.—При свѣтлѣ сидѣть болѣе стыду.—При сытости помни голодъ, а при богатствѣ не забывай убожества.—При худѣ худо, а безъ худа еще хуже.—При деньгахъ Памфилъ всѣмъ людямъ милъ, безъ денегъ Памфилъ и людямъ скученъ и самъ унылъ.

Изъ Козлова.—За рощей темною въ долинѣ, при зеркальной пруда равнинѣ, вельможи знатнаго село красой привѣтною цвѣло.

Разобрать всѣ виды управленія и опредѣлить падежи по значенію въ слѣдующихъ статьяхъ:

Цвѣты.

Въ отворенномъ окнѣ богатаго покоя, въ фарфоровыхъ, расписанныхъ горшкахъ, цвѣты поддѣльные, съ

живыми вмѣстѣ стоя, на проволочныхъ стебелькахъ качалися спѣсиво, и выставляли всѣмъ красу свою на диво. Вотъ дождикъ началъ накрапать. Цвѣты тафтяные Юпитера тутъ просятъ: нельзя-ли дождь унять; дождь всячески они ругаютъ и поносятъ. „Юпитеръ!“ молятся: „Ты дождикъ прекрати; что въ немъ пути, и что его на свѣтѣ хуже? Смотри, нельзя по улицѣ пройти: вездѣ лишь отъ него и грязь, и лужи“. Однако-же Зевесъ не внялъ мольбѣ пустой, и дождь себѣ прошелъ своею полосой. Прогнавши зной, онъ воздухъ прохладилъ; природа оживилась, и зелень вся какъ будто обновилась. Тогда и на окнѣ цвѣты живые всѣ раскинулись во всей своей красѣ, и стали отъ дождя душистѣй, свѣжѣе и пушистѣй. А бѣдные цвѣты поддѣльные съ тѣхъ поръ лишились всей красы и брошены на дворъ, какъ соръ.

Таланты истинны за критику не злятся: ихъ повредить она не можетъ красоты, одни поддѣльные цвѣты дождя боятся.

Адъ.

Изъ подземнаго изъ ада съ шумомъ вылетѣла птичка; и какъ вылетѣла, сѣла на траву и еле дышитъ. Видятъ матери и сестры, сладкій мускусъ ей приносятъ, амарантъ и бѣлый сахаръ. „Освѣжися, пѣй и кушай!“— уговариваютъ птичку: „Разскажи намъ, что въ подземномъ темномъ царствѣ ты видала?“—„Что сказать мнѣ вамъ, бѣдняжки!“ вздрогнувъ, вымолвила птичка: „Смерть я видѣла какъ скачетъ на конѣ въ подземномъ царствѣ; юныхъ за волосы тащитъ, старыхъ за руки волочитъ, а младенцевъ нанизала вкругъ, за горлышко, на поясъ.

Изъ новогреческихъ пѣсенъ, Майковъ.

Лебедь.

Пускай орелъ за облаками
Встрѣчаетъ молніи полетъ
И неподвижными очами
Въ себя вливаетъ солнца свѣтъ.

Но нѣтъ завиднѣе удѣла,
О, лебедь чистый, твоего!
И чистой, какъ ты самъ, одѣло
Тебя стихіей Божество.

Она между двойною бездной
Лелѣетъ твой всезрящій сонъ,
И полной славой тверди звѣздной
Ты отовсюду окруженъ.

Тютчевъ.

Туча.

Надъ изнуренною отъ зноя стороною большая туча пронеслась, ни каплею ея не освѣжа одною, она большимъ дождемъ надъ моремъ пролилась, и щедростью своей хвалилась предъ горою. „Что сдѣлала добра ты щедростью такою?“ сказала ей гора: „И какъ смотрѣть на то не больно! когда-бы на поля свой дождь ты пролила; ты-бъ область цѣлую отъ голоду спасла: а въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно“.

Ночь на жнитвѣ.

Густѣетъ сумракъ и съ полей
Уходятъ жницы.... Ужъ умолкъ
Вдали и плачь и смѣхъ дѣтей,
Собачій лай и женскій толкъ.

Ушелъ рабочій караванъ....
И тишина легла въ поляхъ!...
Какъ безконечный ратный станъ,
Кругомъ снопы стоятъ въ копнахъ;

И задымилася роса
На всёмъ пространствѣ желтыхъ нивъ,
И ночь взошла на небеса,
Тихонько звѣзды засвѣтивъ.

Вотъ вышелъ мѣсяцъ молодой....
Одно, прозрачное, какъ дымъ

Въ пустынѣ неба голубой
Несется облачко предъ нимъ:

Какъ будто кто-то, не земной,
Подъ бѣлой розой и съ вѣнцомъ
Надъ этой нивой трудовой
Стоитъ съ серебрянымъ серпомъ,

И шлетъ въ сверканіи зарницъ
Благословенья на поля:
Вознаградила-бъ страду жницъ
Ихъ потомъ влажная земля.

Майковъ.

Хмѣль.

Хмѣль выбѣжалъ на огородѣ и вкругъ сухой тычинки виться сталъ; а въ полѣ близко дубъ молоденькій стоялъ. „Что въ этомъ пользы есть уродѣ, да и во всей его породѣ?“ „Такъ про дубокъ тычинкѣ Хмѣль жужжалъ. „Ну, какъ его сравнить съ тобою? ты барыня предъ нимъ одной лишь прямизною. Хоть листьемъ, правда, онъ одѣтъ, да что за жесткость, что за цвѣтъ! За что его земля питаетъ?“ Межъ тѣмъ едва недѣля протекаетъ хозяинъ на дрова тычинку ту сломилъ, а въ огородъ дубокъ пересадилъ. И трудъ ему съ большимъ успѣхомъ удается: дубокъ и принялся, и отпрыски пустилъ. Посмотришь, около него мой хмѣль ужъ вьется, и дубу отъ него вся честь и похвала!

Конь.

Жадно, весело онъ дышитъ свѣжимъ воздухомъ полей: сизый паръ кипитъ и пышетъ изъ пылающихъ ноздрей; полонъ силъ, удалъ на волѣ, громкимъ голосомъ заржалъ, встрепенулся конь и въ полѣ бурноногій поскакалъ! Скачетъ, блещущій глазами, дико голову склонилъ; вдоль по вѣтру онъ волнами черну гриву распустилъ. Самъ, какъ вѣтеръ: круть-ли встанетъ на пути? отважный прянетъ и на ней ужъ! Ляжетъ ровъ и по-

токъ клубится?—мигомъ, онъ широкимъ перепрыгомъ черезъ нихъ—и былъ таковъ! Веселися, конь ретивый! Щеголяй избыткомъ силъ! Не надолго волны гривы вдоль по вѣтру ты пустилъ! Не надолго жизнь и воля разомъ бурному даны, и холодный воздухъ поля, и отважны крутизны, и стремнины роковыя.... Скоро, скоро подъ замокъ! Тѣшь копыта удалыя, свой могучій бѣгъ и скокъ! Снова въ дѣло конь ретивый! Въ сбруѣ легкой и красивой, и блистающій сѣдломъ, и бренчащій поводами, стройно вѣрными шагами ты пойдешь подъ сѣдокомъ.

Языковъ.

Взятіе казани.

(Изъ народныхъ пѣсенъ).

Ужъ вы люди-ли, вы люди стародавніе,
Молодые молодцы послушайте,
Еще я вамъ разскажу про царевый походъ,
Про грозна царя Ивана Васильевича.
Онъ походомъ подходилъ подъ Казань городокъ,
А подкопы подкопалъ подъ Казанку подъ рѣку.
Что татары-же по городу похаживали,
Что грозна царя Ивана Васильевича поддразнивали.
Что и тутъ-то нашъ грозенъ царь прикручинился,
Онъ повѣсилъ буйну голову на правое плечо,
Утупилъ онъ ясны очи во сыру-мать землю,
Онъ велѣлъ-ли государь—царь пушкарей сзывать,
Пушкарей созывать заговорщиковъ,
Онъ велѣлъ сударь скоро казнить, скоро вѣшати.
Не успѣлъ молодой пушкарь слово вымолвить,
Воску яраго свѣча затеплилася,
Что и съ порохомъ бочка загорѣлася,
Что побило татаръ сорокъ тысячей и три тысячи.

Изъ Гоголя: Уже около недѣли Тарасъ Бульба жилъ съ сыновьями своими на сѣчи. Остапъ и Андрей мало занимались военною школою. Сѣчь не любила затруднять себя военными упражненіями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось въ ней

однимъ опытомъ, въ самомъ пылу битвъ, которыя оттого были почти безпрерывны. Казаки почитали скучнымъ занимать промежутки изученіемъ какой нибудь дисциплины, кромѣ развѣ стрѣльбы въ цѣль, да изрѣдка конной скачки и гоньбы за звѣремъ въ степяхъ и лугахъ; все прочее время отдавалось гульбѣ—признаку широкаго размета душевной воли. Вся Сѣчь представляла необыкновенное явленіе: это было какое-то безпрерывное пиршество, балъ, начавшійся шумно и потерявшій конецъ свой. Нѣкоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла съ утра до вечера, если въ карманахъ звучала возможность, а добытое добро не перешло еще въ руки торгашей и шинкарей.

Спѣсь.

Ходитъ Спѣсь надуваючись,
Съ боку на бокъ переваливаясь.
Ростомъ-то Спѣсь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ въ цѣлу сажень,
Пузо-то у него всё въ жемчугѣ;
Сзади-то у него раззолочено.
Зашелъ-бы Спѣсь къ отцу къ матери,
Да ворота не крашены;
Помолился-бы Спѣсь въ церкви Божіей,—
Да полъ не метенъ.
Идетъ Спѣсь—видитъ на небѣ радуга;
Повернулъ Спѣсь въ другую сторону:
Не пригоже-де мнѣ нагибатися.

Гр. А. Толстой.

(Изъ Пушкина.) Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часъ отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ большую силу растительности, показываются птицы, невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на кочкахъ, означающихъ большую дорогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Калмыки располагаются около

станціонныхъ хатъ. У кибитокъ ихъ пасутся уродливыя косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, на-скоро построенныхъ. Источники, большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ норы или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпныя ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липами, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, красивость....

Признаюсь: Кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль ихъ прежняго, дикаго состоянія: мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженыхъ пропастей, надъ которыми бывало я карабкался.

Изъ Козлова:—У церкви сельской за оградой,
Въ уютномъ домикѣ своемъ,
Въ кругу семьи, предъ тихимъ сномъ,
Дыша вечернею прохладой,
Священникъ у окна сидѣлъ;
Онъ въ думѣ набожной смотрѣлъ,
Какъ на закатѣ, догорая,
Багряный блескъ смѣнялся тьмой:
Такъ ясно жизнь его святая
Клонилась къ сѣни гробовой.

Изъ Кольцова: —Высоко стоитъ
Солнце на небѣ,
Горячо печетъ
Землю матушку,

Душно дѣвицѣ,
Грустно на полѣ,
Нѣтъ охоты жать
Колосистой ржи.
Всю сожгло ее
Поле жаркое,
Горитъ гормо всё
Лицо бѣлое.

Изъ Карамзина. Базель больше всѣхъ городовъ въ Швейцаріи; но кромѣ двухъ огромныхъ домовъ банкира С., не замѣтилъ я здѣсь никакихъ хорошихъ зданій, и улицы чрезмѣрно худо вымощены. Жителей по обширности города очень не много и нѣкоторые переулки заросли травою. Рейнъ раздѣляетъ Базель на двѣ части, и хотя сія рѣка здѣсь не такъ широка, какъ въ Майнцѣ, однакожъ, по быстрѣйшему своему теченію и по свѣтлости воды своей, показалась мнѣ гораздо пріятнѣе. Только здѣсь она совершенно пуста: невидно на ней ни одного судна, ни одной лодочки. Не знаю, для чего Базельцы не пользуются выгодами судоходства, производя довольно важный торгъ съ нѣмцами и отправляя въ Германію полотна, ленты, шелковыя матеріи и другія произведенія своихъ манафактуръ.

Въ семи верстахъ отъ Базеля находится такъ называемая *пустыня*, или обширный садъ, принадлежащій одному изъ здѣшнихъ богачей. Туда ходилъ я пѣшкомъ съ двумя молодыми бременцами, здѣсь живущими. Кажется, будто-бы искусство не имѣло никакого участія въ разведеніи сего сада. Надобно вездѣ ходить по узенькимъ тропинкамъ и взбираться на утесы по каменнымъ ступенямъ. Индѣ видишь чистый, зеленый кустарникъ, индѣ глубокія пещеры или разбросанные шалаши. Въ глубинѣ дикаго грота, гдѣ чистая вода, струясь съ высокихъ камней, ископала себѣ маленькій бассейнъ, стоитъ монументъ покойнаго Геснера, печальною дружбою сооруженный.

Нынѣ рано по утру прислалъ за мною Лафатеръ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и съ нѣкоторыми изъ друзей его итти обѣдать къ деревенскому священнику Т. Это путешествіе утомило меня до крайности. Надобно было восходить по камнямъ на высокую и крутую гору. Нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ, для облегченія своего, скинули съ себя кафтаны и шли въ однихъ камзолахъ. На вершинѣ горы мы остановились отдохнуть и полюбоваться прекрасными видами, которые наградили меня за всё претерпѣнное мною. „Удивительно-ли,—сказалъ мнѣ Г., указывая рукою на свѣтлое озеро, на горы и плодоносныя долины,—удивительно-ли, что швейцарцы такъ привязаны къ своему отечеству? Смотрите, сколько красотъ здѣсь разсѣяно!“—На узкой долинѣ между горъ, въ семи верстахъ отъ Цюриха, лежитъ та маленькая деревенька, которая была цѣлью нашего путешествія. Тамъ принялъ насъ добродушный священникъ со всѣми знаками дружелюбія. Вмѣстѣ съ нимъ вышли къ намъ на встрѣчу жена его и двѣ дочери.

Бернъ есть хотя старинный, однакожъ красивый городъ. Улицы прямы, широки и хорошо вымощены; а въ серединѣ проведены глубокіе каналы, въ которыхъ съ шумомъ течетъ вода, уносящая съ собою всю нечистоту изъ города и сверхъ того весьма полезная въ случаѣ пожара. Домы почти всѣ одинакіе: изъ бѣлаго камня, въ три этажа, и представляютъ глазамъ образъ равенства въ состояніи жителей, не такъ, какъ въ иныхъ большихъ городахъ Европы, гдѣ часто низкая хижина преклоняется къ землѣ подъ тѣнью колоссальныхъ палатъ. Всего болѣе полюбились мнѣ въ Бернѣ аркады подъ домами, столь удобныя для пѣшеходцевъ, которые въ сихъ покрытыхъ галлереяхъ никакого ненастья не боятся.

Молитва.

Отче нашъ! сына моленью внемли! все проникающую, все созидающую, братскую дай мнѣ любовь на землѣ!

Сыне, распятый во имя любви! Ожесточаемое, оскудѣваемое сердце ты въ насъ освѣжи, обнови!

Духъ Святый! правды источникъ живой! Силы дай страждущему; разуму жаждущему ты вожделѣнныя тайны открой! Боже! спаси ты отъ всякихъ цѣпей душу проснувшуюся, и ужаснувшуюся мрака и зла и неправды людей.

Вставшихъ на гласъ твой услыши мольбу, и цѣпенѣющую, въ лѣни коснѣющую жизнь разбуди на святую борьбу!

Я. П. Полонскій.

Изъ Л. Толстаго. Хлѣбная уборка была во всемъ разгарѣ. Необозримое, блестяще-желтое поле замыкалось только съ одной стороны высокимъ синѣющимъ лѣсомъ. Все поле было покрыто копнами и народомъ. Въ высокой густой ржи виднѣлись кое-гдѣ, на выжатой полосѣ, согнутая спина жницы, взмахъ колосьевъ, когда она перекладывала ихъ между пальцевъ, женщина въ тѣни нагнувшаяся надъ люлькой и разбросанные снопы по усѣянному васильками жнивью; съ другой стороны мужики въ однихъ рубашкахъ, стоя на телѣгахъ, накладывали копны и пылили по сухому раскаленному полю. Староста въ сапогахъ и армякѣ въ накидку, съ бирками въ рукѣ, снявъ свою поярковую шляпу, утиралъ рыжую голову и бороду платкомъ и покрикивалъ на бабъ. Говоръ народа, топотъ лошадей и телѣгъ, веселый свистъ перепѣловъ, жужжанье насѣкомыхъ, которыя неподвижными стаями вились въ воздухѣ, запахъ полыни, соломы и лошадинаго поту, тысячи различныхъ цвѣтовъ и тѣней, которыя разливало палящее солнце по свѣтло-желтому жнивью, синей дали лѣса и бѣло-лиловымъ облакамъ, бѣлыя паутины, которыя носились въ воздухѣ или ложились по жнивью,—все это я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ.

Изъ народныхъ пѣсенъ.

Охъ ты, степь моя, степь широкая!
Заросла ты, степь, ковылемъ—травой.
По тебѣ-ли, степь, вихри мычутся,
У тебя орлы на пескахъ живутъ;

А вокругъ тебя степь родимая,
Синей ставкою небеса лежатъ,
И вечерняя заря съ утренней
Съ поры на пору разгораются.
Охъ ты, степь моя, степь широкая!
На тебѣ-ли, степь, два бугра стоятъ;
Безъ крестовъ они, безъ примѣтушки,
Лишь небесный громъ въ бугры стукаетъ.
И вотъ ноченькой, и вотъ черною
Что на тѣхъ бугрáхъ свѣчка теплится
И дружинушка изъ-подъ нихъ встаетъ.
Молодцы—стрѣльцы на коняхъ верхомъ,
А орда, въ чалмахъ, въ полѣ строится;
На бугрáхъ стоятъ ихъ начальники:
Какъ на первомъ воевода нашъ
Съ кладенцомъ-мечемъ, кровью смоченнымъ;
На второмъ стоитъ басурманскій князь,
Опустивъ на грудь буйну голову.
Онъ даетъ съ себя золотой уборъ,
Откупается крупнымъ жемчугомъ;
И какъ скликнетъ онъ силу-рать свою,
Чтобъ идти—бѣжать въ свою сторону.
Какъ махнетъ рукой воевода нашъ—
И разсыплются стрѣльцы по полю—
И заставятъ имъ путь-дороженьку....
Такъ стоятъ они до полуночи,
И покудова свѣчка теплится,
И покудова не вспоетъ пѣтухъ.—
Такъ пойдетъ орда спать въ сыру землю,
Молодцы-стрѣльцы—въ темный погребъ свой,
И сама собой свѣчка сгасится.

Изъ путешествій по Волгѣ.

(А. Потѣхина.)

Знаете-ли вы Волгу, ѣзжали-ли по ней, любовались-ли на ней восхожденіемъ и захожденіемъ солнца, прислушивались-ли къ плеску ея волнъ, то тихимъ, то

бурнымъ, видали-ли вы ее, красавицу рѣкъ, къ которой обращаются народныя пѣсни и восторги русскихъ поэтовъ? Посмотрите на нее, полюбуйтесь ея красотами, хотя на томъ небольшомъ пространствѣ, по которому мы поведемъ васъ! Начнемте путь нашъ отъ Ярославля. Мы садимся въ судно, которое отправляется въ Нижній-Новгородъ. Судно пусто еще, безъ клади, за которою оно и идетъ туда, и потому въ немъ много свободнаго мѣста для пассажировъ. Сядемьте-же: Судно повезетъ насъ скоро внизъ по теченію и съ помощью попутнаго вѣтра. Путь нашъ не далёкъ. Мы остановимся въ одномъ небольшомъ городкѣ, во ста верстахъ отъ Костромы и въ шестидесяти отъ Юрьевца. Это судно носитъ родовое названіе кладнушки, а у нея есть свои видовыя имена: тихвинка, романовка. То или другое имя свое она принимаетъ отъ извѣстнаго рода особенностей въ ея формѣ: эти особенности весьма мелки и неудобообъяснимы, а потому мы не будемъ говорить объ нихъ; но вотъ общій размѣръ кладнушки: размѣръ ея въ длину около шести саженъ, въ ширину около трехъ и въ глубину не болѣе двухъ; она снабжена одною мачтой и однимъ парусомъ, какъ и всѣ вообще волжскія суда; на всёмъ пространствѣ своемъ отъ носа до кормы она крыта; крышка эта почти плоская или не много выгнутая, подъ нею-то и скрываютъ ту кладь, которою нагрузятъ ее, гдѣ нужно, а пока она не нагружена, мы всегда удобно можемъ помѣститься подъ нею со всѣми своими вещами, а если вы любите комфортъ въ пути, то можете разставить тамъ столъ, стулья и, подъ звукъ плещущихъ волнъ и бурлацкихъ пѣсенъ, кушать неизмѣнный русскій чай.

Кострома.

Кострома расположена на лѣвомъ луговомъ берегу Волги. Главное украшеніе Костромы, если смотрѣть на нее съ Волги,—это прекрасное величественное зданіе собора съ его изящною колокольней, позлащенными главами и высокими каменными стѣнами, служившими нѣкогда укрѣпленіемъ: построенный на самомъ высокомъ и видномъ мѣстѣ берега, соборъ Костромской царствуетъ,

такъ сказать, надъ всѣмъ городомъ. Впрочемъ, кромѣ собора, ничто не привлечетъ вашего вниманія на набережной Костромы, хотя вся она покрыта исключительно одними каменными зданіями: вы не увидите здѣсь той чистоты, того праздничнаго характера, съ которымъ встрѣчаетъ васъ Ярославская набережная; одинъ только восточный край Костромы, гдѣ берегъ подымается уступами и покрытъ довольно красивыми зданіями, представляетъ нѣкоторую картинность. Съ этой стороны примыкаетъ къ Костромѣ, отдѣляясь отъ нея небольшею рѣчкою, Черною, Татарская слобода, съ принадлежащею къ ней рощею.

Буря на Волгѣ.

Смеркается, темнѣетъ еще болѣе. Буря реветъ все сильнѣе; удары молній и грома чаще, ярче и громче; дождь хлещетъ на васъ, какъ изъ ведра, и уже тщетны всѣ предосторожности, чтобы остановить вторженіе его подъ палубу; судно хоть и у берега, и у якоря, но не совсѣмъ внѣ опасности. Посмотрите, валы поднимаются все выше и выше стѣною, вѣтеръ можетъ сорвать судно съ якоря, такъ не лучше-ли вамъ попросить на бурную ночь убѣжища въ ближайшей деревушкѣ, благо встрѣтилась она такъ кстати. Тамъ примутъ васъ радушно, уступятъ самый теплый уголъ, накормятъ чѣмъ Богъ послалъ, и если возмутъ за гостепріимство какой нибудь гривенникъ, то развѣ только въ знакъ благодарности, а не какъ плату. Но только помните, что если вы, согрѣтые теплой избой крестьянина, крѣпко уснете и не явитесь во время, а между тѣмъ буря утихнетъ, появится солнце и подуетъ попутный вѣтеръ, то васъ не станутъ дожидаться и не дадутъ вамъ знать, но уѣдутъ, не спросивши даже о васъ. Если-же вы случайно позабудете какую нибудь вещь, и лоцманъ лодки знаетъ, кто вы, или, по крайней мѣрѣ, гдѣ можно васъ найти, то не бойтесь: при первомъ удобномъ случаѣ эта вещь будетъ вамъ доставлена. Не считайте также большой потерей и того, что ваше судно уѣдетъ безъ васъ; черезъ полчаса появится другое, и если услышитъ вашъ крикъ съ бере-

га и пойметъ его, и притомъ, если бѣгъ ея не очень скоръ, съ удовольствіемъ пришлетъ за вами свой маленькій челночекъ или завозенку и приметъ васъ на свою палубу. И такъ смѣло ступайте почивать въ ближайшую деревеньку.

Волга послѣ бури.

Вы смотрите на небо, на Волгу, на землю и не вѣрите глазамъ своимъ: нѣтъ и слѣда вчерашней бури, только потемнѣвшіе песчанные, прежде свѣтло-желтые берега, да крупныя капли воды, дрожащія на деревьяхъ и играющія всѣми радужными цвѣтами, да мокрый еще парусъ мимо плывущаго судна напоминаютъ о вчерашнемъ дождѣ.—Но за то солнце смотритъ на васъ какъ-то ярче, воздухъ, вдыхаемый вами, несравненно благовоннѣе, пѣніе птицъ веселѣе и благозвучнѣе, деревья зеленѣе, самая Волга течетъ какъ будто горделивѣе, торжествуя одержанную надъ враждебной стихіей побѣду. Чудное зрѣлище представляетъ вамъ Волга, когда вы любуетесь на нее съ высокаго крутаго ея берега: противуположный ея берегъ, видимый на огромное пространство, въ одну общую картину сливаетъ разнообразные виды, расположенные во всю длину его. Волга медленно и плавно течетъ подъ самыми вашими ногами, вдали сливаясь съ горизонтомъ; тысячи разнообразныхъ судовъ бороздятъ ее въ разныхъ направленіяхъ, составляя съ нею нѣчто цѣлое, живущее одною жизнію, и мысль теряется въ этомъ огромномъ видимомъ пространствѣ, и думаешь видѣть передъ собою чудо или обманъ зрѣнія. Дивная, великолѣпная Волга, какъ не любить тебя!

Въ лѣсу.

Маститые, вѣтвистые дубы,
Задумчиво понпкнувъ головами,
Что старцы древніе на вѣчѣ, предъ толпами,
Стоятъ, какъ-бы рѣшая ихъ судьбы.

Я тщетно къ ихъ прислушиваюсь шуму:
Все не поймать мнѣ тайны ихъ бесѣдъ....
Ахъ, жаль—что подлѣ нихъ тутъ рѣзвой рѣчки нѣтъ:
Она-бъ давно сказала мнѣ ихъ думу....

Майковъ.

Всѣ люди братья.

О, какъ-бы онъ счастливъ былъ, свѣтъ этотъ старый, да люди другъ-друга понять не хотятъ! Къ сосѣду сосѣдъ не придетъ и не скажетъ: „вѣдь люди всѣ братья—дай руку мнѣ, братъ!“

Зачѣмъ мы разладъ и вражду не покинемъ, зачѣмъ не составимъ одну мы семью? Одинъ-бы другому сказать могъ съ любовью: „Приди! мы всѣ братья, дай руку свою. Богатъ ты и носишь нарядное платье; я бѣденъ,—на мнѣ кафтанишко худой; но честное сердце въ груди у обоихъ,—такъ дай-же мнѣ руку, мы братья съ тобой. Тебѣ ненавистны измѣна и подлость; но правцы законъ тебѣ дорогъ и святъ. Я тоже съ любовью къ добру пламенѣю; приди! мы всѣ братья,—дай руку мнѣ, братъ! Ни сильный, ни слабый тобой не обманутъ; за слово свое—какъ и ты—я стою. Не тоже—ль, что я—называешь ты счастьемъ? Мы братья съ тобою,—дай руку свою. Ты матерью любимъ былъ нѣжно, глубоко, моя и жила, и дышала лишь мной. Пускай мы стоимъ на различныхъ ступеняхъ, но руку подай мнѣ,—мы братья съ тобой! Мы любимъ вечерняго солнца сіянье; всего намъ дороже—родимый нашъ край. И жизнь для борьбы послана намъ обоимъ; мы братья.... Такъ братски мнѣ руку подай! Грозитъ ужъ обоимъ намъ хилая старость, и смерть неизбѣжная ждетъ насъ за ней; и оба мы зъ темную ляжемъ могилу. Да! люди всѣ братья.... Дай руку скорѣй!

А. Плещеевъ.

О томъ, какъ живали въ старину.

Соизвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное;
Приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя,

Какъ въ стары годы, прежніе, жили люди старые.
А то-то, родимые, были вѣки мудрые,
Вѣки мудрые, народъ все православный!
Живали-то старики не по-нашему,
Не по-нашему, по-заморскому,
А по своему, православному:
Вставали ранымъ-раненько, съ утренней зарей;
Умывались ключевой водой, съ бѣлой росой;
Молились всѣмъ святымъ угодникамъ;
Кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада;
Выходили на красенъ крылецъ со рѣшеточкой;
Созывали слугъ вѣрныхъ на добры дѣла;
Старики судъ рядили, молодые слушали;
Старики придумывали крѣпкія думушки,
Молодые бывали на посылушкахъ....
Бывали радости великія на великъ день;
Бывали бѣды съ кручинами на велико сиротство.
А что было, то быльемъ поросло;
А что будетъ, то будетъ не по старому, а по новому.
Русскимъ людямъ долгое житье, а родной сторонѣ долѣ тому!
А царю бѣлому, государю русскому все на честь и хвалу.

Значеніе и управленіе предлоговъ и нарѣчій, употребляющихся въ видѣ предлоговъ.

(Для справокъ.)

Предлоги, а также и предложныя нарѣчія, имѣютъ по нѣскольку значеній, изъ которыхъ одно есть собственное или первоначальное, а другія значенія переносныя.

Въ собственномъ значеніи предлоги показываютъ мѣсто, т. е. разныя стороны предмета и положенія, въ какихъ предметъ находится относительно къ другому предмету.

Каждый предметъ въ пространствѣ представляетъ слѣдующія стороны: верхъ или низъ, передъ или задъ, бокъ, край или середину, наружность и внутренность.

Въ переносномъ значеніи предлоги показываютъ время, количество, мѣру или величину, цѣль, причину и т. п.

Стороны и положенія предмета могутъ быть показаны мѣстомъ: 1) гдѣ начинается, 2) гдѣ оканчивается, 3) гдѣ находится что-либо. Посему и предлоги *въ собственномъ значеніи* раздѣляются на 1) *движительные*, показывающіе откуда идетъ, или гдѣ начинается что-либо. 2) *Установительные*, показывающіе мѣсто, куда идетъ, или гдѣ оканчивается что либо.— Къ установительнымъ принадлежатъ также предлоги, показывающіе мѣру или величину.

3) *Мѣстительные*, показывающіе мѣсто, гдѣ происходитъ или гдѣ находится что-либо.—Къ мѣстительнымъ принадлежатъ—предлогъ соединительный *съ* и лишительный *безъ*.

Родительный падежъ.

Предлогъ *изъ* отвѣчаетъ на вопросъ *откуда*; указываетъ на предметъ, изъ середины котораго что либо идетъ или происходитъ. Ему противуполагается *въ* (*предлогъ установительный*); отвѣчая на вопросъ *отъ чего? указываетъ* на предметъ, который послужилъ къ побужденію дѣйствія.

Изъ-за—показываетъ начало дѣйствія за предметомъ, или причину къ дѣйствію (*изъ-за стѣны, изъ-за бездѣлицы*).

Изъ-подъ показываетъ дѣйствіе подъ предметомъ или побудительную причину: *изъ-подъ неволи*.

Отъ—указываетъ на предметъ, отъ котораго начинается движеніе или измѣреніе. Въ такомъ значеніи предлогъ отвѣчаетъ вопросамъ *откуда и куда*, ему противуполагается предлогъ *до*.—Когда говорится о сообщеніи между предметами, указываетъ на предметъ сообщающій—*отъ кого къ кому*.—Наконецъ тотъ-же предлогъ показываетъ причину.

Съ—указываетъ: 1) предметъ или время, отъ котораго начинается движеніе или измѣреніе. Ему противуполагается предлогъ *по*.—2) Предметъ, на поверхности или на сторонѣ котораго начинается дѣйствіе, или внутрь котораго оно направлено: въ этомъ значеніи ему соотвѣтствуютъ два предлога *на* и *въ*.

До—означаетъ: 1) предѣлъ измѣряемаго пространства и времени: ему противуполагается предлогъ *отъ* и *съ*.—2) Говоря о количествѣ, предлогъ *до* вмѣстѣ съ предлогомъ *отъ* показываетъ высшее число, до котораго простирается количество.— 3) Когда говорится о времени, въ значеніи прежде, ему соотвѣтствуетъ предлогъ *по*.

У—показываетъ положеніе близъ предмета, а также присвоеніе одного предмета другому.

Безъ—указываетъ на предметъ исключаемый, или вообще *лишеніе* или *недостатокъ*; ему противуполагается *съ*, управляющій творительнымъ падежомъ, и *въ*, *при*, управляющіе предложнымъ падежомъ.

Для, *ради*—оба предложныя нарѣчія; означаютъ цѣль или средство, для чего что дѣлается.

Кромѣ, *опричь*—предложныя нарѣчія; указываютъ на предметъ невключаемый въ среду другихъ предметовъ.

Предложныя нарѣчія *между*, *межъ*, *промежъ*, управляя родительнымъ падежомъ, показываютъ путь.—*Вокругъ*, *вблизи*, *вдоль*, *мимо*, *внутри*, *около*, и другія имъ подобныя показываютъ мѣсто.

Примѣры для всѣхъ правилъ родительнаго падежа см. въ статьяхъ.

Дательный.

Предлогъ *къ*, управляя дательнымъ падежомъ, означаетъ предѣлъ движенія или указываетъ на предметъ, которому что либо сообщается: въ послѣднемъ случаѣ ему противуполагается предлогъ *отъ* (*отъ отца къ сыну*).

По—управляя дательнымъ падежомъ, прямыхъ значеній имѣетъ два: показываетъ—а) или предметъ, поверхность котораго служитъ мѣстомъ дѣйствія или б) распредѣленіе мѣстъ по нѣсколькимъ предметамъ.—Переносныхъ значеній предлогъ *по* имѣетъ четыре: 1) когда говорится о времени, на вопросъ *когда*? 2) когда нужно показать качество предмета или вообще свойства его, по которымъ предметъ обращаетъ на себя особенное вниманіе; 3) когда рѣчь идетъ о количествѣ, на вопросъ *по сколько* 4) показываетъ занятіе чѣмъ или опытность лица въ какой-либо области труда или знаній и 5) причину и проч.

Къ—означаетъ предѣлъ движенія или предметъ, которому что либо сообщается. (*См. предлогъ отъ*).

Примѣры для всѣхъ правилъ дательнаго падежа см. въ статьяхъ.

Винительный.

Въ,—управляя винительнымъ падежомъ, означаетъ середину или внутренность предмета, служащую мѣстомъ дѣйствія, или время по вопросу—когда?

Примѣчаніе: существительныя *день*, *ночь*, *утро*, *вечеръ*, *весна*, *лѣто*, *осень*, *зима*, на вопросъ *когда*—полагаются въ творительномъ падежѣ безъ предлога. А существительныя часъ, мѣсяцъ, годъ, недѣля, имѣя при себѣ числительное порядковое и другое опредѣлительное слово, полагаются въ предложномъ падежѣ,—первыя три съ предлогомъ *въ*, а послѣднее съ предлогомъ *на*.—Когда говорится о количествѣ, предлогъ *въ* показываетъ *мѣру*, *вѣсъ*, *цѣну* и *срокъ*.

За, управляя винительнымъ падежомъ, показываетъ: 1) движеніе или пребываніе предмета позади другаго; 2) сторону или часть предмета, за которую берутся и 3) разстояніе или отдаленность времени, котораго ожидали или въ теченіи котораго совершилось какое либо событіе, и 4) причину.

На—означаетъ: 1) поверхность или черту, служащую предѣломъ движенія; 2) мѣру предметовъ дѣлимыхъ; 3) продолженіе времени (если упоминаются части: *на годъ*, *на недѣлю*; по вопросу *когда* означается будущее время: *на будущія святки*).

О, *объ*—показываетъ предѣлъ движенія, поверхность твердую, отражающую или соприкасающуюся, показываетъ также смежность пребыванія двухъ предметовъ.

Про, управляя винительнымъ падежемъ, имѣетъ значеніе предлоговъ *для* и *о*: *про васъ идутъ слухи*; *про васъ припасли хлѣбъ*. (*См. значеніе этихъ предлоговъ*).

По—показываетъ: 1) мѣру въ пространствѣ и времени, и въ этомъ случаѣ употребляется вмѣсто установительнаго предлога *до*; 2) стороны раздѣленнаго предмета.—Когда нужно означить начало измѣряемаго мѣста или времени, тогда предлогу *по* противуполагается предлогъ *съ*, управляющій родительнымъ падежомъ.

Съ—указываетъ на предметъ, котораго величина служитъ мѣрой для другихъ предметовъ. Предлогъ этотъ употребляется и при количественныхъ, когда количество предмета опредѣляется приблизительно.

Подъ—показываетъ 1) низъ предмета, служащій мѣстомъ движенія или пребыванія; 2) близость времени, когда должно совершиться что либо: *подъ утро*, *подъ Рождество*.

Предъ—лицо, которое служитъ предметомъ дѣйствія, также время.

Чрезъ—показываетъ движеніе или переходъ поверхности, мѣстности или черты какой нибудь;—время, впередъ назначаемое;—средство, поводъ, орудіе къ какому либо дѣйствію.

Сквозь означаетъ путь движенія внутри предмета.

Примѣры для всѣхъ правилъ винительнаго см. въ статьяхъ.

Творительный.

За, управляя творительнымъ падежомъ, показываетъ 1) пребываніе за предметомъ; 2) движеніе за предметомъ или занятіе за чѣмъ нибудь; 3) причину и цѣль дѣйствія.

Надъ— означаетъ возвышеніе одного предмета надъ другимъ безъ прикосновенія къ поверхности.—А также предметъ, подвергаемый дѣйствію, преобладаніе или зависимость: *торжествовать надъ врагомъ*

Подъ—означаетъ движеніе или пребываніе внизу, также состояніе или нахожденіе подъ чѣмъ;—въ переносномъ значеніи говорится: *подъ видомъ*, *подъ стражей*, *подъ опекой*.

Предъ—отвѣчая на вопросъ *гдѣ*, означаетъ лицевую сторону предмета; можетъ показывать, на вопросъ *когда*, обстоятельство времени—*предъ заутреней*, или такое дѣйствіе, а также качество, ниже котораго находятся качества и дѣйствія другихъ лицъ: *онъ* передъ нимъ ничтожество.

Съ—означаетъ: 1) совокупность или совмѣстность предметовъ, и 2) принадлежность.

Съ помощью этого предлога могутъ соединяться два подлежащихъ такимъ образомъ, что одно изъ нихъ ставится въ творительномъ над. (*Указать это въ статьяхъ*).

Между, *межъ*—означаетъ промежутокъ, раздѣляющій два предмета или бытіе посреди предметовъ.

Примѣры для всѣхъ правилъ творит. над. см. въ статьяхъ.

Предложный.

Въ, управляя предложнымъ падежомъ, по вопросу *гдѣ*, показываетъ мѣсто дѣйствія, а на вопросъ *когда*—время совершенія дѣйствія.

На—означаетъ поверхность предмета, которая служитъ мѣстомъ дѣйствія или опорой другому предмету,—одному или многимъ, а на вопросъ *когда*—обстоятельство времени: *на Святкахъ*.

О—означаетъ предметъ рѣчи; съ именами числительными показываетъ внѣшнія части или качества предмета: *коверъ о шести шелкахъ*; и, наконецъ, показываетъ обстоятельство времени: *о Рождествѣ была у насъ пирушка*.

При—указываетъ на предметъ, съ которымъ что либо находится въ смежности, или лицо, присутствующее при дѣй-

ствіи.—Говоря о времени, указываетъ лицо, въ бытность котораго что либо совершилось: при *Александрѣ II уничтожено право помѣщиковъ имѣть крѣпостныхъ крестьянъ.*

По—по вопросу *когда*, въ значеніи послѣ.

Примѣры на всѣ правила предложнаго падежа см. въ статьяхъ.

ОТДѢЛЪ V.

СОЕДИНЕНІЕ ПРЕДЛОЖЕНІЙ ПОСРЕДСТВОМЪ СОЮЗОВЪ.

Соединеніе прямое, противительное, раздѣлительное, сравнительное, винословное и заключительное.

Разобрать союзы, какъ средства къ сочиненію независимыхъ предложеній, и объяснить знаки препинанія *).

Отрывки изъ образцовыхъ писателей.

Изъ соч. Л. Толстаго:—Сквозь голубой паръ подымаются голубыя горы съ снѣжными, сіяющими отъ солнца вершинами; по озеру плывутъ лодки, за которыми тянутся серебрянныя струи, и надъ ними вертятся освѣщенные солнцемъ рыболовы, которыхъ крылья блещутъ, какъ яркія искры; на горахъ между синевою лѣсовъ, блестятъ деревни, хижины, земли; съ домовъ бѣлыми змѣями высятся колоссы дыма.

Изъ Жуковскаго:—Колонна каждая съ кольцомъ,
И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висять;
И тѣхъ цѣпей желѣзо ядъ;
Мнѣ въ члены врѣзалось оно;
Не будетъ въ вѣкъ истреблено
Клеймо, надавленное мнѣ;
И день тяжелъ глазамъ моимъ,
Отвыкнувшимъ съ столь давнихъ лѣтъ
Глядѣть на радующій свѣтъ;

*) Примѣчанія см. въ концѣ послѣдней статьи.

И къ волѣ я душой остылъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній былъ
Убитъ неволей подо мной
И рядомъ съ мертвымъ я, живой,
Терзался на полу тюрьмы....

Изъ Пушкина:—И онъ къ устамъ моимъ приникъ
И вырвалъ грѣшный мой языкъ
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замерзшія мои
Вложилъ десницею онъ правой;
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.

Здѣсь глубокіе длинные озера омываютъ волнами утесы гранитные, на которыхъ вѣтеръ съ шумомъ качаетъ сосновыя рощи, тамъ цѣлыя развалины древнихъ гранитныхъ горъ, обрушенныхъ подземнымъ огнемъ, или разлитіемъ океана.

Тамъ рѣки по степямъ излучисто текли,
Здѣсь рощи и луга цвѣли
Во всемъ весеннемъ ихъ уборѣ,
А тамъ сердитое Каспійско море
Какъ ворона крыло—чернѣлося вдали....

Не зналъ онъ пышности, за то не зналъ и горя,
И долго участью своей
Довольнѣй, можетъ быть, онъ многихъ былъ царей.
Но видя всякій разъ, какъ съ моря
Сокровища несутъ горами корабли,
Какъ выгружаются богатые товары
И ломятся отъ нихъ амбары,

И какъ хозяева ихъ въ пышности цвѣли,
Пастухъ на то прельстился....

Есть люди, будь лишь имъ пріятель,
То первый ты у нихъ и геній и писатель;
За то уже другой, какъ хочешь сладко пой—
Не только чтобъ отъ нихъ похвалъ себѣ дождаться—
Въ немъ красоты они и чувствовать бояться.

Проклятая, сгубила ты себя, а понадѣясь на тебя, и я теперь не во время безъ шубы.—Теперь покамѣстъ не до нихъ, и со своими-жъ легче сладить: сѣнца имъ бросить по клочку, а станутъ приступать—такъ дать имъ по толчку, чтобъ менѣе въ глаза совались.—За мной ступайте! будетъ вамъ по калачу, да смотрите-жъ—не болтайте, а не то—поколочу.....

Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ, но развиваясь вѣкъ отъ вѣку лютѣетъ.

Отъ каждаго толчка горшку большой накладъ, однакожъ онъ (хозяинъ) не думаетъ назадъ....—Червонцевъ я себѣ повытаскаю груду, такъ завтра-же богатъ я буду, и заживу какъ сибаритъ. Однако-жъ по утру онъ думаетъ другое.—У Филина въ очахъ темнѣе ночи стало, однако-жъ Филинъ мой упрямъ.

Бояринъ отвѣчалъ съ улыбкою: „все знаю, да только вѣдать я желаю, съ чего ты взялъ, что я охотникъ до лещей.

Догадки малаго умны, да только онъ забылъ пословицу въ народѣ, что ласточка одна не дѣлаетъ весны.

Мужикъ схватилъ обухъ и говоритъ: „Хоть ты и въ новой кожѣ, да сердце у тебя все тоже“.

Въ восточной сторонѣ какой-то былъ браминъ, хоть на словахъ и теплой вѣры, но не таковъ своимъ житьемъ: есть и въ браминахъ лицемѣры.

Хоть лучшебъ по лѣсамъ гулять они хотѣли: когда сидишь въ тюрьмѣ—до пѣсень-ли ужъ тутъ? Но дѣлать нечего—поютъ....

Набрать съ нихъ шерсти поскорѣй:
Отъ этого ихъ не убудетъ;
Напротивъ имъ-же легче будетъ.
А сами вдвое хоть богаче шерстью были
Не поступилися своимъ ни волоскомъ;
Напротивъ, всякъ изъ нихъ, кто близко тутъ случился,
Изъ той-же дани поживился....

Но гаснетъ краткій день и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ,—то яркій свѣтъ лѣтъ,
То тлѣетъ медленно, а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ умѣ моемъ питаю.

Иль русскаго Царя уже безсильно слово? Иль намъ съ Европой спорить ново? Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?

Читалъ я гдѣ-то, что царь однажды воинамъ своимъ велѣлъ снести земли по горсти въ кучу; и гордый холмъ возвысился и царь могъ съ высоты съ весельемъ озирать и домъ, покрытый бѣлыми шатрами, и море, гдѣ бѣжали корабли. Такъ я, по горсти бѣдной принося привычну дань мою сюда въ подвалъ, вознесъ мой холмъ, и съ высоты его могу взирать на всё, что мнѣ подвластно.

Ни на челѣ его высокомъ, ни во взорахъ нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ; все тотъ-же видъ смиренный, величавый. Такъ точно дьякъ, въ приказѣ посѣдѣ-

лый, спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ, добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалобы, ни гнѣва.

Не сіяетъ въ небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучки сѣрыя;
То за трапезой сидитъ въ золотомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.

Не нужна мнѣ твоя золота казна,
Не надо триста жеребцовъ, не надо могучихъ богатырей,
А и только пожалуй одного мнѣ молодца....

Природа, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ своихъ, представляетъ произведеніе въ высшей степени художественное, прекрасное. Природа каждой отдѣльной мѣстности имѣетъ свою особенную физіономію и свое особенное вліяніе на характеръ и образъ жизни ея обитателей. Вотъ причина, почему у всѣхъ писателей встрѣчается такъ много картинъ природы во всѣхъ возможныхъ ея положеніяхъ и видахъ.

Статьи для повторенія Синтаксиса по всѣмъ предъидущимъ отдѣламъ. Обратить вниманіе на предложенія независимыя, сочиненныя и подчиненныя. Разобрать въ каждой статьѣ согласованіе и управленіе словъ. Объяснить значеніе предлоговъ и союзовъ.

Кавказъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже могъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣзникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи....

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной
И лижетъ утесы голодной волной....
Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

Пушкинъ.

Лисица и Оселъ.

„Отколѣ умная бредешь ты голова?“ лисица, встрѣтяся съ осломъ, его спросила.—„Сей-часъ лишь ото льва! Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила: бывало, зарычитъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ, и я безъ памяти бѣгомъ, куда глаза глядятъ, отъ этаго урода; а нынѣ въ старости и дряхлъ, и хилъ, совсѣмъ безъ силъ, валяется въ пещерѣ, какъ колода. Повѣришь-ли, въ звѣряхъ пропалъ къ нему весь страхъ, и поплатился онъ старинными долгами! Кто мимо льва не шелъ, всякъ вымещалъ ему по-своему: кто зубомъ, кто рогами“....—„Но ты коснуться льву, конечно, не дерзнулъ?“—лиса осла перерываетъ.—„Воть-на!“ оселъ ей отвѣчаетъ: „а мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ: пускай ослиныя копыты знаетъ!“

Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты, не смѣютъ на тебя поднять они и взгляды; но упади лишь съ высоты, отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

Темница.

Черныя стѣны суровой темницы
Сырость одѣла, покрыли мокрицы,
Падаютъ ѣдкія капли со свода,—
А за стѣною ликуетъ природа.

Связка соломы лежитъ подо мною,
Червь ея точитъ. Дрожащей рукою
Сбросилъ я жабу съ нея.... а изъ башни
Видно и небо, и горы, и пашни.

Вырвался съ крикомъ изъ груди холодной
Вопль, замиравшій неслышно, безплодно;
Глухо оковы мои загремѣли,
А за стѣною малиновки пѣли.

Щербина.

Шествіе патріарха на осляти въ вербное воскресенье въ Москвѣ.

Кто изъ жителей Москвы не знаетъ Лобнаго мѣста на Красной площади? Кто изъ иногородныхъ не слыхалъ объ этомъ памятникѣ, единственномъ въ Россіи, существующемъ въ Москвѣ около четырехъ вѣковъ? Онъ уже давно утратилъ свое первоначальное значеніе въ жизни государственной и народной, но еще удержалъ одно религіозное, какъ священный амвонъ торжественныхъ молебствій.

Издревле и донынѣ тамъ крестные ходы останавливаются въ шествіи своемъ, и архіерей съ запрестольными крестами и св. иконами восходитъ на Лобное мѣсто, тогда обставляемое хоругвями, и послѣ сугубой ектеніи осѣняетъ предстоящихъ животворящимъ крестомъ на четыре стороны. Не прежде XVI вѣка сталъ извѣстнымъ

въ Москвѣ одинъ изъ самыхъ торжественныхъ и великолѣпныхъ обрядовъ церкви: это—въ Вербное воскресенье шествіе московскаго святителя на осляти въ подражаніе входу І. Христа во Іерусалимъ. До литургіи ходъ, извѣстный подъ названіемъ ходъ Іерусалима, отправлялся изъ Успенскаго собора черезъ Спасскія ворота къ церкви въ Покровскомъ соборѣ: Входъ въ Іерусалимъ. Облеченный святительскимъ саномъ, патріархъ, оттуда съ освященнымъ соборомъ, въ сопутствіи царя и его синклита въ преднесеніи запрестольныхъ крестовъ, св. иконъ и хоругвей, слѣдовалъ на Лобное мѣсто, и тамъ раздавалъ освященныя имъ вербы и ваіи царю, архіереямъ, боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ. Въ продолженіе чтенія Евангелія протодіакономъ, къ подножію Лобнаго амвона приводили бѣлаго коня, снаряженнаго на подобіе осла; сѣвши на него бокомъ, патріархъ съ ходовымъ Евангеліемъ въ одной рукѣ и съ напрестольнымъ крестомъ въ другой, ѣхалъ черезъ Спасскія ворота къ Успенскому собору; осла велъ за поводъ самъ царь, иногда бояринъ. На пути шествія святителя (то было на пространствѣ 234 саженъ) сто отроковъ постилали красныя сукна, и по примѣру еврейскихъ дѣтей, срѣтавшихъ І. Христа во время шествія его въ Іерусалимъ, бросали съ себя одежды къ стопамъ іерарха. Въ этомъ шествіи везли на великолѣпныхъ саняхъ бѣлые кони огромную вербу, обвѣшенную искуственными цвѣтами и плодами. Предъ патріархомъ и царемъ подьяки большихъ и меньшихъ станицъ пѣли евангельскіе стихи, позади ихъ пѣвчіе праваго и лѣваго клироса попеременно повторяли сіи стихи; голоса ихъ сливались со звономъ колоколовъ. На Спасскомъ мосту, у Спасскихъ воротъ, стояли шесть кадокъ съ богато убранными вербами и при нихъ малые пѣвчіе. По приближеніи святителя они восклицали: „Осанна! Благословенъ грядый во имя Господне!“ Такое святолѣпное шествіе останавливалось у южныхъ дверей Успенскаго собора, въ которомъ патріархъ служилъ божественную литургію.—Съ кончиною послѣдняго патріарха прекращено отправленіе такого обряда въ цвѣтоносную недѣлю; но воспоминаніе о немъ сохранилось въ ежегодной выставкѣ и продажѣ вербы около Лобнаго мѣ-

ста въ Лазареву субботу и въ каретномъ гуляньѣ по Лобной площади, которое началось съ царствованія Анны Іоанновны.

Кудесникъ.

На мѣстѣ священномъ, гдѣ съ дѣдовскихъ дней, счастливый дарами природы, народъ Ярославовъ, на волѣ своей, себѣ избираетъ и ставитъ князей, полкамъ назначаетъ и ходы и жалуетъ миромъ сосѣдей-враговъ— толпятся: кудесникъ явился изъ Чуди.... къ нему-то съ далекихъ и ближнихъ концовъ стеклись любопытные люди. И старецъ кудесникъ, съ соблазномъ въ устахъ, въ толпу изъ толпы переходитъ; народу о черныхъ крылатныхъ духахъ, о многихъ и страшныхъ своихъ чудесахъ твердитъ и руками разводитъ..... Онъ сдѣлаетъ чудо— а добрыхъ людей на чудо пожаловать проситъ онъ сладко, хитро праздословитъ и лжетъ, смущаетъ умы и морочитъ: ужъ онъ-то потѣшитъ великій народъ, ужъ онъ-то, Кудесникъ, чрезъ Волховъ пойдетъ водой—и ноги не замочитъ. Вотъ вышелъ епископъ Ѳеодоръ съ крестомъ къ народу—народъ отъ него отступился; лишь князь со своимъ правовѣрнымъ полкомъ ко святому кресту приложился,—и вдругъ къ соблазнителю твердой стопой подходитъ онъ, грозенъ и пылокъ: „кудесникъ! скажи мнѣ, что будетъ съ тобою?“ Замялся кудесникъ и..... самъ онъ не свой, и жмется, и чешетъ затылокъ.—Я сдѣлаю чудо.—„Безумный старикъ, солгалъ ты!“ и княжеской дланью своей онъ поднялъ топоръ свой тяжелый—и въ мигъ чело раздвоилъ чародѣю.

Языковъ.

Музыканты.

Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать, но умыселъ другой тутъ былъ: хозяинъ музыку любилъ, и заманилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушать. Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова, и у кого что силы стало. Въ ушахъ у гостя затрещало и закружилась голова. „Помилуй ты

меня", сказалъ онъ съ удивленьемъ: „чѣмъ любоваться тутъ? Твой хоръ горланитъ вздоръ!"—„То правда", отвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ: „Они немножечко деруть, за то ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ, и всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ".

А я скажу: по мнѣ ужь лучше пей, да дѣло разумѣй.

Море.

Море широко и глубоко; конца морю не видно. Въ морѣ солнце встаетъ и въ море садится. Дна моря никто не досталъ и не знаетъ. Когда вѣтра нѣтъ, море сине и гладко; когда подуетъ вѣтеръ, море всколыхнется и станетъ неровно. Подымутся по морю волны; одна волна догоняетъ другую; онѣ сходятся, сталкиваются и съ нихъ брызжетъ бѣлая пѣна: тогда корабли волнами кидаетъ, какъ щепки. Кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался.

Пожатая нива.

Еще давно-ли по холмамъ, волнуяся шумѣли нивы, и золотые переливы бѣжали по живымъ волнамъ! Рожь разливалася, какъ море на нескончаемомъ просторѣ....

Но грудью матери земли едва вскормился колосъ полный, какъ другъ за другомъ эти волны всѣ подъ серпами полегли, и длиннымъ рядомъ копны встали до быстро-обнаженной дали.

Но красоты былой полей, мечтатель грозный, не жалѣй: живое племя жившей нивы приноситъ людямъ благодать, и плодотворно умирать—живущаго удѣлъ счастливый.

П. Ковалевскій.

Лебединое гнѣздо. (*Изъ сказокъ Андерсена*).— Между сѣвернымъ и восточнымъ морями лежитъ лебеди-

ное гнѣздо. Тамъ раждались и раждаются лебеди.... Этимъ лебедямъ никогда не приходится умирать.

Въ давнія старыя времена стая лебедей полетѣла черезъ Альпы на зеленыя миланскія равнины; эту лебединую стаю прозвали Лонгобардами. Другая лебединая стая съ блестящими перьями и зоркими глазами, понеслась въ Византію, пала тамъ у царскаго престола и распустила свои огромныя крылья надъ царемъ, какъ щиты. Ее прозвали Варягами.

Съ французскаго прибрежья раздался крикъ ужаса: съ сѣвера летѣли кровавые лебеди съ огнемъ подъ крыльями; народъ молилъ:

— Господи! освободи насъ отъ дикихъ Норманновъ!

На свѣжемъ зеленомъ англійскомъ дернѣ, на открытомъ берегу стоялъ царскій лебедь съ тройной короной на головѣ и распростиралъ надъ всей страной свой золотой скипетръ.

Язычники на берегахъ Помераніи преклонили колѣна и датскіе лебеди пролетѣли съ крестчатымъ флагомъ и съ обнаженнымъ мечемъ.

Свѣтилось въ воздухѣ; далеко сіялъ свѣтъ надъ странами міра. Лебедь сильнымъ взмахомъ крыльевъ разсѣялъ темнѣющія облака, разсѣялъ—и стало видно звѣздное небо,—оно словно стало ближе къ землѣ. Тотъ лебедь былъ Тихо-де-Браге.

— Это было давно,—говоришь ты,—въ былыя старыя времена?...

— Нѣтъ, видали и въ новѣйшія времена, видали и въ наши дни, какъ изъ этого чуднаго гнѣзда летѣли могучіе лебеди.... Одинъ провелъ крыломъ по струнамъ золотой арфы, и она прозвучала по сѣверу, другой ударилъ крыломъ о лукоморную скалу—скала треснула и закованные въ камень образы красоты выступили на яркій свѣтъ, и люди окружныхъ странъ приподымали головы, чтобы взглянуть на эти плѣнительные могучіе образы....

Да, могучее гнѣздо между сѣвернымъ и южнымъ морями.

Пробѣгутъ еще столѣтія, а лебеди все будутъ вылетать изъ гнѣзда; и долго міръ еще будетъ ихъ видѣть

и слышать, и далеко еще то время, когда можно будетъ сказать: „вотъ послѣдній лебедь и послѣдняя лебединая пѣсня“.

Изъ путешествій по Россіи.

Если мы посмотримъ на Зырянскій край въ вечернюю пору, то по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ, тамъ и сямъ, увидимъ красные огоньки, мерцающіе на фонѣ зелени: то рабачій людъ, рыболовы, странники, или перевозчики варятъ себѣ на ужинъ кашу или уху. Тутъ-же, у этихъ огоньковъ, въ тѣни лѣсной находитъ пріютъ себѣ и бѣглый, пробирающійся изъ Сибири „въ мать Рассею, въ мать рассейскую землю“.... Кое-гдѣ и въ чащѣ лѣса мы увидимъ дымъ и въ сѣромъ дыму мелькающій огонь. Дымъ то поднимается высоко, окутывая, какъ туманомъ, лѣсныя вершины и тянется по вѣтру далѣе, то низко стелется надъ землей. Это значитъ: горитъ лѣсъ или крестьяне жгутъ подсѣки.

Присматриваясь ближе къ Зырянскому краю, мы замѣчаемъ, что восточная часть этого края сплошь лѣсиста, западная-же, сравнительно, можетъ назваться населенною стороной. За тѣмъ, мы видимъ, что проѣзжія дороги и еще пуще рѣки являются настоящими жизненными артеріями края.

Но рѣкамъ весною плывутъ барки, лодки, плоты бревенъ; по берегамъ-же рѣкъ разсѣлись селенія. Но отовсюду, со всѣхъ четырехъ сторонъ, лѣса такъ и заливаютъ, затопляютъ всѣ эти села и деревушки своею зеленою силой, своею глушью непроглядною. Этотъ громадный лѣсной просторъ заключаетъ въ себѣ 137,196 кв. верстъ. Жители этого лѣснаго угла—ихъ до семидесяти тысячъ—называютъ сами себя народомъ „коми,“ русскіе-же зовутъ ихъ Зырянами.

Поэзія Зырянъ намъ неизвѣстна, но она должна быть мрачна и сурова, какъ суровъ ихъ край, какъ мрачны ихъ лохматыя ели. Мы не знаемъ ихъ исторіи, но ихъ нравы, обычаи, ихъ праздники, вѣрованія, сказки и побывальщины, наконецъ, ихъ жилища, одежда;—вотъ живыя отрывки ихъ исторіи, разрозненные и иногда мало разборчивые листки изъ ихъ литературы, неписанной, непечатаной и непереплетенной въ красивые томы.

Зыряне трудолюбивы. Если-бы не ихъ крайнее трудолюбіе, то они уже давно должны-бы вымереть съ голода. Зыряне честны. Въ честности имъ даже не отказываютъ и тѣ, которые не совсѣмъ благоволятъ къ нимъ за ихъ косность и упрямство. Еще въ недавнее время у Зырянъ вовсе не было замковъ. Припирали дверь деревяннымъ колышкомъ. Нынѣ замки въ ходу. Но убійствъ, грабежей и разбоевъ и по сіе время въ Зырянскомъ краѣ оказывается мало.—Зыряне предпріимчивы, смѣтливы, отважны. Условіями жизни они уже поставлены такъ, что должны были выработать въ себѣ эти почтенныя качества. Въ лѣсахъ все ихъ богатство. На этомъ-то поприщѣ съ малолѣтства, изъ поколѣнія въ поколѣніе, изощряютъ они въ себѣ отвагу и смѣтливость. Ихъ единоборства съ медвѣдями и мѣткая стрѣльба въ бѣлокъ общеизвѣстны.... Скуденъ край, скупа природа на хлѣбъ, на тепло—и зырянинъ въ борьбѣ за существованіе волей—неволей развилъ въ себѣ находчивость, предпріимчивость. Нужда—мать изобрѣтеній. Зыряне изобрѣтательны и добродушны.—Наконецъ Зыряне сострадательны. Мнѣ никогда, напримѣръ, не приводилось видѣть, чтобы зырянинъ билъ лошадь такъ жестоко и такъ глупо, какъ бьетъ лошадь русскій ожесточившійся человѣкъ. Тѣлесныя наказанія у Зырянъ не въ ходу....

Левъ состарѣвшійся.

Могучій левъ, гроза лѣсовъ, постигнутъ старостью, лишился силы: нѣтъ крѣпости въ когтяхъ, нѣтъ острыхъ

тѣхъ зубовъ, чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ, и самого едва таскаютъ ноги хилы. А что всего больнѣй, не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей, но всякъ за старыя обиды льва, въ отмщенье, наперерывъ ему наноситъ оскорбленье: то гордый конь его копытомъ крѣпкимъ бьетъ, то зубомъ волкъ рванетъ, то острымъ рогомъ волъ боднетъ. Левъ бѣдный въ горѣ лишь великомъ, сжавъ сердце, терпитъ все и ждетъ кончины злой, лишь изъявляя ропотъ свой глухимъ и томнымъ рыкомъ. Какъ видитъ, что оселъ туда-жъ, натужа грудь, сбирается его лягнуть, и смотритъ мѣсто лишь, гдѣ-бъ было побольнѣе, „о, боги!“ возопилъ, стеная левъ тогда: „Чтобъ не дожить до этого стыда, пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе! Какъ смерть моя ни зла: все легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ осла.

Изъ путешествій по Сибири.

Я выѣхалъ изъ Якутска при 30 градусахъ мороза; воздухъ чистъ, сухъ, остръ, рѣжетъ легкія, и горе страждущимъ грудью! но за то не пріобрѣтешь простуды, флюса, какъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, гдѣ стоитъ только распахнуть для этого шинель. Замерзнуть можно, а простудиться трудно. И какое здѣсь прекрасное небо, даромъ что якутское: чистое, съ радужными оттѣнками. Даха, т. е. козья шкура, рѣшительно защищаетъ отъ всякаго мороза, и ненадо никакаго тулупа подъ нее: только тяжести прибавитъ; она легка, пушиста и грѣетъ въ 40 градусовъ, не защититъ лишь отъ вѣтра, отъ котораго ничто не защититъ. Какъ-же тогда? Опустите заметъ у повозки, или спрячьтесь, или, наконецъ, какъ знаете. Лошади отъ вѣтра воротятъ морды назадъ, ямщики тоже, и сѣдоки прячутъ лицо въ подушки—напрасно; такъ и рѣжетъ шею, спину, грудь и непремѣнно доберется до носа. У меня даже пятка озябла—это самая безчувственная часть у всякаго. Сижу въ своей открытой повозкѣ, какъ въ комнатѣ; а прежде боялся, думалъ, что въ 30 градусовъ не проѣдешь тридцати верстъ; теперь узналъ, что проѣдешь, лучше при 30 градусахъ и

скорѣе, потому что ямщики мчатъ, что есть мочи; у нихъ зябнутъ руки и ноги, зябъ-бы и носъ, но они надѣваютъ на шею боа.

Сибирскія дороги въ деревняхъ.

Я знаю въ одной деревенькѣ холмъ, подъ нимъ рѣчку, за рѣчкой лѣсъ: съ холма къ рѣчкѣ за водой, а зимой за рѣчку за дровами съѣхать невозможно. По крайней мѣрѣ если послать туда англичанъ, да нѣмцевъ, такъ они, вымѣривъ, взвѣсивъ, и исчисливъ, сказали-бы, что тутъ не съѣдешь, а мужички ѣздятъ, потому что объѣзжать кругомъ горы будетъ чуть не версту. Они не то что ѣздятъ—имъ это рѣдко удается, они низвергаются вдругъ, и съ дровнями, и съ боченками, и съ лошадью—зимой быстро, въ одно мгновеніе, а лѣтомъ потише, но вскачь, такъ что лошадь съ размаха по-брюхо забѣжитъ въ воду. Въ другомъ мѣстѣ, въ маленькомъ городкѣ, я знаю большую гору, по которой извилинами идетъ между садами дорога вверхъ. По этой дорогѣ спустится или поднимется пустая телѣга весьма осторожно, или всадникъ, и то на такой лошади, которую въ три кнута насилу со двора сгонишь. Въ другихъ экипажахъ никто по этой горѣ никогда и не съѣзжалъ. Но одинъ купецъ, очень веселый человѣкъ, умный и словоохотливый, любившій попировать, тотъ, если позовутъ его на гору, на пиръ вечеромъ, спускался къ себѣ подъ гору, на возвратномъ пути, всегда по этой горѣ въ дрожкахъ и самъ правилъ. Утромъ, ѣдучи не съ пира, а изъ своей лавки, онъ возвращался по обыкновенной дорогѣ, и никогда не случалось, чтобъ Михей Евлампіевичъ (такъ звали купца) и конь не воротились домой, хотя частенько они возвращались порознь.

Лѣсъ на р. Ленѣ.

Я сейчасъ изъ лѣса: какъ онъ хорошъ осыпанный, обремененный снѣгомъ! Столѣтнія сосны, ели, лиственницы толпятся группами, или разбросаны врозь. Взошелъ

молодой мѣсяцъ и освѣтилъ лѣсъ—чего тутъ нѣтъ? То будто женщина стоитъ на колѣняхъ, окруженная малютками и о чемъ-то умоляетъ: все это деревья и кусты съ нависшимъ снѣгомъ; то будто танцующія фигуры, то медвѣдь на заднихъ лапахъ; а мертвецовъ какая пропасть! Особенно когда заснешь—бѣда: у шапки образуются сосульки и идутъ къ бровямъ, отъ бровей другія къ рѣсницамъ, а отъ рѣсницъ къ усамъ и къ шарфу. Сквозь эту ледяную рѣшетку лѣсъ кажется совсѣмъ фантастическимъ. Пока я носился мыслью такъ далеко, повозка моя вдругъ засѣла въ ямѣ, въ вымерзнувшей рѣчкѣ: это яма изъ ямъ. Я вышелъ вонъ и сталъ на холмѣ. Лошади не могутъ вытащить. Тимофей совѣтовалъ бить передовыхъ лошадей (мы ѣхали гусемъ), я посовѣтовалъ запречь тройку рядомъ и ушелъ опять на холмъ; наконецъ ямщикъ нарубилъ кольевъ, и мы стали поднимать повозку сзади, а онъ кричалъ на лошадей:—„Эй, ну—дружки, чтобъ васъ задавило, проклятые!“ Но дружки ни съ мѣста. Къ счастью морозу было всего какихъ нибудь 31 градусъ.

Ѳоминая недѣля.

Только минетъ Святая и смолкнетъ радостный пасхальный звонъ, по сельщинѣ-деревенщинѣ идутъ поминки, которыя называются *радуницей* и совершаются обыкновенно во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ. Старъ и младъ идутъ на кладбище съ мертвыми христосоваться, возвѣстить имъ радостную вѣсть воскресенія. Отпѣвъ церковную панихиду, родственники и знакомые умершихъ справляютъ тризну.

Разсыпается народъ по Божьей нивѣ, зарываетъ въ могилки красныя яйца, поливаетъ жальники (могилы) медомъ сыченымъ, брагой хмѣльною, тутъ-же раскладываютъ блины, оладьи, пироги, крашенки, шепенники, лапшенники, ставятъ вино, пиво, брагу. Затѣмъ окликаютъ загробныхъ гостей, просятъ ихъ попить—поѣсть на поминальной тризнѣ.

А. Печерскій.

Медвѣдь въ сѣтяхъ.

Медвѣдь попался въ сѣть. Надъ смертью издали шути какъ хочешь смѣло: но смерть вблизи—совсѣмъ другое дѣло. Не хочется медвѣдю умереть. Не отказался-бы мой Мишка и отъ драки, да весь опутанъ сѣтью онъ, а на него со всѣхъ сторонъ рогатины, и ружья, и собаки: такъ драка не по-немъ. Вотъ хочетъ Мишка взять умомъ, и говоритъ ловцу: „Мой другъ, какой виною я проступился предъ тобою? За что моей ты хочешь головы? Иль вѣришь клеветамъ напраснымъ на медвѣдей, что злы они? Ахъ, мы совсѣмъ не таковы! Я, напримѣръ, пошлюсь на всѣхъ сосѣдей, что изо всѣхъ звѣрей мнѣ только одному никто не сдѣлаетъ упрека, чтобъ мертваго я тронулъ человѣка“.—„То правда“, отвѣчалъ на то ловецъ ему: „Хвалю къ усопшимъ я почтеніе такое; за то, гдѣ случай ты имѣлъ, живой ужъ отъ тебя не вырывался цѣлъ. Такъ лучше-бы ты мертвыхъ ѣлъ, и оставлялъ живыхъ въ покоѣ“.

Колосъ.

На нивѣ, зыблемый погодой, колосокъ, увидя за стекломъ въ теплицѣ, и въ нѣгѣ, и въ добрѣ взлелѣянный цвѣтокъ, межъ-тѣмъ, какъ онъ и мошекъ вереницѣ, и бурямъ, и жарамъ, и холоду открытъ, хозяину съ досадой говоритъ: „За что вы, люди, такъ всегда несправедливы, что кто умѣетъ вашъ утѣшить вкусъ, иль глазъ, тому ни въ чемъ отказа нѣтъ у васъ, а кто полезенъ вамъ, къ тому вы нерадивы? Не главный-ли доходъ твой съ нивы: а посмотри, въ какой небрежности она! Съ тѣхъ поръ, какъ бросилъ ты здѣсь въ землю сѣмена, укрылъ-ли подъ стекломъ когда насъ отъ ненастья? Велѣлъ-ли насъ полоть, иль согрѣвать, и приходилъ-ли насъ въ засуху поливать? Нѣтъ: мы совсѣмъ расти оставлены на счастье; тогда какъ у тебя цвѣты,—которыми ни сытъ, ни богатѣешь ты, не такъ, какъ мы, закинуты здѣсь въ полѣ,—за стеклами растутъ въ пріютѣ, въ нѣгѣ, въ холѣ. Что если-бы о насъ ты столько клалъ заботъ? Вѣдь въ будущій-бы годъ ты собралъ-бы самъ-сотъ, и съ хлѣбомъ

караванъ отправилъ-бы въ столицу. Подумай, выстрой-ка пошире намъ теплицу".—„Мой другъ", хозяинъ отвѣчалъ: „я вижу, ты моихъ трудовъ не примѣчалъ. Повѣрь, что главныя мои о васъ заботы. Когда-бъ ты зналъ, какой мнѣ стоило работы расчистить лѣсъ, удобрить землю вамъ: и не было конца моимъ трудамъ. Но толковать теперь ни время, ни оходы, ни пользы нѣтъ. Дождя-жъ и вѣтру ты проси себѣ у неба; а если-бъ умный твой исполнилъ я совѣтъ, то былъ-бы безъ цвѣтовъ, и былъ-бы я безъ хлѣба".

Такъ часто добрый селянинъ, простой солдатъ, иль гражданинъ, кой съ кѣмъ свое сличая состоянье, приходитъ иногда въ роптанье. Имъ можно то-жъ почти сказать и въ оправданье.

Развалины.

Ночь; тихи небеса; съ восточнаго ихъ края
Луна, красивый блескъ на землю разсыпая,
Въ пучинѣ воздуха лазурной возстаетъ;
Безмолвенъ горный лѣсъ; чуть льются зыби водъ;
Вонъ тамъ, господствуя надъ брегомъ и холмами,
Двѣ башни и стѣна съ высокими зубцами —
Остатки подвиговъ могучей старины—
Какъ снѣгъ бѣлѣются, луной озарены;
Далеко, голыхъ скалъ чрезъ каменны ступени
Сошли на свѣжій лугъ пробитыя ихъ тѣни,
И темны, какъ молва давно минувшихъ дней,
Лежатъ предъ новыми жилищами людей.

Языковъ.

Деревня весною.

Солнышко свѣтитъ ярко: по улицамъ бѣгутъ ручьи грязной воды; завалинки около избъ обнажились и просохли; ребятишки съ утра до ночи, въ однѣхъ рубашенкахъ, играютъ на припекѣ солнышка и только къ вечеру морозецъ и голосъ матери, зовущей ужинать, засвѣт-

ло загоняютъ ихъ въ избу. За-свѣтло, потому что съ Благовѣщенья уже не зажигаютъ лучины, ужинаютъ безъ огня, ночи не сидятъ за работой и послѣ ужина до разсвѣта все спитъ въ мирной избѣ. Съ каждымъ днемъ все теплѣе и теплѣе; ребятъ не загонишь въ душную избу,— на дворѣ такъ хорошо!

Прошла полая вода, подсохла земля, на дворѣ теплынь, солнышко паритъ землю. Тихо и тепло въ деревнѣ. Только и слышится веселый смѣхъ ребятишекъ, да пѣтухъ горланитъ по обычаю на все село. Вотъ показалась тучка, раздался первый весенній громъ, оросилась земля радостнымъ дождикомъ, и все ожило, зацвѣло. Луга зазеленѣлись, въ лѣсахъ показались ландыши и фіалки, зацвѣла черемуха, воздухъ полонъ ароматомъ. Въ садахъ всѣ деревья въ цвѣту, будто покрыты бѣлоснѣжнымъ покровомъ. Воздухъ чистъ и прозраченъ, небо сине и ясно. Кажется, не пошелъ-бы въ избу среди веселья природы. Вечеромъ, ночью и утромъ поютъ соловьи въ рощахъ, днемъ воркуетъ горлинка и кукуетъ кукушка; жаворонки гдѣ-то въ воздухѣ, на высотѣ, заливаются. Все поетъ и ликуетъ.

Кирилловъ.

Орелъ и Змѣя.

На горахъ, подъ мелями, гдѣ лишь ели однѣ вѣчно зелены, сѣлъ орелъ на скалу, въ тѣнь подъ елями и глядитъ:—изъ разсѣлины выползаетъ змѣя, извивается, и на темномъ гранитѣ змѣиная чешуя серебромъ отливается.... У орла гордый взгчядъ загорается: заиграло, знать, сердце орлиное.—„Высоко ты, змѣя, забираешься!“ Молвилъ онъ: „будешь плакать, раскаешься!“ Но змѣя ему кротко отвѣтила: „изъ-подъ камня горючаго я давно тебя въ небѣ замѣтила, и тебя полюбила могучаго.... Не пугай меня злыми угрозами, нѣтъ! бери меня въ когти желѣзные, познакомь меня съ темными грозами, иль умчи меня въ сферы надзвѣздныя“. Засвѣтились глазки змѣиные тихимъ пламенемъ—по змѣиному; распахнулися крылья орлиныя: онъ прижалъ ее къ сердцу орлиному, полетѣлъ съ ней въ пространство холодное; туча грозъ-

ная съ нимъ повстрѣчалася; изгибаясь, змѣя подколодная подъ крыло его робко прижалася. Съ бурей борются крылья орлиныя; близко молнія гдѣ-то ударила.... Онъ сквозь громъ слышитъ рѣчи змѣиныя—вдругъ—змѣя его въ сердце ужалила. И въ очахъ у орла помутилося; онъ отъ боли упалъ, какъ подстрѣленный, а змѣя уползла и сокрылася въ глубинѣ, подъ гранитной разсѣлиной.

Полонскій.

Крестьянинъ и Змѣя.

Когда почтенъ быть хочешь у людей—съ разборомъ заводи знакомства у друзей.

Мужикъ съ змѣею подружился. Извѣстно, что змѣя умна: такъ вкралась къ мужику она, что ею только онъ и клялся и божился. Съ тѣхъ поръ всѣ прежніе пріятели, родня, никто къ нему ногой не побываетъ. „Помилуйте!“ мужикъ пеняетъ: „за что вы всѣ покинули меня? Иль угостить жена васъ не умѣла? Иль хлѣбъ-соль моя вамъ надоѣла?“—„Нѣтъ, кумъ“, Матвѣй сказалъ ему въ отвѣтъ: „къ тебѣ-бы рады мы, сосѣдъ, и никогда ты насъ (объ этомъ слова нѣтъ) не огорчилъ ничѣмъ, не опечалилъ: но что за радость, разсуди, коль сидя у тебя, того лишь и гляди, чтобы твой другъ кого, подползши, не ужалилъ?

Море.

Какъ хорошо ты, о, море ночное!
Здѣсь лучезарно, тамъ же черно!
Въ лунномъ сіяньи, словно живое,
Ходитъ и дышитъ и блещетъ оно.

На безконечномъ, на вольномъ просторѣ
Блескъ и движенье, грохотъ и громъ....
Тусклымъ сіяньемъ облитое море,
Какъ хорошо ты въ безлюдьи ночномъ!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская!
Чей это праздникъ такъ празднуешь ты?
Волны несутся гремя и сверкая,
Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты....

Въ этомъ волненьи, въ этомъ сіяньи,
Вдругъ онѣмѣвъ, я потерянъ стою,
И какъ охотно-бы въ ихъ обаяньи
Всю потопилъ-бы я душу свою.

Тютчевъ.

Волга осенью.

Погода стояла самая неблагопріятная: по временамъ шелъ мелкій осенній дождь и постоянно дулъ страшный вѣтеръ. Мы выкормили лошадей и сейчасъ поѣхали на перевозъ. Спускъ съ Симбирской горы представлялъ теперь несравненно болѣе трудностей, чѣмъ подъемъ на нее: гора ослизла, тормоза не держали и карета катилась бокомъ по косогору. Оставаться въ экипажѣ было опасно и мы, не смотря на грязь и дождь, должны были идти пѣшкомъ.

Волга... страшно вообразить, что такое была Волга! Она вся превратилась въ водяные бугры, которые ходили взадъ и впередъ, желтые и бурые около песчаныхъ отмелей, и черные по серединѣ рѣки; она билась, кипѣла, металась во всѣ стороны, и точно стонала; волны безпрестанно хлестали въ берегъ, взбѣгая на него болѣе чѣмъ на сажень. По всему водяному пространству, особенно посреди Волги, играли *бъляки*, такъ называются всплески воды, когда гребни валовъ, достигнувъ крайней высоты, вдругъ обрушиваются и разсыпаются въ брызги и бѣлую пѣну.

Невыразимый ужасъ обнялъ мою душу, и одна мысль, плыть по этому страшному пути, ледянила мою кровь и почти лишала меня сознанія. На берегу сказали намъ, что теперь перевозу нѣтъ, и что всѣ перевозчики разошлись. Но отецъ мой немедленно хотѣлъ ѣхать и послалъ отыскать перевозчиковъ; сейчасъ явилось нѣ-

сколько человѣкъ, и сказали, что надо часокъ погодить, что передъ солнечнымъ закатомъ вѣтеръ постихнетъ, и что тогда можно благополучно доставить насъ на ту сторону.

С. Аксаковъ.

Объяснить сочетаніе въ слѣдующихъ предложеніяхъ:

Не о томъ рѣчь, что виноватаго сѣчь, а о томъ, что гдѣ онъ?

Не про то говорятъ, что сѣяли, а про то, что куда дѣвали, чего не доѣли.

И жито забыто, и пито не въ честь.—Бояться несчастья и счастья не будетъ.—Говорить хорошо, а замолчить еще лучше.—Совѣсть безъ зубовъ, а загрызетъ.—Не хлѣбомъ живы—молитвою.—Не богатый кормитъ—тароватый.—Пьешь у друга воду слаще меду.—Богу молиться не вовсе разориться.

Живетъ порою, течетъ и вода горою.—Однѣ сласти ѣсть—горечи какъ узнаешь?—Добрая земля—полная мошна; худая земля—пустая мошна.—Говоритъ—хорошо, замолчитъ—еще лучше.—Тонулъ—топоръ сулилъ, вытащилъ—и топорища жаль.—Въ горѣ жить—некручинну быть; нагому ходить—не соромиться.—Бойся, не бойся, а року не миновать.—Уловъ не уловъ, а обрыбиться надо.—Всякъ хлопочетъ, себѣ добра хочетъ.—Не кланяюсь богачу—свою рожь молочу.—Лихихъ пчелъ подкуръ нейметъ, лихихъ глазъ стыдъ не беретъ.—Капля—воробью глотка нѣтъ, а камень долбитъ.—Колосъ отъ колоса, не слыхать человѣческаго голоса.

Разобрать слѣдующіе отрывки изъ былинъ:

Микула Селяниновичъ.

Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ, съ края въ край бороздки пометываетъ; въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать; коренья, каменья вывертываетъ, а великіе-то ка-

менья въ борозду валитъ. Кобыла у ратая соловая, сошка у ратая кленовая, гужики у ратая шелковые. Божья ти помочь, оратаюшко, орать да пахать, да крестьянствовати, съ края въ край бороздки пометывати, коренья, каменья вывертывати!

Ай же ты, ратаю-ратаюшко! Какъ же тебя именемъ зовутъ, какъ звеличаютъ по отечеству?—Говорилъ оратай таковы слова: „а я ржи напашу да во скирды сложу, во скирды складу, домой выволочу, домой выволочу, да дома вымолочу, драни надеру да пива наварю, пива наварю да и мужичковъ напою. Станутъ мужички меня покликивати: молодой Микулушка Селяниновичъ!

Василій Буслаевичъ.

Приходитъ Василій Буслаевичъ ко своей государынѣ-матушкѣ, какъ вьюнъ около ея увивается, проситъ благословеньице великое: „идти мнѣ, Василью, во Ерусалимъ градъ со всею дружиною храброю, мнѣ ко Господу помолитися, святой святынѣ приложитися, во Ерданѣ рѣкѣ искупатися.“—„Гой еси, мое чадо милое, молодой Василій Буслаевичъ! то коли ты пойдешь на добрыя дѣла, тебѣ дамъ благословеніе великое; то коли ты, дитя, на разбой пойдешь, и не дамъ благословенія великаго. А и не носи Василья сыра земля!“ Камень отъ огня разгорается, а и булатъ отъ жару растопляется, материно сердце распущается. И даетъ она много свинцу-пороху, и даетъ Василью запасы хлѣбные, и даетъ оружье долгомѣрное: „побереги ты, Василій, буйну голову свою“.

Вольга Буслаевичъ.

Закатилось красное солнышко за горушки высокія, за моря широкія, разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу

небу: пораждался Вольга, сударь, Буслаевичъ на матушкѣ на святой Руси. Росъ Вольга Буслаевичъ до пяти годовъ, пошелъ Вольга, сударь, Буслаевичъ по сырой землѣ: мать сыра земля сколыбалася, и звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися, и птицы подъ облачью разлеталися, и рыбы по синю морю разметалися. И пошелъ Вольга, сударь, Буслаевичъ обучаться всякихъ хитростей-мудростей и всякихъ языковъ разныхъ. Будетъ Вольга семнадцати лѣтъ, прибираетъ дружину хоробрую: тридцать молодцевъ безъ единаго, самъ Вольга былъ во тридцатыхъ.

Повернулся Вольга, сударь, Буслаевичъ малымъ горносталюшкомъ: зашелъ во горницу, во ружейную; и повернется онъ добрымъ молодцемъ: и тугіе луки переломалъ, и шелковыя тетивочки перервалъ, и каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ, и у оружей замочки повывертѣлъ, въ боченочкахъ порохъ перезалилъ. Повернулся Вольга, сударь, Буслаевичъ сѣрымъ волкомъ: поскочилъ онъ на конюшенъ дворъ, добрыхъ коней перебралъ, а глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ. Повернулся Вольга, сударь, Буслаевичъ малою птицею, пташецей, и будетъ во градѣ, во Кіевѣ, со своею со дружиною, со доброю: „дружина моя добрая, хоробрая! Пойдемъ-те мы во Турецъ-землю!“ И пошли они во Турецъ-землю, и силу турецкую во полонъ брали. „Дружина моя добрая, хоробрая! Станемъ-те теперь полону подѣлять!“ Что было надѣлу дорого? Острыя сабли по пяти рублей, а оружье булатное по шести рублей, а добрые кони по семи рублей....

Добрыня Никитичъ.

Пришелъ Добрынюшка къ великому князю Владиміру: онъ Спасову образу молится, Владиміру князю покланяется. Скочилъ Владиміръ на рѣзвы ноги, хватя Добрынюшку Никитича, цѣловалъ его во уста сахарныя; бросилася его матушка родимая, схватала Добрыню за бѣлы руки, цѣловала его во уста сахарныя.—И тутъ съ Добрынею разговоръ пошелъ—а стали у Добрыни спра-

пивати: а гдѣ побывалъ, гдѣ ночевалъ? Говоритъ Добрыня таково слово: „ты гой еси мой сударь-дядюшка, князь Владиміръ, солнце Кіевско! А былъ я въ пещерахъ бѣлокаменныхъ у лютаго змѣя Горынчища, а всю породу змѣиную его я убилъ и дѣтей всѣхъ погубилъ, родимую тетушку повыручилъ.“ А скоро послы побѣжали по ее, ведутъ родимую его тетушку, привели ко князю во свѣтлу гридню. Владиміръ князь свѣтелъ, радошенъ; пошла-то у нихъ пиръ-радость великая....

Илья Муромецъ.

Не сырой дубъ къ землѣ клонится, не бумажные листочки разстилаются, разстилается сынъ передъ батюшкой; онъ и проситъ себѣ благословеньица: „охъ ты гой еси, родимой милой батюшка! дай ты мнѣ свое благословеньицо, я поѣду въ славной, стольной Кіевъ градъ помолиться чудотворцамъ кіевскимъ, заложиться за князя Володиміра, послужить ему вѣрой—правдою, постоять за вѣру христіанскую.“ Отвѣчаетъ старой крестьянинъ Иванъ Тимофеевичъ: „я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ, а на худыя дѣла благословенья нѣтъ. Поѣдешь ты путемъ и дорогою, не помысли зломъ на татарина, не убей въ чистомъ полѣ христіанина.“ Поклонился Илья Муромецъ отцу до земли, самъ онъ сѣлъ на добра коня, поѣхалъ во чисто́ поле. Онъ и бьетъ коня по крутымъ бедрамъ, пробиваетъ кожу до черна́ мяса; ретивой его конь осержается, прочь о́тъ земли отдѣляется, онъ и скачетъ выше дерева стоячаго, чуть пониже облака ходячаго. Первый скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ; въ другой скочилъ, колодезь сталъ; у колодезя срубилъ сырой дубъ, у колодезя поставилъ часовенку, на часовнѣ подписалъ свое имячко: „ѣхалъ такой-то сильной, могучой богатырь, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ.“

Какъ далече, далече во чистомъ полѣ, что́ ковыль-трава во чистомъ полѣ шатается, а и ѣздилъ въ полѣ

старъ-матеръ человѣкъ, старой ли казакъ Илья Муромецъ. Не бѣлы-то снѣжки забѣлѣлися, забѣлѣлася у старого сѣдая борода, а и конь ли подъ нимъ какбы лютый звѣрь, а самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Со старымъ вѣдь денегъ не годилося, *) только червонцевъ золотыхъ съ нимъ семь тысячей, добрыхъ денегъ сорокъ тысячей; коню вѣдь подъ старымъ цѣны не было. Почему-то ему цѣны не было? Потому-то ему цѣны не было: за рѣку-то онъ броду не спрашивалъ, котора рѣка цѣла верста, а скачетъ онъ съ берега на̀ берегъ. Наѣхали на стараго станишники, по нашему русскому—разбойники: кругомъ его стараго облавили, хотятъ его ограбити, съ душой, съ животомъ его разлучить хотятъ.

Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ: „а и гой еси вы, братцы, станишники! Убить меня стараго вамъ не за что, а взяти у стараго нечего.“ Вымáлъ онъ изъ налушна тугой лукъ, винималъ онъ вѣдь стрѣлку каленую, онъ стрѣляетъ не по станишникамъ, ему жалко ихъ до смéрти убить, стрѣляетъ онъ старой по сыру дубу; а спѣла тетивка у туга лука, угодила стрѣла въ сыръ кряковистый дубъ, изломала въ черенья въ ножевые дубъ. Отъ того-то вѣдь грому богатырскаго станишники съ коней попадали, а и пять они часовъ безъ ума лежатъ. „Охъ вы гой еси, добры молодцы, станишники! Полноте лежать на сырой землѣ, полноте спать высыпатися: по дорогѣ много прошло конныхъ и пѣшихъ, у себя вы много добраго упустили.“ Встали добрые молодцы на свои рѣзвы ноженьки и пали ему въ рѣзвы ноги: „ты гой еси, добръ удалый молодецъ! Поди ты къ намъ во товарищи и будь ты у насъ атаманушкой.“ Возговоритъ добрый молодецъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ: не хочу я съ вами стада пасти, а ѣду въ Кіевъ градъ къ Володимеру князю на вспоможеніе, на его сбереженіе.

---

*) Негодилося—не случилося (старин.)

Алёша Поповичъ.

Было такъ: на восходѣ краснаго солнышка, вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ, выходилъ онъ на Сафатъ—рѣку.... Переправляется сила басурманская, и той силы доброму молодцу не объѣхати, сѣрому волку не обрыскати, черному вóрону не облетѣти. И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ: „ой, ужь гдѣ вы, могучіе витязи, удалые братья названные?“ Какъ сбѣгалися на зовъ его витязи, какъ садилися на добрыхъ коней, какъ бросалися на силу басурманскую, стали силу колоть-рубить. Не столько витязи рубятъ, сколько добрые кони ихъ топчутъ. Бились три часа и три минуточки; изрубили силу поганую, и стали витязи похвалятися: „не намахалися наши могýтныя плечи, не уходилися наши добрые кони, не притупились мечи наши булатные!“ И говоритъ Алёша-Поповичъ младъ: „подавай намъ силу нездѣшнюю,—мы и съ тою силою, витязи, справимся!“

Какъ промолвилъ онъ слово неразумное, такъ и явились двое воителей; крикнули они громкимъ голосомъ: „а давайте съ нами, витязи, бой держать—не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.“ Не узнали витязи воителей. Разгорѣлся Алёша-Поповичъ на ихъ слова, поднялъ онъ коня борзаго, налетѣлъ на воителей, и разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча: стало четверо—и живы всѣ. Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ, разрубилъ ихъ по полам со всего плеча: стало восьмеро—и живы всѣ. Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ, разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча: стало вдвое ихъ и живы всѣ, бросились на силу всѣ витязи, стали они силу колоть-рубить.... А сила все ростетъ да ростетъ, все на витязей съ боемъ идетъ.... Бились витязи три дни, три часа, три минуточки; намахалися ихъ плечи могýтныя, уходилися кони ихъ добрые, притупились мечи ихъ булатные; а сила все ростетъ да ростетъ, все на витязей съ боемъ идетъ.... Испугались могучіе витязи: побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры... Какъ подбѣжитъ витязь

къ горѣ, такъ и окаменѣетъ; какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ; какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ.... Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси!

Краткія примѣчанія о соединеніи независимыхъ предложеній.

(Для справокъ.)

Независимыя простыя и сложныя предложенія соединяются между собою по способу сочиненія, которое выражается союзами.—Виды сочиненій суть слѣдующія:

I. *Прямое соединеніе*, выражаемое союзами: *и, же, притомъ, да, не только—но и, не только—но, сперва, потомъ, далѣе, наконецъ, гдѣ—гдѣ, тамъ—тамъ, здѣсь—тамъ, сверхъ того.*

II. *Противуположеніе*, означаемое союзами: *но, а, однако, впрочемъ, не—не, не то, да, же, хотя—но, хотя—а, хотя—однако, хотя—да, хотя—за то.*

III. *Раздѣлительность*, означается союзами: *или—или, ни—ни, ниже, то—то.*

IV. *Сравненіе*, означаемое союзами: *такъ, такъ—точно; такъ—какъ, такъ—что.*

V. *Причинность*, или винословное сочиненіе, означаемое союзами: *ибо, потому что, такъ, и такъ, слѣдовательно, стало быть.*

Примѣры см. выше, въ статьяхъ.

ОТДѢЛЪ VI.

О періодѣ.

Указать періоды изъяснительные и доказательные. Опредѣлить составъ и форму силлогизма. Разобрать виды періодовъ по объему и по мѣсту темы. Періоды нераспространные, распространенные и сложные. Періоды нисходящіе и восходящіе. Ритмическое построеніе періода. Указать въ статьяхъ и разобрать виды сложнаго періода: винословный, условный, послѣдовательный, сравнительный, изъяснительный, противуположный, уступительный и заключительный. Объяснить знаки въ каждой статьѣ.

Отрывки. Общій гласъ наименовалъ Годунова царемъ, когда на тронѣ пресѣкся родъ князей варяжскихъ и царица Ирина отказалась отъ правленія.

Хитрый Годуновъ хотѣлъ показать, что твердая душа его не ослѣпляется блескомъ трона, и съ скромнымъ величіемъ отвергнулъ корону; но Іовъ умолялъ его, народъ требовалъ, сама царица просила и Борисъ, съ видомъ глубокой горести, отвѣтствовалъ наконецъ, что онъ изъ повиновенія соглашается властвовать.

Быть счастливымъ есть быть вѣрнымъ исполнителемъ естественныхъ мудрыхъ законовъ; а какъ они основаны на общемъ добрѣ и противны злу, то быть счастливымъ есть.... быть добрымъ.

Петръ Великій пробудилъ народъ, усыпленный въ оковахъ невѣжества; онъ создалъ для него законы, силу военную и славу: Ломоносовъ пробудилъ языкъ усыпленнаго народа: онъ создалъ для него краснорѣчіе и стихотворство, испыталъ его силу во всѣхъ родахъ и приготовилъ для грядущихъ талантовъ вѣрныя орудія къ успѣху.

Какъ плавающій въ небѣ ястребъ, давши много круговъ сильными крыльями, вдругъ останавливается распластанный среди воздуха на одномъ мѣстѣ и бьетъ оттуда стрѣлой на раскричавшагося у самой дороги самца—перепела: такъ Тарасовъ сынъ, Остапъ, налетѣлъ вдругъ на хорунжаго и сразу накинулъ ему на шею веревку.

Сильная мысль, истина, красота образа, выразительное слово, внезапно представляясь уму, оживляютъ душу и наполняютъ ее чистымъ, полнымъ, ей сроднымъ удовольствіемъ; такъ-что она въ эти счастливыя минуты вовсе забываетъ иное, земное счастье.

Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, чтобы возвысить наше происхожденіе: слава была колыбелью народа русскаго, а побѣда вѣстницею бытія его.

Дмитрій пошелъ войною на монголовъ въ 1380 году: слѣдовательно дружественныхъ отношеній уже тогда не было, а это случилось только черезъ 40 лѣтъ послѣ Калиты.

Хотя двухвѣковое иго ханское не благопріятствовало успѣхамъ гражданскихъ искусствъ и разума въ нашемъ отечествѣ; однакожъ Москва и Новгородъ пользовались важными открытіями тогдашнихъ временъ: бумага, порохъ, книгопечатаніе сдѣлались у насъ извѣстны весьма скоро по ихъ изобрѣтеніи.

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій.

Набѣгавшись до-сыта, сидишь бывало за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно, давно уже выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать? Матушка говоритъ съ кѣмъ нибудь, и звуки голоса ея такъ сладки, такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально

смотрю на ея лицо, и вдругъ она сдѣлалась вся маленькая, маленькая—лицо ея не больше пуговки; но оно мнѣ все также ясно видно: вижу, какъ она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такой крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ; но я пошевелился—и очарованіе разрушилось; я съуживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.

Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по-французски и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка: мудрено-ли, что не умѣемъ изъяснить имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ? Одинъ иностранный министръ сказалъ при мнѣ, что языкъ нашъ долженъ быть весьма теменъ, ибо Русскіе, говоря имъ, по его замѣчанію, не разумѣютъ другъ друга, и тотчасъ должны прибѣгать къ французскому. Не мы-ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ?—Языкъ важенъ для патріота, и я люблю Англичанъ за то, что они лучше хотятъ свистать и шипѣть по-англійски, нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ.

Пусть пасмурный октябрь осенней дышитъ стужей,
Пусть сѣетъ мѣлкій дождь, или порою градъ
Въ окошки звякаетъ, рябитъ и пѣнитъ лужи,
Пусть сосны черныя, качаяся шумятъ,
И даже безъ борьбы, покорно, незамѣтно,
Сдаетъ угрюмый день, больной и безпривѣтный,
Природу грустную ночной холодной мглѣ,—
Я одиночества не знаю на землѣ.

И мало того, что осуждена я на такую страшную участь,—мало того, что передъ концомъ своимъ должна видѣть, какъ станутъ умирать въ невыносимыхъ мукахъ

отецъ и мать, для спасенья которыхъ двадцать разъ готова была бы отдать жизнь свою,—мало всего этого: нужно, чтобы передъ концомъ своимъ мнѣ довелось увидѣть и услышать слова и любовь, какой не видала я.

На Нивѣ.

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ—
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

Лермонтовъ.

(Изъ Демона):—Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ,
Лишь только міръ волшебнымъ словомъ,
Завороженный замолчитъ;
Лишь только вѣтеръ надъ скалою
Увядшей шевельнетъ травою,
И птичка, спрятанная въ ней,
Порхнетъ во мракѣ веселѣй;
И подъ лозою виноградной,
Росу небесъ глотая жадно,
Цвѣтокъ распустится ночной;
Лишь только мѣсяцъ золотой
Изъ-за горы тихонько встанетъ,
И на тебя украдкой взглянетъ.—

Къ тебѣ я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы,
И на шелковыя рѣсницы
Сны золотые навѣвать.

Лермонтовъ.

Изъ соч. Муравьева. Кто выразитъ всѣ чувства, волнующія грудь при внезапномъ появленіи св. града? И можно ли изъяснить рѣчами то тайное бореніе радости и страха, которыми попеременно движется сердце въ сіе торжественное мгновеніе, когда всѣ дивныя имена Сіона, Голгоѳы и Элеона, съ юныхъ лѣтъ и только во святынѣ храмовъ поражающія слухъ нашъ, внезапно олицетворяются предъ очарованными глазами; когда пылкія мечты младенца сбываются въ видѣніяхъ юноши, и всѣ звуки псалмовъ и пророчествъ сливаются въ одну живую картину отвергшаго ихъ Іерусалима! Тщетно приготовляешь издали духъ свой къ зрѣлищу града,—мысленно представляя себѣ, какъ мало-по-малу онъ станетъ проясняться изъ туманной дали, и какъ мало-по-малу станутъ привыкать къ нему взоры и мысли. Онъ вдругъ какъ-бы изъ подъ земли является смятеннымъ глазамъ на скатѣ той самой горы, по площади коей пролегала трудная стезя; весь и внезапно возстаетъ онъ въ полной красѣ обновленныхъ стѣнъ своихъ и башенъ, во всемъ величіи Ветхаго Завѣта, издали—несокрушенный, какъ-бы еще въ ожиданіи Новаго, и такъ, какъ онъ всегда рисуется воображенію, со всѣми своими бойницами и вратами. Гора Элеонская въ яркихъ лучахъ вечера и пустыня Мертваго моря.

Изъ Карамзина.—Искусства и науки необходимы: ибо онѣ суть плоды природныхъ склонностей и дарованій человѣка, и соединены съ существомъ его, подобно какъ дѣйствія соединяются съ причиною, т. е. союзомъ неразрывнымъ. Успѣхи ихъ показываютъ, что духовная натура наша въ теченіи временъ, подобно какъ злато въ горнилѣ, очищается и достигаетъ большаго совершенства: показываютъ великое наше преимущество

предъ всѣми иными животными, которыя отъ начала міра живутъ въ одномъ кругѣ чувствъ и мыслей, между тѣмъ какъ люди безпрестанно его распространяютъ, обогащаютъ, обновляютъ.

Я помню—и всегда буду помнить—что добрѣйшій и любезнѣйшій изъ нашихъ философовъ, великій Боннетъ, *) сказалъ мнѣ однажды на берегу Женевскаго озера, когда мы, взирая на восходящее солнце, на златыя струи Лемана, говорили объ успѣхахъ человѣческаго разума. „Мой другъ!“... симъ именемъ называетъ Боннетъ всѣхъ тѣхъ, которые приходятъ къ нему съ любовію къ истинѣ.... „мой другъ! размышляющій человѣкъ можетъ и долженъ надѣяться, что въ послѣдствіи вѣковъ объяснится весь мракъ въ путяхъ философіи, и заря нашихъ смѣлѣйшихъ предчувствій будетъ нѣкогда солнцемъ увѣренія. Знанія разливаются какъ волны морскія; необозримо ихъ пространство; никакое острое зрѣніе не можетъ видѣть отдаленнаго берега—но когда явится онъ утружденному взору мудрецовъ; когда мы узнаемъ все, что въ странахъ подлунныхъ знать можно: тогда, можетъ быть, изчезнетъ міръ сей подобно волшебному замку, и человѣчество вступитъ въ другую сферу жизни и блаженства“.

Такъ, искусства и науки неразлучны съ существомъ нашимъ—и если бы какой-нибудь духъ тьмы могъ теперь въ одну минуту истребить всѣ плоды ума человѣческаго, жатву всѣхъ прошедшихъ вѣковъ: то потомки наши снова найдутъ потерянное, и снова возсіяютъ искусства и науки, какъ лучезарное солнце на земномъ шарѣ. Драгоцѣнное собраніе знаній, по волѣ гнуснаго варвара, было жертвою пламени въ Александріи; но мы знаемъ теперь то, чего ни греки, ни римляне не знали. Пусть новый Омаръ, новый Амру, факеломъ Тизифоны превратитъ въ пепелъ всѣ наши книгохранилища! Въ теченіе грядущихъ временъ родятся новые Баконы, кото-

---

*) Карлъ Боннетъ, родомъ Женевецъ, извѣстенъ сочиненіями по философіи и естественнымъ наукамъ. Род. въ 1720 г., умеръ 1793. Современникъ Карамзина.

рые положатъ новое и, можетъ быть, еще твердѣйшее основаніе храма наукъ; родятся новые Невтоны, которые откроютъ законы всемірнаго движенія; новый Локкъ изъяснитъ человѣку разумъ человѣка; новые Кондильяки, новые Боннеты силою ума своего оживятъ статую, и новые поэты воспоютъ красоту натуры, человѣка и славу Божію: ибо все то, чему мы удивляемся въ книгахъ, въ музыкѣ, на картинахъ, все то излилось изъ души нашей, и есть лучъ божественнаго свѣта ея, произведеніе великихъ ея способностей, которыхъ никакой Омаръ, никакой Амру не можетъ уничтожить.

Два періода.

Жизнь наша дѣлится на двѣ эпохи: первую проводимъ въ будущемъ, а вторую въ прошедшемъ. До нѣкоторыхъ лѣтъ, въ гордости надеждъ своихъ человѣкъ смотритъ все впередъ, съ мыслію: „тамъ, тамъ ожидаетъ меня судьба, достойная моего сердца!“ Потери мало огорчаютъ его; будущее кажется ему несмѣтною казною, приготовленною для его удовольствій. Но когда горячка юности пройдетъ, когда сто разъ оскорбленное самолюбіе поневолѣ научится смиренію; когда сто разъ обманутые надеждою наконецъ перестаемъ ей вѣрить: тогда, съ досадою оставляя будущее, обращаемъ глаза на прошедшее, и хотимъ нѣкоторыми воспоминаніями замѣнить потерянное счастіе лестныхъ ожиданій, говоря себѣ въ утѣшеніе: „и мы, и мы были въ Аркадіи“! и тогда, тогда единственно, научаемся дорожить и настоящимъ; тогда же бываемъ до крайности чувствительны и къ самомалѣйшей утратѣ, тогда прекрасный день, веселая прогулка, занимательная книга, искренній дружескій разговоръ извлекаютъ изъ глазъ слезы благодарности....

Гдѣ сливаются сіи двѣ эпохи? ни глазъ не видитъ, ни сердце не чувствуетъ. Однажды въ Швейцаріи вышелъ я гулять на восходѣ солнца. Люди, которые мнѣ встрѣчались, говорили: „доброе утро, господинъ“. Что со мной было далѣе, не помню, но вдругъ вывело меня изъ задумчивости привѣтствіе: „добрый вечеръ!“ я взглянулъ на небо: солнце садилось: это поразило меня. Такъ

бываетъ съ нами и въ жизни! Сперва говорятъ о человѣкѣ: „какъ онъ молодъ!“ и вдругъ скажутъ о немъ: „какъ онъ старъ!“

Карамзинъ.

Изъ сочин. митрополита Платона.—Нѣтъ славнѣе зрѣлища, какъ видѣть или слышать, что малый оправданъ предъ великимъ, а бѣдный предъ богатымъ; когда малость малому и бѣдность бѣдному у добраго судьи не воспрепятствовали быть добрымъ человѣкомъ, и великость великаго не защитила быть въ самомъ дѣлѣ малымъ: таковое общество прямо было бы блаженнымъ. Пусть будетъ кто великъ: тѣмъ больше онъ имѣетъ случаевъ защищать и покровительствовать. Пусть кто будетъ богатъ: тѣмъ только преимуществуетъ предъ бѣднымъ, что больше можетъ благодѣтельствовать. Пусть будетъ кто и малъ, но онъ безопасенъ и спокоенъ: и потому на великость смотритъ съ почтеніемъ, но безъ удивленія. Пусть кто будетъ и бѣденъ: но съ бѣдностью живетъ безъ заботъ и безъ боязни и потому на богатство смотритъ безъ зависти. О, блаженно общество, въ коемъ въ такое равновѣсіе приведены всѣ состоянія!

Но кто сію мѣру въ своемъ удержитъ равновѣсіи? Безпристрастное правосудіе хранителей и исполнителей закона.

Изъ Филарета: Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла святыхъ, обиталище святыни, свидѣтелей праотеческаго и современнаго благочестія; люблю чинъ твоихъ богослуженій и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ преподобнаго Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъ взираю на твои столпостѣны, не поколебавшіяся и тогда, когда колебалась было Россія; знаю, что и лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и таже и тѣмъ же богата сокровищемъ, т. е. Божіею благодатію, которая обитала въ преподобномъ Сергіи, въ его пустынѣ, и еще обитаетъ въ немъ и въ его мощахъ, въ его лаврѣ; но при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ лаврою.

Изъ Карамзина: — Наставленный херсонскимъ митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи христіянства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило пріуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били тростями и свергнули съ горы въ Днѣпръ. Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины княжескіе отталкивали его отъ береговъ, и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлося перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для нихъ послѣднею данію суевѣрія: ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди русскіе, вельможи и рабы, бѣдные и богатые, шли креститься — и народъ, уже лишенный предметовъ обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая вѣра должна быть мудрою и святою, когда великій князь и бояре предпочли ее старой вѣрѣ отцовъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провождаемый соборомъ греческихъ священниковъ, и по данному знаку безчисленное множество людей вступило въ рѣку: большіе стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился; когда священный соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ кіевскихъ христіянами: то Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: „Творецъ земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ; дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ Вѣру правую. Будь мнѣ помощію въ искушеніяхъ зла, да восхвалю достойно святое имя Твое!...“ Въ сей великій день, говоритъ лѣтописецъ, земля и небо ликовали.

Новѣйшіе историки замѣчаютъ въ Іоаннѣ III разительное сходство съ Петромъ Первымъ: оба безъ сомнѣнія велики; но Іоаннъ, включивъ Россію въ общую го-

сударственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видимъ также, чтобы пекся о просвѣщеніи умовъ науками: призывая художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинскаго искусства, хотѣлъ единственно великолѣпія силы, и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ посольскихъ или торговыхъ; любилъ изъявлять имъ только милость, какъ пристойно великому монарху, къ чести, не къ униженію собственнаго народа. Не здѣсь, въ исторіи Петра, должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества.... Петръ думалъ возвысить себя чужеземнымъ названіемъ императора: Іоаннъ гордился древнимъ именемъ великаго князя и не хотѣлъ новаго; однако жъ въ сношеніяхъ съ иностранцами принималъ имя *Царя*, какъ почетное титло великокняжескаго сана, издавна употребляемое въ Россіи.

Въ человѣческой натурѣ есть двѣ противныя склонности: одна влечетъ сердце наше къ новымъ предметамъ, а другая привязываетъ насъ къ старымъ; одну называютъ *непостоянствомъ*, любовью къ новостямъ, а другую *привычкою*. Мы скучаемъ единообразіемъ и желаемъ перемѣнъ, однако мы, разставаясь съ тѣмъ, къ чему душа наша привыкла, чувствуемъ горесть и сожалѣніе. Счастливъ тотъ, въ комъ сіи двѣ склонности равносильны! но въ комъ одна другую перевыситъ, тотъ будетъ или вѣчнымъ бродягою, вѣтреннымъ, безпокойнымъ, мелкимъ въ духѣ, или холоднымъ, лѣнивымъ, нечувствительнымъ. Одинъ, перебѣгая безпрестанно отъ предмета къ предмету, не можетъ ни во что углубиться, дѣлается разсѣяннымъ и слабѣетъ сердцемъ; другой, видя и слыша все тоже да тоже, грубѣетъ въ чувствахъ и наконецъ засыпаетъ душою. Такимъ образомъ сіи двѣ крайности сближаются, потому что и та, и другая ослабляетъ въ насъ душевныя дѣйствія.

Изъ Жуковскаго. Два рода читателей: одни, закрывая прочтенную ими книгу, остаются съ темнымъ и весьма безпорядочнымъ о ней понятіемъ: это происходитъ или отъ непривычки мыслить въ связи, или отъ нѣкоторой безпечности, которая препятствуетъ имъ слѣдовать своимъ вниманіемъ за мыслями автора и разбирать впечатлѣнія, въ нихъ производимыя красотами или недостатками его творенія; другіе читаютъ, мыслятъ, чувствуютъ, замѣчаютъ прекрасное, видятъ погрѣшности,— и въ головѣ ихъ остается порядочное полное понятіе о томъ, что они читали.

Изъ Пушкина: Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣтей безпечныхъ, было много—
Неравная и рѣзвая семья.
Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена
Надъ школою надзоръ хранила строго.
Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуетъ она.
Ея чела я помню покрывало,
И очи свѣтлыя, какъ небеса,—
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало,
Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ
И полныя святыни словеса.
Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.

Изъ Буслаева. Еще разъ скажемъ во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній: исторія языка приводитъ въ извѣстность и объемлетъ грамматическія формы, словоизмѣненіе и корнесловъ языка русскаго; но никогда не имѣетъ въ виду предлагать для всеобщаго письменнаго употребленія ни народныхъ областныхъ рѣченій, ни древнихъ устарѣвшихъ формъ языка.

Несжатая полоса.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли,
Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводитъ она.
Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
„Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,
Скучно склоняться до самой земли,
Тучныя зерна купая въ пыли!
Насъ, что ни ночь, раззоряютъ станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,—
Заяцъ насъ топчетъ и буря насъ бьетъ...
Гдѣ же нашъ пахарь? чего еще ждетъ?
Или мы хуже другихъ уродились?
Или недружно цвѣли—колосились?
Нѣтъ! мы не хуже другихъ—и давно
Въ насъ налилось и созрѣло зерно.
Не для того же пахалъ онъ и сѣялъ,
Чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?....“
Вѣтеръ несетъ имъ печальный отвѣтъ:
—Вашему пахарю моченьки нѣтъ.
Зналъ, для чего и пахалъ онъ и сѣялъ,
Да не по силамъ работу затѣялъ.
Плохо бѣднягѣ—не ѣстъ и не пьетъ,
Червь ему сердце больное сосетъ,
Руки, что вывели борозды эти,
Высохли въ щепку, повисли какъ плети,
Очи потускли, и голосъ пропалъ,
Что заунывную пѣсню пѣвалъ,
Какъ, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шелъ полосою.

Н. А. Некрасовъ.

Изъ Гоголя: Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ старосвѣтскими, которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простою и совершенною противоположностью

съ новенькимъ гладенькимъ строеніемъ, котораго стѣнъ не промылъ еще дождь, крыши не покрыла зеленая плѣсень, и лишенное штукатурки крыльцо не показываетъ своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, попатнувшіяся на сторону, осѣненныя вербами, бузиной и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и тѣ неспокойныя порожденія злаго духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи.

Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галлереею изъ маленькихъ почернѣлыхъ деревянныхъ столбиковъ, идущею вокругъ всего дома, чтобы можно было, во время грома и града, затворить ставни оконъ, не замочась дождемъ. За нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревъ, потопленныхъ багрянцемъ вишень и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ; развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ для отдыха коверъ; передъ домомъ просторный дворъ съ низенькою свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкою отъ амбара до кухни, и отъ кухни до барскихъ покоевъ.

Печорскій Монастырь.

Если когда нибудь придется вамъ быть въ Нижнемъ Новгородѣ, сходите поклониться Печорскому монастырю. Вы его отъ души полюбите.

Уже подходя къ нему, вы почувствуете, что въ душѣ вашей становится свѣтло и безмятежно.

Сперва все бытіе ваше какъ-будто расширится и существованіе выше станетъ вамъ яснѣе отъ одного взгляда на роскошную картину приволжскаго берега. Налѣво, у ногъ вашихъ, подъ ужасною крутизною, вы увидите широкую рѣку-матушку, любимую народомъ, прославленную русскими повѣрьями и пѣснями; гордо игра-

отъ она и блещетъ серебряной чешуей, и плавно и величественно тянется въ сизую даль. Направо, на скатѣ горы, громоздятся дружною кучей между кустовъ и деревьевъ живописные хаты, а надъ ними, на обрывѣ, вдавшемся въ рѣку, вы видите бѣлую ленту монастырской ограды, изъ среды которой вызвышаются куполы церквей и келіи иноковъ.

Обогните гору; спуститесь по широкой дорогѣ къ монастырскимъ воротамъ и отряхните всѣ ваши мелочныя страсти, всѣ ваши мірскія помышленія: вы въ монастырской оградѣ.

Вокругъ васъ печально тянутся длинныя строенія. Посреди двора двѣ старинныя церкви соединяются крытыми наружными переходами. Здѣсь, въ этихъ церквахъ, безмолвныхъ свидѣтеляхъ нашей забытой старины, подъ тяжелыми ихъ сводами и рѣзными иконостасами, много было вылито и слезъ и молитвъ отъ набѣговъ Татаръ, отъ вторженій Поляковъ, о славѣ и многолѣтіи князей нижегородскихъ.

Ступени церквей уже заросли травой. Кругомъ между густымъ кустарникомъ, бѣлѣютъ памятники и уныло наклоняются на землю надгробные кресты. Здѣсь все дико и мрачно. Здѣсь порогъ суеты человѣческой. Здѣсь все тихо, все молчитъ, все мертво, и лишь изрѣдка монахъ въ черной рясѣ мелькаетъ тѣнью между могилъ.

Гр. В. А. Соллогубъ.

Петръ Великій.

Обозрѣвая царствованіе императора Петра Великаго съ намѣреніемъ представить оное въ одной общей картинѣ, опредѣлить его значеніе въ системѣ русской и европейской исторіи, невольно чувствуешь трепетъ, падаешь духомъ, и не знаешь, съ чего начать, что сказать и что умолчать. Сколько созданій! Сколько разрушеній, преобразованій! Сколько дѣйствій и происшествій всякаго рода!—Мысль устаетъ летать отъ одного предмета къ другому, и удивленная, изнеможенная, приходитъ въ замѣшательство, останавливается...

Что за зрѣлище представляетъ онъ самъ своею особою, съ своимъ твердымъ характеромъ, съ своей желѣзною волею, даже съ своимъ лицомъ и исполинскимъ ростомъ! Что за зрѣлище представляетъ Россія и ея жители, съ ихъ образомъ мыслей, привычками, нуждами, предразсудками, обстоятельствами, стариною—завѣтнымъ наслѣдіемъ предковъ, Россія тысячелѣтняя, смирная, терпѣливая, благочестивая, самодовольная, страна, въ которую насланъ былъ судьбою этотъ величайшій изъ всѣхъ преобразователей, ничѣмъ недовольный!

Сколько разнаго дѣла дѣлается въ одно время!— Одно подготовляется, другое начинается, третье на половинѣ, четвертое близко къ концу;—съ какимъ рвеніемъ, жаромъ, усердіемъ, какъ будто всѣмъ работникамъ заданы уроки, назначенъ срокъ подъ строгою отвѣтственностію! Всѣ торопятся, суетятся, спѣшатъ кончить и боятся опоздать. Шумъ, крикъ, стукъ. Нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью. Нѣтъ остановки, передышки на минуту. Не успѣютъ справиться съ однимъ, какъ уже принимаются за другое. Все разчитано по часамъ, по минутамъ; все переведено будто на вѣрную математическую машину.

Одно сѣмя бросается передъ вашими глазами въ землю, другое прозябаетъ, третье только-что изникло изъ почвы, а это уже приноситъ плодъ, и всѣ они произрастаютъ рядомъ въ одно время.

Какое движеніе, какая дѣятельность, живость во всѣхъ концахъ обширнаго царства! И что за разнообразіе!

Здѣсь роются въ горахъ и достаютъ руду, тамъ изъ руды куютъ желѣзо, дальше сверлятъ изъ желѣза стволъ, а еще дальше стрѣляютъ уже изъ новаго ружья.

Вотъ выписаны овцы, вотъ онѣ расплодились, вотъ настрижено съ нихъ шерсти, вотъ вытканно изъ нея сукно въ только-что отстроенной фабрикѣ, вотъ кроятъ новое невиданное платье, и вотъ оно напяливается на горько плачущій народъ, у котораго только-что выбрита борода.

Здѣсь скапываютъ бугры, тамъ зарываютъ рвы, громоздятъ насыпи, мѣряютъ землю, выжигаютъ болота, валятъ лѣсъ, прорубаютъ засѣки—и при послѣднемъ взмахѣ лопаты, отбрасывающей остальной камень съ новой дороги, показывается вдали первый обозъ, который подъѣзжаетъ къ готовому сообщенію.

Нынѣ исчисляется народъ, и производится первый рекрутскій наборъ, завтра формируется армія, и прямо съ ученья идетъ на генеральную баталію; по утру побѣждена, а къ вечеру празднуетъ викторію.

Но вотъ понадобились люди и работники: какъ въ святочной игрѣ, отрываются отъ одного дѣла къ другому, перебѣгаютъ съ края въ край. Каменщикъ кидается за топоръ, плотникъ спѣшитъ къ творилу, купецъ хватаетъ ружье, солдатъ садится передъ зерцало, крестьянинъ на заводъ, помѣщикъ на корабль.

Вдругъ нагрянули враги—новая перемѣна: всѣ бѣгутъ къ нимъ на встрѣчу, кто съ поля, кто отъ станка, кто изъ суда, кто изъ лавки. Проводили незванныхъ гостей, и опять всѣ по своимъ мѣстамъ, какъ ни въ чемъ не бывалые, принимаются за прерванное дѣло. Замололи жернова, заходилъ топоръ, запрыгали шестерни, пошли на службу и огонь, и вода, и воздухъ, и земля.

Всѣ дѣлаютъ разное, мечутся безпрестанно изъ угла въ уголъ, но никто не мѣшаетъ другъ другу: напротивъ, оказывается взаимная помощь, выходитъ ладъ.—Какой же могущій чародѣй управляетъ всею совокупностію этихъ многочисленныхъ, разнородныхъ дѣйствій?

Нѣтъ, не чародѣй, а геній—Петръ. Смотрите—вонъ онъ стоитъ посреди широкаго поля русскаго царства, рабочей своей палаты, между тысячами и тьмами своихъ работниковъ. Видите, онъ выше ихъ всѣхъ на полъаршин-

на... Что такое сверкаетъ въ рукѣ его? не волшебный ли жезлъ какой? Какъ горятъ глаза его, какъ движется все его тѣло! Смотрите: какъ поворачиваетъ онъ головою направо и налѣво, какъ бросаетъ свои пронзительные взоры во всѣ стороны, и какъ работа вскипаетъ у русскаго человѣка тамъ, куда онъ оборачивается; и силы прибываетъ, и время увеличивается: часъ выростаетъ днемъ, день вытягивается мѣсяцомъ, мѣсяцъ старѣетъ годомъ, трудное становится легкимъ, невозможное—возможнымъ.

Смотрите, какъ по его движеніямъ, то вдругъ на сѣверѣ изъ болота выскочитъ городъ, то на югѣ пустится по морю флотъ, то на западѣ встанетъ линія крѣпостей, то на востокѣ скорымъ маршемъ выступитъ въ походъ армія! Или—вдругъ весь народъ обрѣвается, переодѣвается, различается по сословіямъ, по городамъ, по провинціямъ, по губерніямъ.

Онъ самъ не свой; онъ помогаетъ, кажется, всякому работнику, присутствуетъ своимъ духомъ во всякой работѣ! Какъ жарко принимаетъ къ сердцу всякую удачу и неудачу. Удовольствіе и досада перемѣняются ежеминутно на лицѣ его. Онъ видитъ все:—вотъ въ городѣ недостроена башня, вотъ въ арміи не комплектенъ полкъ, вотъ на кораблѣ покривилась мачта, вотъ на фабрикѣ спился наемный нѣмецъ! Онъ бросается стремглавъ съ своего мѣста, хватается за топоръ, долото, за кормило, выкидываетъ артикулъ, строитъ, чинитъ, сыплются награды и наказанія, снаряжаются ассамблеи и экзекуціи; гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость.

Спрашиваю—не удивительное ли это зрѣлище?

ПРИМѢЧАНІЯ О ПЕРІОДѢ.

(Для справокъ).

Періодомъ называется рѣчь, которая содержитъ въ себѣ вполнѣ законченную мысль. А рѣчь вполнѣ и законченно выражаетъ мысль и удовлетворяетъ слушателя только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ ней ораторъ или разскащикъ соединилъ все, что слѣдуетъ сказать о предметѣ, съ точки зрѣнія, которую избираетъ за предметъ самъ ораторъ. Эта точка зрѣнія представляетъ основаніе сужденія для сочинителя.

Всѣ періоды по внутреннему своему устройству бываютъ или *изъяснительные* или *доказательные*. Послѣдніе соотвѣтствуютъ умозаключенію или силлогизму *). (См. примѣры въ статьяхъ о періодѣ).

Дѣленіе періодовъ по объему.

Періоды по объему своему бываютъ:

I. *Нераспространенные*, которые состоятъ изъ одного главнаго предложенія.

II. *Распространенные*, въ которыхъ есть придаточное предложеніе при главномъ, и

III. *Сложные*, которые состоятъ изъ многихъ главныхъ предложеній или изъ многихъ соединенныхъ предложеній. (См. тѣ же статьи о періодѣ).

Мысль, которую сочинитель старается доказать въ періодѣ, составляетъ тему или задачу періода. Тема излагается или въ началѣ періода, а самый періодъ составляетъ только ея развитіе; или находится въ концѣ его и вытекаетъ изъ его предъидущаго содержанія изъ цѣлаго ряда сужденій, какъ необходимый изъ нихъ выводъ, или какъ заключеніе. Въ первомъ случаѣ періодъ называется *нисходящимъ*, а во второмъ *восходящимъ*.

(Найти примѣры нисходящаго и восходящаго періода въ приведенныхъ статьяхъ, см. выше).

Сколько бы предложеній ни было въ періодѣ, онъ всегда состоитъ только изъ двухъ частей, изъ которыхъ одна заключаетъ объясняемую мысль, а другая объясняющую. Объясняющая часть періода имѣетъ въ себѣ главное удареніе и называется повышеніемъ; объясняемая имѣетъ на себѣ подчиненное удареніе,

*) Силлогизмъ—доказательство, вытекающее изъ двухъ неопровержимыхъ доказательствъ: a=b, a=c, слѣд. b=c (при условіи что a=a).

и называется пониженіемъ. Каждое предложеніе періода называется членомъ его и можетъ быть или простымъ или составнымъ предложеніемъ.—Періодъ, состоящій изъ двухъ только членовъ, называется *двухчленнымъ*, изъ трехъ—*трехчленнымъ*, а заключающій въ себѣ нѣсколько членовъ—называется *многочленнымъ*. Членами обширнаго періода могутъ быть не только предложенія, но даже отдѣльные періоды.

(Разберите по членамъ приведенныя выше статьи).

Виды сложнаго періода. По значенію своему, т. е. по тѣмъ отношеніямъ мыслей, какія выражаются подчиненными предложеніями, періоды бываютъ:

I. *Винословный*: онъ выражаетъ отношеніе слѣдствія къ причинѣ. Служебными словами при образованіи такихъ періодовъ бываютъ союзы причинные. Наичаще встрѣчаются союзы *ибо* и *потому что*. Союзы эти иногда опускаются, и тогда между двумя частями періода ставится двоеточіе.

II. *Условный періодъ* выражаетъ условное отношеніе причины и слѣдствія. Союзы этого періода: *если бы—то—бы* или *если—то*; *когда—то*, и *ли*. Между частями условнаго періода ставится *запятая*, или, если союзы повторяются, то *точка съ запятой*.

III. *Періодъ послѣдовательный*, въ которомъ излагаются событія или дѣйствія, въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ по времени. Союзы этого періода: *когда—тогда*, *межъ-тѣмъ—какъ*, *лишь-только—какъ*, и другіе. Между двумя частями періода, которыя обозначаются союзами, ставится *двоеточіе*, или *точка съ запятой*, если членовъ много.

IV. *Періодъ сравнительный*—выражаетъ сравнительное отношеніе отдѣльныхъ предметовъ по ихъ дѣйствіямъ и качествамъ, или сравнительное отношеніе цѣлыхъ независимыхъ предложеній. Часть періода, выражающая мысль, приведенную для сравненія съ другими мыслями, имѣетъ на себѣ главное ударе-ніе. Союзы этого періода: *такъ—какъ*, *столько—сколько*, *словно—такъ*, *подобно*, *сколько—столько*, *чѣмъ болѣе—тѣмъ....*, *болѣе—нежели*, *и другіе подобные.* Части періодовъ отдѣляются точкой съ запятой.

V. *Изъяснительный періодъ* выражаетъ отношеніе мыслей, какъ понятій, которыя относятся между собой, какъ опредѣленіе, дополненіе или обстоятельства, и имѣютъ силу главныхъ предложеній. Союзы этого періода: *такъ что*, *такой—что*, *за тѣмъ—что*. Главное удареніе падаетъ на объясняющую часть.—Между частями періода ставится *точка съ запятой* или *двоеточіе*, *если союзы опускаются*.

VI. *Противопожный періодъ* выражаетъ отрицательное и противительное отношеніе мыслей. Часть періода, выражающая мысль, которую сочинитель выставляетъ въ противуположность другимъ мыслямъ, имѣетъ на себѣ главное удареніе. Союзы этого періода: *но, же, а*. Союзы эти могутъ опускаться и тогда между двумя частями періода ставится двоеточіе.

VII. *Періодъ уступительный*, въ которомъ слѣдствіе, противополагаясь первоначальной мысли, всегда помѣщается въ пониженіи. Союзы этого періода: *хотя, пусть, положимъ, правда-что—да, но, однакожъ, впрочемъ; не смотря на то, не смотря на то что....* Между частями его ставятся запятыя, если періодъ не сложный, или точка съ запятой, если періодъ составляется изъ предложеній сложныхъ.

VIII. *Періодъ заключительный*, въ которомъ выводъ или заключеніе логически вытекаетъ изъ первоначальной мысли. Выводъ всегда помѣщается въ пониженіи. Союзы: *но, однакожъ, итакъ, а потому, слѣдовательно.*

Всѣ приведенныя правила провѣрить на примѣрахъ (см. выше статьи).

ПРАВИЛА О ЗНАКАХЪ ПРЕПИНАНІЯ.

(Для справокъ).

Употребленіе запятой.—Въ простомъ предложеніи запятая ставится: 1) предъ обращеніемъ и послѣ обращенія; 2) передъ приложеніемъ, когда оно стоитъ послѣ опредѣляемаго слова и имѣетъ значеніе сокращеннаго придаточнаго предложенія. (См. статьи въ отд. I и II).

Въ сложномъ предложеніи: 1) предъ одинаковыми членами слитнаго предложенія, когда они стоятъ рядомъ и безъ союзовъ *и, или*; 2) когда союзы эти повторяются передъ каждымъ одинаковымъ членомъ слитнаго предложенія, 3) передъ одинокимъ союзомъ *и*, если онъ замѣняетъ союзъ *потому что*. 4) Отдѣляются также запятыми полныя придаточныя предложенія; 5) изъ предложеній сокращенныхъ,—а) обстоятельственныя придаточныя предложенія непремѣнно требуютъ запятой; б) опредѣлительныя же только тогда, когда очень распространены или слѣдуютъ за своимъ опредѣляемымъ.—6) Дополнительныя предложенія, сокращаясь въ простые члены (напр. подлежащія или дополненія), запятой ни послѣ себя, ни впереди никогда не имѣютъ. 7) Запятыми отдѣляются вводныя слова и

вводныя предложенія; но по желанію сочинителя они могутъ писаться съ скобкахъ или между тире. 8) Двѣ части періода раздѣляются запятой при условіяхъ: а) если въ нихъ еще нѣтъ союза; б) если они не велики по объему своему и соединены союзомъ соединительнымъ *и*. (См. статьи въ отд. II, III, IV и V).

Употребленіе точки съ запятой. 1) Точка съ запятой раздѣляетъ сочиненныя предложенія, когда они достаточно распространены по объему и отличаются независимостью и отдѣльностью. 2) Точка съ запятой ставится между нѣсколькими предложеніями или частями періода, когда части эти довольно многосложны, или имѣютъ при себѣ предложенія придаточныя и вводныя, кои раздѣлены уже запятыми. (См. статьи въ отд. II, III, IV, V и статьи о періодѣ).

Употребленіе двоеточія. Двоеточіе ставится: 1) между двумя частями сложнаго періода, когда каждая половина заключаетъ въ себѣ нѣсколько частей, раздѣленныхъ уже точками съ запятой или запятыми.—2) Между исчисленіемъ частей цѣлаго или исчисленіемъ *видовъ* извѣстнаго *рода*.—3) Передъ предложеніемъ или частью предложенія, когда въ нихъ объясняется предъидущее.—4) Передъ вносимымъ предложеніемъ.—5) Передъ союзомъ *и*, если его можно замѣнить союзомъ *и потому*.—6) Если пропущенъ союзъ *что*, и далѣе слѣдуетъ продолженіе предъидущаго. (См. статьи о періодѣ, а также отд. II, III, IV и V, отрывки изъ образцовыхъ писателей).

Употребленіе точки.—Точка ставится только въ концѣ періода или въ концѣ каждаго отдѣльнаго предложенія, если оно выражаетъ вполнѣ законченную мысль.

Многоточіе ставится, когда предложеніе выражаетъ прерванную мысль и замѣняетъ недостающіе члены.

Знаки *вопросительный и восклицательный* ставятся вмѣсто точки: 1) вопросительный въ концѣ предложенія, заключающаго въ себѣ вопросъ; 2) восклицательный послѣ предложенія восклицательнаго, въ которомъ выражено обращеніе одного лица къ другому, или послѣ звательнаго падежа, если онъ находится въ концѣ предложенія. 3) Восклицательный знакъ ставится въ началѣ предложенія послѣ обращенія, если звательному падежу предшествуетъ воклицательное междометіе. 4) Въ началѣ предложеній, послѣ каждаго восклицательнаго междометія, если при немъ нѣтъ звательнаго падежа. (См. отдѣлъ I о предложеніяхъ восклицательномъ и вопросительномъ).

Вносный знакъ или *кавычка* ставятся въ началѣ и въ концѣ чужихъ словъ или чужой мысли.

Тире ставится: 1) вмѣсто запятой при отдѣленіи вводнаго предложенія отъ главнаго, при чемъ вводное предложеніе ставится между двухъ тире, если находится въ серединѣ главнаго.

2) Въ слитномъ предложеніи, когда, перечисливъ части цѣлаго, сочинитель продолжаетъ рѣчь мѣстоименіемъ *все*, или *всѣ*, относя это мѣстоименіе къ предъидущему перечисленію.

3) Послѣ точки, когда нужно обозначить, что послѣдующая мысль имѣетъ очень слабую связь съ предъидущей и можетъ быть помѣщена съ красной строки. (См. пословицы и басни).

4) Когда сочинитель желаетъ, чтобы читающій, для болѣе сильнаго выраженія мысли, долѣе обыкновеннаго остановился на точкѣ, послѣ которой слѣдуетъ тире.

5) Тире замѣняетъ вносный знакъ, если приводится разговоръ между многими лицами и рѣчь каждаго отдѣльнаго лица пишется или печатается съ красной строки. (См. басни).

Для всѣхъ правилъ на знаки препинанія найти примѣры, и объяснить ихъ, въ разныхъ отдѣлахъ *Хрестоматіи*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

	Стр.
Примѣры простыхъ нераспространныхъ предложеній. О подлежащемъ и сказуемомъ . .	1—2
Примѣры распространныхъ предложеній . .	2—4
О словахъ опредѣлительныхъ, дополнительныхъ и обстоятельственныхъ	4—6
Примѣры опредѣлительныхъ словъ въ косвенныхъ падежахъ съ предлогами . . .	6—7
О приложеніяхъ	7—9
О дополненіяхъ	9—12
Примѣры обстоятельственныхъ словъ . .	12—13
Примѣры косвенныхъ падежей съ предлогами .	13—15
Примѣры звательныхъ словъ	15—16
Примѣры вводныхъ словъ	16—17
О предложеніи утвердительномъ и отрицательномъ	17
Примѣры собственно отрицательныхъ предложеній	17—19
Примѣры неполныхъ предложеній	19—20
О предложеніи повѣствовательномъ, вопросительномъ и восклицательномъ	20—21
Примѣры слитныхъ предложеній	21—23

Отдѣлъ II.

О сочетаніи предложеній. Сочетаніе предложеній по способу подчиненія. Виды придаточныхъ предложеній. Придаточныя предложенія съ мѣстоименіемъ *который*, *кто*, *чей* и *каковъ*.	23—25

II.

Придаточныя предложенія съ мѣстоименіемъ *что* и *чьмъ* . . . . . 25—26
» » съ нарѣчіемъ *когда, пока* . . 26—27
» » съ нарѣчіемъ *гдѣ, куда* . . . 27—28
» » съ союзомъ *чтобы* . . . . 28—29
» » съ союзами *ли, или, чьмъ, какъ* . 29—30
» » съ союзами *если, хотъ* . . . 30—31
Полныя и сокращенныя придаточныя предложенія и предложенія скрытыя . . . 31—45
Разборъ предложеній, представляющихъ особенности . . . . . 45—46
О сокращеніи придаточныхъ предложеній. (Краткая статья для справокъ ученика). . . 46—47
Примѣры вводныхъ предложеній . . . 48

Отдѣлъ III.

Общее понятіе о согласованіи и управленіи словъ 49—51
О согласованіи въ личномъ предложеніи. Разныя формы выраженія подлежащаго въ русскомъ языкѣ . . . . . 51—54
О выраженіи подлежащаго. (Краткая ст. для справокъ ученика). . . . . 54—55
Виды и согласованіе сказуемаго . . . 55—57
Склоняемая форма сказуемаго . . . 57
Когда сказуемое необходимо выразить нарѣчіемъ . . . . . 57—58
Отчего зависитъ родовая форма сказуемаго . 58
Примѣры творительнаго падежа въ сказуемомъ . 58—59
Примѣры различныхъ формъ сказуемаго . . 59—60
О выраженіи сказуемаго. (Краткая ст. для справокъ ученика). . . . . 60—61
Согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ. Глагольное сказуемое. Согласованіе его съ подлежащимъ . . . . . 61—63
Объ отношеніи сказуемаго къ подлежащему. (Краткая ст. для справокъ ученика) . . 63—65
О согласованіи причастій и дѣепричастій съ формами изъявительнаго наклоненія . . 65—72

III.

О согласованіи причастій (Краткая ст.) . . 72
О согласованіи дѣепричастій. (Краткая ст.) . 72—73
Формы сказуемаго въ безличныхъ предложеніяхъ. 73—74
Предложенія въ формѣ обращенія ко 2-му лицу безъ явнаго подлежащаго . . . . . 74—76
Сказуемое въ формѣ 3-го лица единств. числа безъ явнаго подлежащаго . . . . . 76—77
Сказуемое въ формѣ 3-го лица множ. числа . 77—78
Существительная форма глагола въ видѣ сказуемаго съ частицею *бы* . . . . . 78—79
Употребленіе неопредѣленнаго наклоненія, какъ сказуемаго . . . . . 79—81
Соединеніе личной формы глагола существительнаго, какъ сказуемаго, съ неопредѣленной формой другаго глагола . . . . . 81—82
Согласованіе опредѣлительныхъ словъ съ опредѣляемыми . . . . . 82—83
Согласованіе именъ существительныхъ . . 83—84
Согласованіе опредѣленій въ предложеніяхъ слитныхъ . . . . . 84—85
Согласованіе числительныхъ . . . . . 85—86
Прилагательныя имена при именахъ числительныхъ . . . . . 86—87
Согласованіе приложеній 87
Статьи для разбора . . . . . 87—90
Изъ какихъ частей предложенія образуются опредѣлительныя слова . . . . . 90—92
Согласованіе опредѣлительныхъ словъ съ опредѣляемыми. (Краткая ст. для справокъ ученика). 92—93

Отдѣлъ IV.

Управленіе непосредственное. Важнѣйшіе случаи употребленія падежей . . . . . 94—102
Пословицы для разбора . . . . . 102—104
Статьи для разбора . . . . . 104—106
Управленіе посредственное. Примѣры предлоговъ 106—116
Статьи для разбора . . . . . 116—131

Значеніе и управленіе предлоговъ и нарѣчій, употребляющихся въ видѣ предлоговъ. (Кратк. ст. для справокъ ученика). . . . . 131—136

Отдѣлъ V.

Соединеніе предложеній посредствомъ союзовъ. Соединеніе прямое, противительное, раздѣлительное, сравнительное, винословное и заключительное . . . . . 137—164
Краткія примѣчанія о соединеніи независимыхъ предложеній 164

Отдѣлъ VI.

О періодѣ. . . . . 165—181
Примѣчанія о періодѣ. Дѣленіе періодовъ по объему (для справокъ) . . . . 181—184
Правила о знакахъ препинанія (для справокъ). 184

ЦѢНА 85 КОП.

KP XI 1951